

Астрид Линдгрен. Мы все из Бюллербю

Меня зовут Лизи. Я девочка, хотя, наверное, это и так ясно, раз меня зовут Лизи. Мне семь лет, но скоро уже будет восемь, и мама иногда просит меня:

– Лизи, ты уже большая, вытри, пожалуйста, посуду!

А Лассе и Боссе говорят:

– Маленьких играть в индейцев не принимаем!

Так какая же я все-таки, большая или маленькая? По-моему, если одни считают, что я уже большая, а другие, что я еще маленькая, значит, я в самый раз.

Лассе и Боссе – это мои братья. Лассе девять лет, а Боссе – восемь. Лассе ужасно сильный и бегаёт гораздо быстрее, чем я. А с Боссе мы бегаем одинаково. Когда им нужно удрать от меня, Лассе меня держит, а Боссе тем временем убегает. Потом Лассе отпускает меня и убегает сам. А уж его-то мне никак не догнать. Жалко, конечно, что у меня только братья и ни одной сестры – ведь мальчишки очень вредные.

Мы живём в деревне Бюллербю. Это очень маленькая деревня, в ней всего три дома, и стоят они бок о бок. Мы живём в среднем доме.

В другом доме живёт мальчик Улле. У него совсем нет ни сестер, ни братьев, но он всегда играет с Лассе и Боссе. Ему восемь лет, и он тоже очень быстро бегаёт.

А вот в третьем доме живут сразу две девочки. Я так рада, что там нет мальчишек! Девочек зовут Бритта и Анна. Бритте девять лет, а Анне столько же, сколько и мне. Я очень их люблю, и Анну, и Бритту, но Анну все-таки чуть-чуть сильнее.

Больше детей в нашей деревне нет. Нас всего шестеро: Лассе, Боссе и я, Улле, Бритта и Анна.

С братьями трудно ладить

Раньше Лассе, Боссе и я спали в одной комнате, которая на чердаке справа. Теперь у меня своя комната – та, что слева. В ней когда-то жила бабушка. Я расскажу потом, как я туда переселилась.

В общем-то, мне даже нравилось жить вместе с Лассе и Боссе. Но не всегда. Хорошо было, когда по вечерам мы лежали и рассказывали страшные истории, хотя я и дрожала от страха. Лассе знает такие жуткие истории про привидения, что я прячусь под одеяло и боюсь высунуться. А Боссе не рассказывает ничего страшного. Он рассказывает только о разных приключениях, какие у него будут, когда он вырастет. Он ведь собирается поехать в Америку и стать вождем индейцев.

Однажды Лассе и Боссе так меня напугали, что я чуть не умерла. Лассе рассказывал историю про привидение, которое заходило в дом и передвигало мебель. В нашей комнате было совсем темно, а моя кровать стояла далеко от кроватей Лассе и Боссе. И вдруг по комнате запрыгал стул! Я решила, что это привидение, и заорала во все горло. Но тут я услышала, как Лассе и Боссе прыскают от смеха. Знаете, что они сделали? Они привязали к стулу две веревки и дергали за них. Вот стул и прыгал. Они мастера на такие проделки! Сперва я очень рассердилась, но потом мне тоже стало смешно.

Когда живешь с братьями в одной комнате и эти братья старше тебя, они всем распоряжаются как хотят. У нас, например, распоряжался Лассе. Он один решал, когда вечером гасить свет. Если я читала в постели сказки, Лассе заявлял, что надо погасить свет и рассказывать страшные истории. А если мне хотелось погасить свет и спать, Лассе и Боссе тут же затевали какую-нибудь игру.

Лассе может погасить свет, не вставая с кровати, потому что смастерил какую-то штуку из картона и прикрепил ее к выключателю, а шнурок от этой штуки привязал к спинке кровати. Это замечательное изобретение, но я, к сожалению, не могу объяснить вам, как оно устроено, потому что не собираюсь становиться инженером, как Лассе. Это Лассе всегда хвастает, что будет инженером по хитроумным приспособлениям. Я не совсем понимаю, что это значит, но Лассе говорит, что инженер по хитроумным приспособлениям – прекрасная профессия. И он говорит, что таким инженером может стать лишь

тот, кто умеет прикреплять картонки к выключателям.

А Боссе собирается стать вождем индейцев. По крайней мере, раньше он всегда так говорил. Но недавно я слышала, как он сказал маме, что хочет стать машинистом на паровозе. Значит, он передумал насчет индейцев. А вот я еще не знаю, кем буду. Наверно, мамой. Я очень люблю маленьких детей. У меня есть семь дочек, это мои куклы. Но скоро я буду уже слишком большая, чтобы играть в куклы. Так скучно быть большой!

Мою самую красивую куклу зовут Белла. У нее голубые глаза и золотые локоны. Она спит в кукольной кровати с розовой простышкой и розовым одеяльцем, которые сшила мама. Однажды я подошла к Белле и увидела у нее бороду и усы. Это Лассе и Боссе нарисовали их углем. Хорошо, что теперь у меня есть своя комната.

Из окна Лассе и Боссе можно заглянуть прямо в окно Улле. Он ведь тоже спит в комнате на чердаке, а наши дома стоят совсем рядом. Папа говорит, что, если посмотреть со стороны, похоже, будто все три дома подталкивают друг друга в бок. Он считает, что не надо было строить дома так близко. Но Лассе, Боссе и Улле с ним не согласны. Им нравится жить рядышком.

Между нашим домом и домом Улле есть невысокая изгородь. Возле нее растет большое дерево. Папа говорит, что это липа. Ветви липы с одной стороны достают до окна Лассе и Боссе, а с другой – до окна Улле. Когда у Лассе, Боссе и Улле срочное дело, они лезут друг к другу прямо по липе. Так гораздо быстрее, чем спускаться по лестнице, выходить в одну калитку, входить в другую и снова подниматься по лестнице. Однажды наши папы решили срубить липу. Они сказали, будто от нее темно в комнатах. Но Лассе, Боссе и Улле устроили такой рев, что липу оставили в покое. Она и сейчас там растет.

Как мне подарили комнату

Из всех праздников я больше всего люблю свой день рождения. Самый хороший день рождения был у меня, когда мне исполнилось семь лет.

В этот день я проснулась очень рано. Тогда мы жили в одной комнате с Лассе и Боссе. Они еще не просыпались. Я стала скрипеть кроватью, чтобы их разбудить. Разбудить их иначе я не могла, ведь в день рождения надо притворяться спящей, пока тебе не принесут угощение в постель. А Лассе и Боссе спали и, кажется, не собирались готовить мне угощение. Я скрипела очень долго и громко. Наконец проснулся Боссе. Он сел на кровати и взъерошил себе волосы. Потом он разбудил Лассе. Они тихонько вышли из комнаты и спустились вниз. Я слышала, как мама на кухне гремит посудой, и еле удерживалась, чтобы не вскочить.

Но вот они затопали по лестнице, и я крепко зажмурила глаза. Трах! – дверь с шумом распахнулась, и на пороге появились папа, мама, Лассе, Боссе и Агда, наша служанка. У мамы в руках был поднос с цветами, чашкой какао и большим пирогом, на котором сахарной глазурью было написано: "Лизи 7 лет". Пирог испекла Агда. А больше никаких подарков не было, и я уже подумала, что это какой-то странный день рождения, но тут папа сказал:

– Выпей побыстрее какао, и пойдем поищем, может, найдутся какие-нибудь подарки.

Тогда я поняла, что меня ждет сюрприз, и залпом выпила какао. После этого мама завязала мне глаза полотенцем, папа заставил меня покружиться, потом взял на руки и понес куда-то. Только куда, я не видела. Но я слышала, что Лассе и Боссе бегут рядом. Нет, не слышала, а чувствовала, потому что они все время щекотали мне пятки и говорили:

– Угадай, где ты?

Папа спустился со мной вниз и долго носил меня по всему дому, он даже выходил со мной во двор, а потом снова стал подниматься по какой-то лестнице. Наконец мама развязала мне глаза. Мы стояли в комнате, которой я никогда раньше не видела. По крайней мере, мне так сначала показалось. Но когда я выглянула в окно, я увидела дом Бритты и Анны. Они стояли у окна и махали мне руками. И я поняла, что мы в бывшей бабушкиной комнате и что папа нарочно так долго носил меня, чтобы запутать. Бабушка жила у нас, когда я была совсем маленькая, а потом переехала жить к тете Фриде. С тех пор в ее комнате стоял мамин ткацкий станок и лежал ворох лоскутьев, из которых мама ткала половики. Однако теперь в комнате не было ни станка, ни лоскутьев. Комната так изменилась, что я спросила, уж не побывал ли тут волшебник. Мама

сказала, что, конечно, побывал и этот волшебник – мой папа. Он заколдовал мне эту комнату, и теперь я буду в ней жить. Это и есть подарок. Я страшно обрадовалась, потому что еще никогда в жизни не получала такого подарка. Папа сказал, мама тоже помогала ему колдовать. Он заколдовал очень красивые обои с букетиками, а мама – занавески. Каждый вечер папа уходил в свою мастерскую и там колдовал. Так появились комод, круглый стол, этажерка и стулья. Все это папа выкрасил в белый цвет. А мама выткала половики в зеленую и желтую полосочки и застелила ими пол. Я сама видела, как она зимой ткала эти половики, но кто же знал, что она тклет их для меня. И конечно, я видела, как папа мастерит мебель, но зимой папа всегда мастерит что-нибудь для людей, которые сами не умеют этого делать.

Лассе и Боссе тут же перетащили в новую комнату мою кровать, и Лассе сказал:

– Но по вечерам мы все равно будем приходить к тебе и рассказывать страшные истории!

Первым делом я вернулась в комнату Лассе и Боссе и забрала всех своих кукол. Для маленьких кукол я устроила дом на этажерке, Беллину кроватку поставила рядом со своей, а кукольную коляску с Гансом и Гретой – в другом углу. И тогда в моей комнате стало еще красивее.

Потом я снова побежала к Лассе и Боссе и забрала у них из комода все свои коробочки и картинки. Боссе очень обрадовался.

– Вот сколько места освободилось для птичьих яиц! – сказал он.

Я расставила на этажерке все свои книги и журналы. У меня целых тринадцать книг! Рядом я сложила коробочки с глянцевыми картинками, которыми мы с девочками меняемся в школе на переменках. У меня очень много картинок, но есть несколько любимых, их я не обменяю ни за что в жизни. Самая любимая – это принцесса в розовом платье.

Вот какой подарок я получила на день рождения. Но на этот день рождения еще не кончился.

Продолжение дня рождения

После обеда ко мне в гости пришли все дети из Бюллербю. Вы, наверно, помните, что нас всего шестеро? Мы сидели в моей новой комнате за круглым столом и угощались малиновым морсом и пирогом, на котором было написано "Лизи 7 лет", и еще двумя пирогами, их тоже испекла Агда. И я получила новые подарки: от Анны с Бриттой – сказки, а от Улле – шоколадку. Улле сидел рядом со мной, а Лассе и Боссе дразнились:

– Жених и невеста! Жених и невеста!

Они дразнятся, потому что Улле не стесняется играть с девочками. Но Улле не обращает внимания на их дразнилки, он одинаково играет и с мальчиками, и с девочками. Лассе и Боссе тоже не прочь иногда поиграть с девочками, хотя и притворяются, что они девчонок терпеть не могут. Но если в деревне всего шестеро детей, им все равно приходится играть друг с другом, неважно, мальчики они или девочки. Ведь в любую игру вшестером играть гораздо веселее, чем втроем.

Поев, мальчики ушли посмотреть коллекцию птичьих яиц, которую собрал Боссе, а мы с девочками стали играть в куклы. И тут я изобрела одну хитроумную вещь – не хуже самого Лассе.

Еще давно я нашла длинную-предлинную бечевку, но не знала, что с ней делать. А теперь я поняла, для чего она годится. Если связать эту бечевку с еще одной такой же длинной бечевкой и протянуть ее из окна моей комнаты в окно к Бритте и Анне, можно пересылать друг другу письма в коробке из-под сигар. Все получилось просто замечательно!

Бритта с Анной побежали к себе домой, и мы стали посылать друг другу письма. Сигарная коробка легко скользила по бечевке. Сперва мы писали просто: "Как ты поживаешь? Я поживаю хорошо". Но потом мы придумали игру, как будто мы принцессы, заточенные в замках. Мы не можем выйти из своих замков, потому что нас стерегут злые драконы. Бритта с Анной писали мне: "Наш дракон жутко страшный! А твой? Принцесса Бритта и принцесса Анна".

А я им отвечала: "Мой дракон тоже жутко страшный. Он меня кусает, когда я хочу выйти из замка. Как хорошо, что мы можем переписываться! Принцесса Лизи."

Потом мама позвала меня вниз, и, пока меня не было, ко мне в комнату

пришли Лассе, Боссе и Улле. Они увидели наши письма, и Лассе тоже отправил девочкам письмо. Он написал:

"Принцесса Лизи ушла высморкать нос. Зато здесь куча принцев. Принц Ларс Александр Наполеонский".

Но Бритта и Анна сказали, что это уже глупости.

Я ужасно рада, что окно моей комнаты смотрит как раз в окно Бритты и Анны! Теперь мы всегда посылаем друг другу письма. А зимой, когда письма посылать неудобно, мы переговариваемся с помощью карманного фонарика. Я зажигаю фонарик три раза, и это значит: "Приходите скорей ко мне! Я придумала что-то интересное".

Мама предупредила меня, что свою комнату я должна убирать сама. И я очень стараюсь. Иногда я устраиваю генеральную уборку. Я выбрасываю половики прямо в окно, и тогда помогает мне выбивать из них пыль. Потом я начищаю дверные ручки, чтобы они блестели, вытираю пыль, ставлю в вазу свежие цветы и перестилаю кукольную кровать. Но случается, что я забываю про уборку. Тогда мама говорит, что я неряха.

Мы полем репу и получаем в подарок котят

А теперь я расскажу вам, как мы пололи репу. Конечно, мы пололи ее все вместе, ведь полоть врозь было бы скучно. Чтобы у нас не заболели колени, мы подвязали длинные холщовые передники.

Мама дала нам бидон с морсом – вдруг нам захочется пить. Пить нам захотелось сразу же, как только мы пришли на огород. Мы взяли длинные соломинки, стали вокруг бидона на колени и начали тянуть морс через соломинки. Это было так смешно, что мы не заметили, как выпили весь морс. Тогда Лассе взял бидон и сбегал за водой на родник. Мы стали пить через соломинки воду. Это тоже было смешно, хотя и не так вкусно. Наконец Улле повалился на спину и сказал:

- Послушайте, как булькает у меня в животе!

Это булькала вода. Мы все подошли и послушали, как она булькает.

Мы пололи репу и рассказывали по очереди всякие истории. Лассе попробовал рассказывать про привидения, но когда светит солнце, привидений никто не боится. Тогда Лассе предложил соревноваться, кто знает самые страшные ругательства. Мы, девочки, отказались участвовать в таком глупом соревновании, потому что учительница говорит, что бранятся только очень глупые люди. Лассе начал браниться один, но браниться в одиночку скучно, и он бросил эту затею.

В первый день нам было очень весело полоть, а на второй день – уже не очень, но что делать, мы все равно должны были прополоть всю репу. И вдруг Лассе говорит Улле:

- Петрушка сальдо бум-бум.

А Улле отвечает ему:

- Колифинк, колифинк.

И Боссе тоже говорит:

- Мойси дойси филибум арарат.

Мы, конечно, спросили, что это такое, и Лассе сказал, что это особый язык, который понимают только мальчики.

- Для девочек этот язык слишком труден, – сказал он.

- Ха-ха-ха! А вы и сами его не понимаете! – засмеялись мы.

- Прекрасно понимает! – возразил Лассе. – Я, например, сказал: "Сегодня хорошая погода". Улле ответил: "Конечно, конечно", а Боссе сказал: "Вот здорово, что девчонки не понимают нашего языка."

И они стали разговаривать на своем языке. Тогда Бритта сказала, что у нас тоже есть свой особый язык, который понимают только девочки. И мы начали разговаривать на своем языке. Так мы все утро и разговаривали на разных языках. Мне показалось, что эти языки очень похожи друг на друга, но Лассе сказал, что наш язык глупый.

- Язык мальчиков гораздо умнее, потому что похож на русский, – сказал он.

- Колифинк, колифинк, – опять сказал Улле.

Мы уже успели немножко выучить язык мальчиков и знали, что это означает: "Конечно, конечно". Теперь я, Бритта и Анна зовем его Улле Колифинк.

На третий день, когда мы сели на камни, чтобы позавтракать, неожиданно небо потемнело и началась гроза с градом. Града было столько, что кругом все побелело, как зимой. Мы побежали, но бежать по градинам было очень холодно: ведь мы были босиком.

- Бежим к Кристин, здесь близко! - крикнул Лассе.

Мы так и сделали. Мы почти всегда слушаемся Лассе.

Кристин живет в маленьком красном домике недалеко от наших огородов. Мы побежали к ней. К счастью, она оказалась дома. Кристин совсем старая и немного похожа на нашу бабушку. Она очень-очень добрая. Мы часто ходим к ней в гости.

- Гости дорогие, гости золотые! - воскликнула Кристин, всплеснув руками, а потом, увидев, какие мы мокрые добавила: - Ах-ах! Бедные мои детки!

Она развела огонь в очаге, который занимает почти половину комнаты, мы сняли мокрую одежду и стали греть у огня ноги. А Кристин пекла нам вафли в старой вафельнице, которую засовывала прямо в огонь. И еще она сварила нам кофе в трехногой кастрюльке, стоявшей среди углей.

У Кристин есть три кошки. У одной из них недавно родились котята. Они лежали в корзинке и жалобно пищали. Они нам очень понравились. Их было четверо, и Кристин сказала, что трех придется отдать, иначе у нее будет столько кошек, что в доме не останется места для нее самой.

- Можно, мы возьмем их себе? - спросила Анна.

- Можно-то можно, - сказала Кристин, - только вот что скажут ваши мамы, когда вы принесете котят домой?

- Мамы очень обрадуются, - сказала Бритта, - потому что котят все любят.

И мы попросили Кристин, чтобы она дала нам котят на пробу. На каждый дом в Боллербю пришлось по котенку. Нам котенка выбрал Лассе - полосатого с белым пятнышком на лбу. Бритта с Анной выбрали себе белого котеночка без единого пятнышка, а Улле черного-пречерного.

Когда наша одежда высохла, мы понесли котят домой. Хорошо, что у кошки тоже остался один котеночек, а то ей было бы очень грустно.

Мы назвали своего котенка Муриком, Бритта с Анной - Принцессой, а Улле - Малькольмом. И все наши мамы, конечно, разрешили нам оставить котят. Мне очень нравится играть с Муриком. Я привязываю к веревке бумажку и бегаю с ней, а Мурик бегаёт за бумажкой и пытается поймать ее. Лассе и Воссе раньше тоже играли с Муриком, но потом им это надоело. Иногда мы выпускаем Мурика, Принцессу и Малькольма на лужок поиграть друг с другом. Все-таки они родственники, и им, наверно, приятно повидаться.

Как Улле приобрел собаку

У нашего Улле нет ни братьев ни сестер. Зато у него есть своя собака. Ну, и еще, конечно, Малькольм. Его собаку зовут Быстрый. Я Вам расскажу, как Быстрый попал к Улле.

Недалеко от Бюллербю живет сапожник по фамилии Добряк. Но фамилия ничего не значит, потому что сапожник вовсе не добрый. На самом деле он очень злой. Он, например, никогда не чинит наши башмаки в срок, даже, если обещает. Агда говорит, это потому, что он пьяница. Раньше Быстрый жил у него. Сапожник плохо обращался с Быстрым, и Быстрый был самым злым псом в округе. Он всегда сидел на цепи и громко лаял, когда к сапожнику приходили люди. Мы его очень боялись и близко к будке не подходили. Сапожника мы тоже боялись. Он угрюмый, мрачный и говорит, что детей надо сечь каждый день. Он и Быстрого частенько бил. И забывал накормить его, когда напивался.

Пока Быстрый жил у сапожника, мы думали, что это очень злобный и некрасивый пес. Такой он был всегда грязный, косматый и страшный. Теперь-то мы знаем, какой он хороший. Но добрым он стал только благодаря нашему Улле. Ведь и сам Улле тоже очень добрый.

А было все так.

Однажды Улле понес сапожнику в починку свои башмаки. Быстрый, как обычно, с лаем выскочил из будки. Вид у него был такой свирепый, будто он хочет разорвать Улле. Улле остановился и стал с ним разговаривать. Он сказал Быстрому, что он славный, добрый пес, только очень громко лает. Конечно, Улле стоял так, чтобы Быстрый до него не дотянулся, потому что Быстрый был

совсем не похож на славного, доброго пса.

На другой день Улле пришел за своими башмаками и принес Быстрому кость. И хоть Быстрый рычал на Улле, кость все-таки стал грызть. Наверно, ему очень хотелось есть. А Улле стоял поодаль и опять говорил Быстрому, какой он славный и добрый.

Улле пришлось много раз ходить за своими башмаками, потому что сапожник все время его обманывал. Каждый раз Улле приносил Быстрому что-нибудь поесть. И, представьте себе, в один прекрасный день Быстрый уже не зарычал на него, а радостно залаял. Тогда Улле подошел к Быстрому и погладил его, а Быстрый лизнул ему руку.

Однажды сапожник упал и вывихнул себе ногу. Он не мог ходить и совсем перестал кормить Быстрого. Улле пожалел Быстрого, он пошел к сапожнику и попросил разрешения кормить собаку, пока у сапожника болит нога. Но сапожник сказал:

- Ха, кормить захотел! Да он тебе глотку перегрызет, как только ты к нему подойдешь!

Но Улле подошел к Быстрому и погладил его, а сапожник сидел у окна и все видел. Тогда он разрешил Улле кормить Быстрого.

Улле вычистил будку, застлал ее свежим сеном, вымыл миску, налил в нее свежей воды и накормил Быстрого. А потом повел его на прогулку в Бюллербю. И Быстрый прыгал от радости, потому что ему очень надоело сидеть на цепи. Каждый день Улле водил Быстрого на прогулку. Мы тоже гуляли с ними, но Быстрый любил только Улле и никому, кроме Улле, не позволял водить себя на поводке.

Когда нога у сапожника зажила, он сказал Улле:

- Хватит валять дурака! Это сторожевая собака, и она должна сидеть на цепи!

Быстрый ждал, что Улле, как обычно, возьмет его на прогулку, и прыгал от радости. Но когда Улле ушел без него, ему стало грустно и он жалобно завыл. Так нам рассказывал сам Улле. Улле тоже было грустно, и несколько дней он ходил сам не свой. Наконец его папа, дядя Нильс, не выдержал, пошел к сапожнику и купил у него Быстрого.

Мы все прибежали к Улле смотреть, как он моет свою собаку. И даже помогли ему немножко. Когда Быстрый был вымыт, вытерт и причесан, он стал похож на обычного пса.

Теперь он всегда добрый, и его больше не нужно водить на поводке. Ночью он спит возле кровати Улле. А когда мы возвращаемся из школы, Быстрый встречает нас на полпути и несет в зубах портфель Улле. Но к дому сапожника он близко не подходит. Наверно, боится, что сапожник поймает его и снова посадит на цепь.

Хорошо иметь собственную собаку, но дедушку иметь тоже неплохо

Каждому человеку приятно иметь собственное животное. Мне бы тоже хотелось, чтобы у меня была своя собака, но у меня ее нет. А вообще-то у нас в Бюллербю много всяких животных. Есть лошади, коровы, телята, свиньи и овцы. Ещемоя мама держит кур. Это называется бюллербюнская куриная ферма. Мама продает яйца всем, кто хочет, чтобы у них вывелись цыплята.

Одного из наших коней зовут Аякс, и считается, что он мой. Но ведь это не по-настоящему, не так, как Быстрый у Улле. По-настоящему мои только кролики. Они живут в клетке, которую сделал папа, и я каждый день кормлю их травой и листьями. Одно время у Боссе тоже были кролики, но потом они ему надоели. Ему надоедает все, кроме птичьих яиц.

У нас в саду есть старое-престарое дерево. Мы зовем его совиным, потому что там живут совы. Однажды Боссе влез на совиное дерево и стащил у совы яйцо. Всего в гнезде было четыре яйца, так что у совы осталось три. Боссе выдул из яйца все содержимое положил яйцо в свою коллекцию. Потом он решил подшутить над совой и положил ей в гнездо куриное яйцо. Очень странно, но сова ничего не заметила. Она сидела на яйцах, пока в один прекрасный день из них не вылупились три совенка и один цыпленок. Сова ужасно удивилась, когда обнаружила, что один из ее детей похож на желтый пушистый шарик! Боссе испугался, что она станет обижать цыпленка, и забрал его из гнезда.

- Это мой цыпленок, а не ее! - сказал он.

Он привязал цыпленку к лапке красную тряпочку, чтобы не спутать его с

остальными, и пустил к маминим цыплятам. Цыпленка он назвал Альбертом, но когда он подрос, оказалось, что он вовсе не петушок, а курочка. Тогда Боссе переименовал ее в Альбертину. Теперь Альбертина уже взрослая курица, и когда Боссе ест яйца, он говорит, что это Альбертина снесла специально для него.

Альбертина летает гораздо выше, чем все остальные курицы. Боссе говорит, это потому, что она родилась в свином гнезде.

Однажды Лассе решил тоже завести собственных животных. Он поставил в свинарнике три мышеловки, поймал шестнадцать мышей и посадил их в бочку. На бочке он написал мелом: "Бюллербюнская мышинная ферма". Но ночью все мыши сбежали, и мышинная ферма перестала существовать.

- А зачем тебе мышинная ферма? Ведь мыши яиц не несут, - сказала Бритта.

- Ну и что же! - ответил Лассе. - Мне хотелось, чтобы у меня была своя ферма. - Он очень огорчился, что мыши убежали.

А вот у Бритты и Анны нет ни собаки, ни кроликов. Зато у них есть дедушка. Он очень добрый. Наверно, это самый добрый дедушка на свете. Мы все зовем его дедушкой, хотя дедушкой он приходится только Бритте и Анне.

Мы бегаем к нему, когда у нас нет никаких других дел. Дедушка всегда сидит в качалке. У него длинная седая борода, как у гнома. Дедушка очень плохо видит и не может читать ни книг, ни газет. Но это не страшно - он и так знает все, что в них написано. Он часто рассказывает нам всякие старинные истории и еще про то, как жили люди, когда он был маленький.

А мы, Бритта, Анна и я, читаем ему вслух газету - кто умер, кому сколько лет исполнилось, что где случилось и всякие другие объявления. Когда мы читаем, что где-то ударила молния, дедушка рассказывает нам, как ударили молнии в прежние времена. А если мы читаем, что кого-то заборол бык, дедушка рассказывает нам про своих знакомых, которые тоже угодили быку на рога. Поэтому мы читаем газету очень долго.

Иногда газету дедушке читают мальчики. Но он больше любит, чтобы читали мы. Мальчишки ленятся и пропускают много интересного. У дедушки в шкафу есть ящик с разными инструментами, и он разрешает мальчикам ими пользоваться. Он даже помогает им выстругивать кораблики, хотя и плохо видит. И оловянных солдатиков мальчики всегда расплавляют только у дедушки в печке.

На окне у дедушки растет пеларгония, и он сам за ней ухаживает. Он даже разговаривает с ней. На стенах у него висят картины, очень красивые. Мне особенно нравятся две. На одной нарисован пророк Иона в брюхе у кита, а на другой - человек, которого душит уползший из зверинца удав. Эта картина не такая красивая, зато она очень страшная.

В хорошую погоду дедушка выходит погулять. У него есть палка, которой он нащупывает дорогу. Летом он любит сидеть под большим вязом, что растет на лужайке перед их домом. Дедушка греется на солнышке и время от времени произносит:

- О-хо-хо!

Мы у него спросили, почему он всегда говорит "О-хо-хо!", и он сказал нам, что он говорит так, когда вспоминает, как был молодым. Я думаю, это было ужасно давно.

Мы все очень рады, что у нас есть такой добрый дедушка. По-моему, иметь дедушку даже лучше, чем собаку.

Мальчишки не умеют хранить свои тайны.

Вскоре после того как мы пропололи репу, начался сенокос.

- В этом году я не позволю детям бегать на сеновал и прыгать по сену, - сказал папа.

Он так говорит каждый год, но никто не верит, что это серьезно.

С утра до вечера мы катались на возах с сеном и прыгали на сеновале. Лассе предложил соревноваться: кто прыгнет выше всех. Конечно, сверху вниз, а не снизу вверх. Мы влезли на балку под самой крышей и прыгнули вниз. У меня даже в животе защекотало. Лассе обещал, что победитель получит в награду тянучку, которую он купил, когда ходил в лавку за дрожжами для мамы. Мы прыгали, прыгали и прыгали. В конце концов Лассе забрался выше всех и спрыгнул на совсем маленькую кучку сена. Он упал и некоторое время лежал неподвижно. Потом он сказал, что ему показалось, будто сердце у него провалилось в живот и теперь останется там на всю жизнь. Никто из нас не осмелился прыгнуть с такой высоты. Тогда Лассе засунул тянучку себе в рот и

сказал:

- Приз вручен Лассе за смелый подвиг на сеновале!

Как-то раз мы с Бриттой и Анной ехали на возу с сеном и среди каменной россыпи увидели земляничную полянку. Там было столько земляники, сколько я никогда в жизни не видела. Мы тут же решили никогда-никогда не рассказывать про это место мальчишкам. Землянику мы, конечно, собрали и нанизали ее на соломинки. У нас получилось тринадцать длинных соломинок. Вечером мы ее съели. Лассе, Боссе и Улле мы тоже угостили земляникой, но когда они спросили, где мы ее набрали, мы ответили:

- Этого вы никогда не узнаете, потому что это наша тайна!

Несколько дней мы с Бриттой и Анной искали новые земляничные полянки и на сеновал больше не приходили. А мальчишки играли там каждый день, и мы все удивлялись, как им это не надоест.

Однажды мы сказали им, что у нас есть уже семь земляничных полянок, но им мы не покажем ни одной, это наша тайна.

- Ха-ха-ха! Ваша тайна ничего не стоит по сравнению с нашей! - сказал Улле.

- А какая у вас тайна? - спросила Бритта.

- Так мы вам и сказали! - засмеялся Улле.

Но Лассе возразил ему:

- Наоборот! Пусть знают. Как же они иначе убедятся, что наша тайна гораздо важнее, чем их?

- Ну, скажите, скажите, какая у вас тайна? - стали просить мы.

- Пожалуйста! Если хотите знать, мы вырыли в сене девять пещер! - сказал Лассе.

- Но где, вы не узнаете никогда! - воскликнул Боссе и запрыгал на одной ножке.

- А мы их найдем! - сказали мы и побежали на сеновал искать пещеры.

Мы искали весь тот день и весь следующий, но не нашли ни одной пещеры. А мальчишки важничали и смеялись над нами. Наконец Лассе сказал:

- Лучше сдавайтесь, все равно вам их не найти. Чтобы их найти, нужна карта, а она хранится в надежном месте.

- Что еще за карта? - спросили мы.

- Обыкновенная. На ней указаны все пещеры. Мы сами ее начертили, - сказал Лассе. - Она хранится в нашем тайнике.

Тогда мы с Бриттой и Анной бросили искать пещеры и стали искать карту.

Мы знали, что она спрятана где-нибудь у нас дома. Лассе никогда не согласился бы спрятать ее в другом месте. Несколько часов мы рылись в комнате Лассе и Боссе, перетрясли постели, перерыли комод и шкаф, но ничего не нашли. Тогда мы попросили Лассе:

- Подскажи хотя бы, к чему эта карта ближе спрятана: к птицам, к рыбам или к чему-нибудь среднему.

Мы всегда так подсказываем друг другу, когда играем в "холодно-горячо".

Лассе, Боссе и Улле долго смеялись, а потом Лассе сказал:

- Да, пожалуй, к птицам. Лопни, мои глаза, если не к птицам!

И мальчишки стали перемигиваться. Мы осмотрели лампу, отогнули сверху ковер, который висел на стене - ведь карта была спрятана где-то высоко, раз это ближе всего к птицам, - но там ничего не было. Лассе сказал:

- Лучше сдавайтесь! Все равно вам ее никогда не найти!

И мы перестали искать.

На другой день шел дождь и гулять было нельзя. Лассе и Боссе куда-то убежали. Я пошла к ним в комнату и полезла по липе к Улле, чтобы взять у него почитать "Тысячу и одну ночь".

Раньше у нас на липе в маленьком дупле жила птичка. Там у нее было гнездо. Но теперь в нем уже никто не живет. Когда я лезла мимо дупла, я увидела, что оттуда свешивается какой-то шнурок. "Интересно, зачем птице шнурок?" - подумала я и дернула за него. Оказалось, что к шнурку привязана бумага, свернутая трубочкой. Представьте себе, это и была карта! От радости я чуть не свалилась с дерева. Я забыла про "Тысячу и одну ночь", вернулась в комнату Лассе и Боссе и со всех ног побежала к Бритте и Анне. Я так торопилась, что на лестнице упала и расшибла коленку.

Если бы вы только видели, как обрадовались Бритта и Анна! Мы тут же побежали на сеновал и с помощью карты отыскивали все пещеры. Кроме пещер, мальчишки вырыли в сене еще и коридоры, они тоже были обозначены на карте.

Когда ползешь по такому длинному темному коридору, кажется, что он нигде не кончается. И это очень страшно.

Но темно было только в коридорах, а в самих пещерах было светло, потому что мальчишки вырыли их у стен, а в стенах много щелей. Мы сразу поняли, какие это замечательные пещеры и как трудно было их вырыть. Пока мы искали земляничные полянки, мальчишки работали не покладая рук. К последней пещере в223>л такой длинный коридор, что мы испугались: а вдруг мы уже никогда из него не выберемся? Я ползла первая, за мной – Бритта, за Бриттой – Анна.

- Вот увидите, это лабиринт, из которого нет выхода, – сказала Бритта.

Но тут я заметила впереди что-то светлое. Это была пещера. А в ней сидели Лассе, Боссе и Улле! Они ужасно удивились, когда увидели нас.

- Как вы сюда попали? – спросил Лассе.

- Очень просто, по карте! – ответила я. – Вы спрятали ее в такое легкое место!

И нам было приятно, что хоть на этот раз Лассе немного смутился. Подумав, он сказал:

- Ладно! Пусть девчонки играют с нами!

И весь день, пока шел дождь, мы играли в пещерах, и нам было очень весело. А на завтра Лассе сказал:

- Ну, раз вы узнали нашу тайну, вы обязаны показать нам свои земляничные полянки.

- Ничего подобного! – сказали мы. – Найдите их сами, так же, как мы нашли ваши пещеры!

Но чтобы им было легче искать, мы положили на дороге деревянные стрелки. Расстояние между стрелками было большое, и мальчишки не сразу нашли наши места. Но самое лучшее место мы им так и не показали. Это наша тайна, и мы никогда-никогда ее не откроем.

Мы ночуем на сеновале

Как-то раз Боссе похвастался:

- А мы с Лассе будем сегодня ночевать на сеновале! И Улле тоже, если ему разрешат.

- На сеновалах ночуют только бродяги, – сказала я.

- Ничего подобного! Нам мама разрешила, – сказал Боссе.

Я побежала к Бритте и Анне и сообщила им эту новость.

- Тогда и мы будем ночевать на сеновале, – сказали они. – На нашем. Хочешь с нами?

Конечно, я согласилась, ведь ночевать на сеновале очень интересно! Жаль только, что придумали это мальчишки, а не мы. Я побежала к маме и спросила у нее разрешения. Она сказала, что маленьким девочкам не следует ночевать на сеновале, но я возразила, что и девочкам тоже хочется иногда повеселиться, точно так же, как мальчишкам. И тогда мама разрешила.

Мы никак не могли дождаться вечера. Лассе сказал:

- И вы тоже собираетесь ночевать на сеновале? А не струхнете? Вдруг туда явится привидение?

- Сами вы струхнете! – ответили мы и стали готовить себе на ночь бутерброды.

Мальчишки, конечно, собезьянничали и тоже сделали себе бутерброды.

В восемь часов мы отправились на сеновал. Мальчишки ночевали на нашем сеновале, а мы – у Бритты и Анны. Нам дали попоны, чтобы завернуться в них. А Улле Колифинк взял с собой своего Быстрого. Как хорошо все-таки тому, у кого есть собака!

- Спокойной ночи, бродяжки! – сказал папа.

А мама прибавила:

- Не забудьте утром прийти ко мне за молоком. Настоящие бродяги всегда так делают.

Когда мы прощались с мальчишками, Лассе сказал:

- Спите спокойно... если сможете. В прошлом году на том сеновале видели гадюку. Теперь мы узнаем, живет ли она там и в этом году.

А Боссе сказал:

- Может, живет, а может, и нет. Но уж полевых мышей там видимо-невидимо, это точно. Бр-р, они такие противные!

- Бедные детки, – сказали мы мальчишкам. – Если вы так боитесь

маленьких полевых мышек, лучше вам вернуться домой и лечь в свои постельки!

И мы ушли, взяв попоны и бутерброды. На дворе было еще светло, но на сеновале уже почти ничего не было видно.

- Чур, я в серединке! - крикнула я.

И мы улеглись на сено. Пахло оно изумительно, но зато очень сильно кололось.

Мы лежали и разговаривали про настоящих бродяг, которые всю жизнь ночуют на сеновалах. Анна не сомневалась, что это должно быть приятно. Спать нам нисколько не хотелось, и мы решили поесть. Надо было съесть бутерброды, пока на сеновале не стало совсем темно. А темнело быстро. Вскоре мы уже не могли разглядеть даже собственные руки, хотя держали их прямо перед глазами. Я радовалась, что лежу в серединке, потому что на сеновале вдруг что-то подозрительно зашуршало. Анна и Бритта придвинулись ко мне поближе:

- А что, если сюда придет настоящий бродяга? Возьмет и не станет ни у кого спрашивать разрешения, - прошептала Бритта.

Мы притихли. И тут раздался вой. Жуткий вой! Как будто завывала тысяча привидений. Просто не понимаю, как мы не умерли от страха. Но мы не умерли. Зато мы заорали. Если бы вы только слышали, как захохотали Лассе, Боссе и Улле! Конечно, это выли они. И шуршали сеном тоже они, когда подбирались к нам поближе. Бритта сказала, что пугать людей опасно, потому что когда человек испугается, у него в жилах может застыть кровь, и она обещала пожаловаться на них маме. Но Лассе сказал:

- Подумаешь, мы же пошутили!

А Боссе добавил:

- Ябеда соленая.

Анна сказала, что она даже чувствует, как у нее в жилах уже немножко застыла кровь.

Наконец мальчишки ушли на свой сеновал. Мы посоветовались, стоит ли прокрасться туда и тоже напугать их, но нам уже очень хотелось спать.

Разбудил нас петух и еще холод. Мы застыли, как ледышки. Который час мы не знали, но были уверены, что давно пора вставать. Возле нашего дома мы увидели Лассе, Боссе и Улле. Они тоже замерзли, и мы все побежали к нам на кухню греться. Оказалось, что дома еще спят. Часы показывали половину пятого. Вскоре у Агды зазвенел будильник. Она встала доить коров. И накормила нас всех парным молоком с булочками.

А потом я пошла спать. По-моему, люди очень умно делают, что спят в кроватях. Все-таки это удобнее, чем на сеновале!

Мы с Анной решаем убежать из дому

Больше всех я люблю играть с Анной. Мы с ней придумываем разные игры, о которых никто, кроме нас, не знает. Иногда мы играем, будто мы взрослые, и ходим друг к другу в гости. Анну зовут фру Бенгтссон, а меня - фру Ларссон. Анна делает неприступный вид и говорит, как важная барыня. Я тоже стараюсь говорить по-взрослому. Иногда мы играем, будто фру Бенгтссон и фру Ларссон ссорятся. Тогда Анна говорит:

- Будет просто прекрасно, фру Ларссон, если вы заберете домой своих несносных детей!

А я ей отвечаю:

- Я считаю, фру Бенгтссон, что ваши дети еще более несносные, чем мои!

Потом они мирятся, ходят вместе по магазинам и покупают шелк, бархат и конфеты. Мы нарисовали игрушечные деньги и покупаем все на них. И мы очень боимся, что мальчишки услышат, как мы играем во фру Бенгтссон и фру Ларссон, и станут над нами смеяться. А вот дедушки мы не боимся, он не будет смеяться, он сам иногда играет с нами и продает нам разные вещи за наши игрушечные деньги.

В дождливую погоду мы с Анной обычно сидим у дедушки и читаем ему газету. Дедушка был совсем маленький, когда у него умерли папа и мама. Ему пришлось жить у чужих людей, и они очень плохо к нему относились. Его заставляли много работать, хотя он был еще ребенок, часто наказывали и держали впроголодь. Дедушке это надоело, и он убежал. Он пережил много всяких приключений, пока не попал наконец к добрым людям.

Однажды в такой день, когда мы сидели у дедушки и читали ему газету, Анна попросила:

- Дедушка, расскажи, как ты убежал из дому!
- Да ведь вы уже сто раз об этом слышали, - сказал дедушка.
- А мы хотим еще! - ответили мы, и дедушка стал рассказывать.

Когда он кончил, Анна сказала:

- Как интересно! Мне тоже хочется убежать из дому!
- Но ведь ты живешь не у злых людей, - возразила я.
- Ну и что? Можно убежать, а потом вернуться.
- Тогда давай убежим! - предложила я.
- Дедушка, как ты думаешь, убежать нам или нет? - спросила Анна.

Дедушка сказал, что ненадолго убежать, пожалуй, можно. Так мы и решили. Бежать нужно было, конечно, ночью, чтобы ни одна живая душа не узнала про наш побег. Дедушка обещал хранить тайну.

Я засыпаю очень быстро, поэтому я боялась, что просплю время, когда надо будет бежать. Но Анна сказала:

- Ну и спи себе на здоровье! Только привяжи к ноге веревку и спусти конец за окно. Когда придет время, я дерну за веревку, и ты проснешься.

Сама Анна собиралась наломать можжевельника и положить его в постель, чтобы не заснуть слишком крепко.

Потом мы спросили у дедушки, что берут с собой, когда убегают из дому. Он сказал, что надо взять немного еды и немного денег, если они есть. Мы решили бежать этой же ночью и начали собираться. Я пошла к маме и попросила разрешения сделать несколько бутербродов. Мама удивилась:

- Неужели ты уже проголодалась? Ведь мы недавно обедали.

Я не могла объяснить маме, зачем мне бутерброды, и потому промолчала. Потом я достала из копилки несколько крон и спрятала их под подушку. И наконец я нашла длинную веревку, чтобы привязать к ноге.

Вечером мы все играли в лапту, а когда подошло время ложиться спать, мы с Анной подмигнули друг другу и прошептали:

- Ровно в половине одиннадцатого!

Крепче, чем обычно я обняла папу и маму, когда желала им доброй ночи, потому что боялась, что теперь долго их не увижу. Мама сказала:

- Доченька, завтра утром мы с тобой будем собирать смородину.

И мне стало очень жалко маму: ведь завтра утром у нее уже не будет больше доченьки.

Я поднялась к себе, привязала к ноге веревку, спустила конец за окно и легла, чтобы поскорей заснуть и успеть выспаться до побега. Но как я ни старалась, сон не приходил. При каждом моем движении веревка натягивалась и дергала меня за ногу. И еще я думала о маме. Что она скажет утром, когда увидит, что меня нет. Я даже заплакала от жалости к ней. И плакала очень долго.

Проснулась я от того, что меня дергали за ногу. "Это Анна!" - подумала я.

- Иду, иду, Анна! - закричала я и подбежала к окну.

На небе сверкало солнце. А внизу, под окном, стоял Лассе и дергал за веревку. Я ужасно рассердилась.

- Перестань сейчас же! - закричала я.

Но Лассе продолжал дергать.

- Перестань!

- Почему? - спросил Лассе.

- А потому, что веревка привязана к моей ноге!

Лассе засмеялся:

- Ну и рыбку я поймал!

Потом он пожелал узнать, зачем я привязала к ноге веревку. Но я ничего не сказала и помчалась к Анне. Я очень боялась, что она убежала без меня. Бритта сидела на крыльце и играла с Принцессой.

- Где Анна? - спросила я.

- Спит, - ответила Бритта.

Я поднялась к ним в комнату и увидела Анну. Она даже похрапывала. Я стала привязывать к ее ноге веревку, но она проснулась.

- Ой! Который час? - спросила она.

Когда Анна узнала, что уже восемь, она онемела от удивления. Через несколько минут она сказала:

- Если у человека бессонница, он должен класть в постель можжевельник. Знаешь, как от него спится!

Когда мы после завтрака пришли читать дедушке газету, он был изумлен.
- Что случилось? Разве вы не убежали? - спросил дедушка.
- Мы убежим в другой раз, - сказали мы.

Я же говорила, что мальчишки не умеют хранить свои тайны

На следующий день Лассе, Боссе и Улле скрылись с самого утра. А мы играли в куклы. Потом нам куклы надоели, и мы стали гадать, куда подевались мальчишки. Тут мы вспомнили, что вот уже целую неделю видим их только по вечерам, когда они играют с нами в лапту. И еще во время обеда.

- Надо их выследить, - сказала Бритта.

- Правильно, - сказала Анна. - Мы должны узнать, чем они занимаются!

Перед обедом мы уселись на крыльцо и стали ждать. Чтобы мальчишки не заподозрили, что мы за ними следим, мы делали вид, будто играем в куклы. Первым появился Лассе. Потом - Боссе. А потом и Улле. Но они прибежали с разных сторон. И мы сразу догадались, что они опять что-то от нас скрывают. Иначе они пришли бы все вместе. Но мы даже не взглянули в их сторону.

После обеда мы снова вернулись на крыльцо. Вскоре из дома вышел Лассе. Мы играли в куклы. Лассе мимоходом погладил Мурика и незаметно юркнул за угол. Мы побросали куклы и помчались в мою комнату, чтобы следить за ним из окна.

Лассе шел и украдкой оглядывался. Вот он пробрался через кусты смородины и перепрыгнул через каменную ограду. Больше мы его не видели. Зато появился Боссе. Он осторожно крался по саду в том же направлении, что и Лассе.

- Внимание, теперь очередь Улле! - сказала Бритта. - Бежим спрячемся в смородине!

Так мы и сделали. Заползли в кусты и притихли. Вскоре мы увидели Улле. Он пробежал от нас так близко, что мы могли бы схватить его за ногу. Нас он не заметил. Мы поползли следом.

Сразу за нашим садом начинается большой луг. На нем есть густые заросли орешника, можжевельника и других кустов. Растут там и деревья. Папа часто говорит, что все это надо вырубить, чтобы коровам было где пастись. Но я надеюсь, что он этого не сделает, потому что в этих зарослях очень хорошо играть.

Мы кралась за Улле, пока не потеряли его из виду. Нам было досадно. Мы знали, что мальчишки здесь, на лугу, а найти их не могли. И вдруг Анна сказала:

- Я знаю, что надо сделать! Приведем сюда Быстрого, он в два счета найдет Улле!

Мы с Бриттой страшно обрадовались. Втроем мы побежали к тете Лизи и попросили разрешения взять Быстрого на прогулку. Тетя Лизи, конечно, разрешила.

Когда Быстрый понял, что его берут гулять, он весело залаял. А мы сказали ему:

- Быстрый, ищи, где Улле?

И Быстрый побежал, нюхая землю. А мы - за ним. Он пробрался через смородиновые кусты, выбежал на луг и помчался к зарослям орешника. Он ни разу не остановился и привел нас прямо к Улле. Рядом с Улле стояли Лассе и Боссе. Тут их тайна и раскрылась. Оказывается, они построили в кустах шалаш и прятались в нем.

Мальчишки были так удивлены, что нам стало смешно.

- Ха-ха-ха! - засмеялись мы. - Лучше и не пытайтесь заводить от нас тайны. Мы их все равно узнаем!

- Подумаешь, с собакой каждый дурак найдет! - сказал Лассе.

А Быстрый думал, что отличился на славу, и прыгал от радости. И мы пообещали принести ему на ужин костей.

- Ну как, примем девчонок в игру или нет? - спросил Лассе у Боссе и Улле.

- А ты как считаешь? - спросили они, им хотелось сперва узнать его мнение.

Лассе сказал, что нас можно принять.

И мы стали играть с ними в индейцев. Лассе был вождем, его звали Могучий Леопард, Боссе звали Быстрый Олень, а Улле - Летящий Сокол. Бритту

они называли Ревущей Медведицей, Анну – Желтой Волчицей, а меня – Голодной Лисой. Мне хотелось придумать себе имя покрасивее, но Лассе не разрешил. Очага в шалаше, конечно, не было, но мы играли, как будто он есть. А мы сидим вокруг и курим "трубку мира". "Трубкой мира" была тянучка. Я не удержалась и откусила от нее маленький кусочек. У мальчишек были луки со стрелами. Нам они тоже сделали луки. Лассе сказал, что на этом лугу есть другое индейское племя – команчей. Команчи злы и коварны, их следует убивать. Мы взяли луки и с устрашающим воем побежали на луг.

Там вдалеке паслись наши коровы. Лассе сказал, что это и есть команчи.

– Их и зовут почти одинаково: ко-ровы, ко-манчи, – сказал он.

Если бы вы только видели, как команчи убегали от нас! Лассе кричал им вслед что-то по-индейски, но, по-моему, они его не поняли.

Школа

Летние каникулы всегда длятся так долго, что я успеваю соскучиться по школе и радуюсь, когда начинаются занятия. А вот Боссе ни капельки не радуется. Он говорит, что напишет королю и попросит его закрыть все школы. Но я думаю, король его не послушается. Я люблю нашу школу. И учительницу. И ребят. И учебники. Все учебники я обернула в цветную бумагу и сверху наклеила глянцевые картинки. А Лассе и Боссе никогда не обертывают учебников, пока мама или учительница не заставят их. Они даже рисуют в учебниках или наклеивают фотографии из газет и журналов. Лассе, например, в географии приклеил китайским крестьянам, сажающим рис, головы шведских хоккеистов и сказал, что теперь география стала гораздо интереснее. Лассе, Боссе и я, Бритта, Анна и Улле всегда ходим в школу вместе. Наша школа находится в другой деревне, которая называется Большая деревня. До Большой деревни далеко, и мы выходим из дому в семь часов. Нам дают с собой молоко и бутерброды, которые мы съедаем на большой перемене. А иногда Лассе, Боссе и Улле съедают свой завтрак еще по пути в школу.

– Не все ли равно, где его нести, в животе или в сумке, – говорит Лассе.

Наша учительница живет в школе на втором этаже. У нее есть пианино и много-много книг. Мы помогаем учительнице носить наверх дрова. Она дает нам почитать книги, а иногда угощает нас какао.

Однажды учительница заболела, и занятий в этот день не было. Все дети, кроме нас, в Бюллербю, знали об этом, потому что у них в Большой деревне есть телефон, а у нас в Бюллербю – нет. Мы пришли и увидели, что школа заперта, а ребят и учительницы нет. Сперва мы не знали, что делать, а потом догадались подняться и постучать к учительнице.

– Войдите! – сказала учительница.

И мы вошли. Она лежала в постели и была очень больна. И почему-то никто не пришел приготовить ей обед. Мы предложили учительнице помочь. Она, конечно, согласилась. Мальчики побежали за дровами. Бритта растопила плиту и поставила чайник. Я подмела пол и взбила подушки на постели. А Анна приготовила завтрак, поставила его на поднос и отнесла учительнице.

Потом учительница сказала, что ей хотелось бы сделать на обед гуляш, и спросила, сможем ли мы его приготовить, если она будет нами руководить.

– Мы постараемся, – сказала Бритта. – Может, у нас получится гуляш, а может, что-то другое.

Но у нас получился гуляш, самый настоящий. Так что теперь я уже знаю, как его готовят, и мне не нужно будет этому учиться, когда я вырасту.

После обеда Бритта и Анна перемыли посуду, а я ее вытерла. А мальчишки все это время сидели возле книжных полок и читали, мальчишки редко делают что-нибудь полезное. Мы спросили у учительницы, будет ли она больна и завтра. Оказалось, что будет. Тогда мы спросили, нельзя ли нам снова прийти к ней. И она сказала, что будет счастлива, если мы придем.

Когда мы пришли на завтра, бедная учительница лежала в постели и мечтала об овсяной каше. Мы помогли ей пересест в качалку и перестелили постель. Учительница сказала, что теперь она лежит, как принцесса. Мы сварили ей овсяную кашу и напоили ее кофе со свежими плюшками, которые я принесла из дома. И учительница сказала, что ей очень нравится болеть. К сожалению, через день она выздоровела. А то бы мы научились готовить еще что-нибудь.

Осенью и зимой бывает темно, когда мы идем в школу и из школы. В

одиночку было бы страшно. Но ведь нас шестеро, поэтому нам не страшно, а весело. Почти вся дорога идет лесом. Лассе говорит, что в этом лесу много троллей, великанов и ведьм. Может быть, и так. Но мы ни разу не видели. Иногда на небе светятся звезды. Лассе говорит, что на небе два миллиона пятьсот тысяч сто пятьдесят четыре звезды. И еще он говорит, что знает, как они называются. Но мне кажется, он сам придумывает эти названия. Я его спросила, как называется одна звезда, и он сказал, что это Большая Красавица. А на другой день он ту же звезду назвал Королевской Коронай!

- Почему же ты вчера сказал, что это Большая Красавица? - удивилась я.

Лассе невозмутимо ответил:

- Большая Красавица совсем другая звезда. Сегодня ночью она упала с неба. А это Королевская Корона, честное слово!

Иногда по дороге домой мы поем песни. Вот, наверно, кто-нибудь удивился бы, если бы услышал, как мы поем. "Интересно, - подумал бы он, - кто это поет здесь в лесу?" Ведь в лесу темно и не видно, что это поем мы, дети из Бюллербю.

Вечер с переодеваниями

Однажды осенью все наши папы и мамы уехали в гости к лавочнику в Большую деревню. Дома остались только мы, дети. И еще дедушка. И Агда. Я трижды посветила в окно карманным фонариком. Это означало: "Бритта и Анна, приходите скорей ко мне: я что-то придумала".

Через несколько минут я услышала, как они бегут по лестнице. Но я ничего не придумала. Просто мне было скучно, и я хотела придумать что-нибудь вместе с ними.

Сперва мы посмотрели мои глянцевые картинки, потом немного поиграли в лото. А потом решили спуститься вниз и поболтать с Агдой. Вот тут-то Анна и предложили переодеться так, чтобы Агда нас не узнала! Мы обрадовались и принялись за дело. У нас на чердаке висело много разной одежды, которую когда-то носили папа и мама. Бритта сказала, что она хочет нарядиться важным господином. Она надела папины серые брюки, коричневый пиджак и черную шляпу. Рукава и штанины она, конечно, закатала и пришила булавками. Потом женой пробкой она нарисовала себе усы и напялила большие очки. Нам с Анной стало так смешно, что мы чуть не забыли переодеться сами.

Я выбрала себе мамину юбку и блузку в цветочках и черную шляпку с вуалью. Когда я опустила вуаль на лицо, Бритта и Анна сказали, что меня совершенно не узнать. Анне тоже захотелось надеть вуаль, но второй вуали мы не нашли, и Анне пришлось повязать платок. Кроме того, она надела длинную клетчатую юбку с большим бантом.

Лассе и Боссе ушли к Улле, поэтому никто не заметил, как мы спускались по лестнице. На цыпочках мы вышли из дому, подкрались к кухонной двери и постучали. Очень громко.

- Кто там? - спросила Агда из кухни; по ее голосу было слышно, что она немного испугалась.

Мы с Анной захихикали, а Бритта ответила грубым голосом:

- Бродяги!

- К нам нельзя! - сказала Агда. - Хозяев нету дома.

- Ну и что ж, а мы хотим! - закричали мы грубыми голосами и забарабанили в дверь.

Нам было очень трудно сдерживать смех. Я старалась изо всех сил, но смех так булькал во мне, что Агда, наверно, услышала. Она чуть-чуть приоткрыла дверь, мы обрадовались и шмыгнули в кухню.

- Боже мой! - воскликнула Агда. - Вот чудо-то! А я и не знала, что к нам пожаловали такие важные господа!

- Меня зовут господин Карлссон, - сказала Бритта. - А это - мои жены.

- У вас очень красивые жены, господин Карлссон, - сказала Агда. - Только я не понимаю, почему их сразу две? Надеюсь, дорогие гости не откажутся выпить морсу?

Конечно, дорогие гости не отказались. Мы пили морс и воображали, будто мы важные господа, и это у нас очень хорошо получалось.

Потом мы надумали пойти к мальчикам. дверь в доме была не заперта, и мы вошли без стука. На лестнице Анна запуталась в длинной юбке и упала. Улле услышал шум и распахнул свою дверь, чтобы посмотреть, кто там. На лестнице

было темно, и только из его двери падала узкая полоска света. При виде нас Улле так испугался, что сам чуть не упал. Ему показалось, будто по лестнице поднимаются сразу три привидения.

Лассе, разумеется, тоже захотел переодеться, а за ним – Боссе и Улле. Лассе надел платье тети Лизи и ее туфли на высоких каблуках. Боссе и Улле надели мужские костюмы. Лассе бегал по дому и говорил писклявым голосом:

- Душечка, как вы печете такие вкусные пирожки? Пожалуйста, дайте мне ваш рецепт!

Он думает, что важные дамы только так и разговаривают.

Потом мы побежали к бабушке и рассказали ему, как мы наряжены. Жалко, что он нас не видел. Но мы все равно устроили ему представление. Лассе изображал сердитую тетюшку, и мы над ним очень смеялись. И бабушка тоже смеялся, хотя он только слышал Лассе, но не видел его.

Метель

А сейчас я вам расскажу про такую сильную метель, какой никогда не видывал даже наш папа.

Весь декабрь Лассе каждый день твердил нам по дороге в школу:

- Вот увидите, в этом году на рождество снега не будет!

Я на него очень сердилась: мне хотелось, чтобы поскорей выпал снег. Но день проходил за днем, а на землю так и не упало ни единой снежинки. И вдруг как-то на уроке географии Боссе воскликнул:

- Смотрите, снег!

В самом деле шел снег. Мы все так обрадовались, что закричали: "Ура!". А учительница предложила нам спеть песню: "Здравствуй, зима!".

На перемене мы выбежали во двор. Он был покрыт тонким слоем снега. Мы протопали в снегу большую восьмерку и стали по ней бегать. Но Лассе сказал:

- А больше снега не будет, вот увидите!

Он ошибся. После перемены снег повалил еще сильнее. За окном закрутилась белая мгла. Даже забора не стало видно. Поднялся ветер. Он завывал так страшно и снег был такой густой, что учительница забеспокоилась и сказала:

- Даже не знаю, как дети их Бюллербю доберутся сегодня до дому!

И предложила нам переночевать у нее. Конечно, нам очень хотелось бы переночевать у учительницы, но мы знали, что наши папы и мамы будут волноваться, если мы не вернемся домой. Поэтому мы ответили, что остаться не можем, и учительница отпустила нас с уроков, пока совсем не стемнело. Мы вышли из школы в час. Кругом уже намело большие сугробы. Ветер валил с ног. Мы брели, пригибаясь к самой земле.

- Ну как, Лассе, теперь тебе снега хватит? – спросила Бритта.

- До рождества еще далеко, 197>_пробурчал Лассе, но из-за ветра его почти не было слышно.

Мы шли, и шли, и шли. И держались за руки, чтобы не потерять друг друга. Снегу было по колено, и идти становилось все труднее. Ветер продувал нас насквозь. Наши ноги, руки и носы уже ничего не чувствовали. Наконец я совсем выбилась из сил и сказала Лассе, что хочу немного отдохнуть.

- Не выдумывай, садиться нельзя, замерзнешь! – сказал Лассе.

Анна тоже устала и хотела отдохнуть, но Лассе сказал, что это очень опасно. Мы с Анной испугались, что нам не дойти до Бюллербю, и заплакали. Вдруг Улле предложил:

- Давайте зайдём погреться к сапожнику! Наплевать, что он злой. Ведь нос он нам не откусит.

Мы с Анной были согласны пойти к сапожнику, даже если бы он и откусил нам носы – все равно мы их не чувствовали.

Мы отворили дверь, и порыв ветра так и внес нас к сапожнику. Он не очень обрадовался.

- И что вам дома не сидится в такую погоду! – проворчал он.

Никто из нас не решился сказать ему, что утром погода была совсем не такая. Мы сняли куртки и стали смотреть, как он чинит башмаки. Нам очень хотелось есть, но попросить у него мы тоже не решились. А сам он нам ничего не предложил. К вечеру метель утихла. Однако снега навалило столько, что до дому нам бы все равно не добраться. Неожиданно мы услышали звон колокольчика и подбежали к окну. Это был наш папа. Он расчищал дорогу снежным плугом. Мы

распахнули двери и окликнули папу, хотя сапожник и ворчал, что мы выпускаем тепло.

Папа увидел нас и очень обрадовался. Он крикнул, чтобы мы подождали у сапожника, пока он проедет до Большой деревни, а на обратном пути он заберет нас.

Так он и сделал. Мы с Анной ехали на плуге, а все остальные шли сзади. Но теперь идти было легко, потому что папа расчистил дорогу.

Когда мы подъехали к дому, в кухонном окне мы увидели маму. Она с тревогой смотрела на дорогу.

Оказывается мама почувствовала, что папе надо проехать с плугом. Она так и знала, что он встретит нас на дороге. Как хорошо, что она это почувствовала, а то бы нам пришлось сидеть у сапожника всю ночь!

Мы готовимся к празднику

На другой день сверкало солнце и на деревьях лежали белые пушистые шапки. Учительница сказала, что не спала всю ночь: она беспокоилась, как мы доберемся до дому.

Это был особенный день, потому что завтра начинались каникулы. И еще потому, что как раз сегодня из Стокгольма прибыли для нас книжки. Мы их выбирали себе сами, по картинкам. Месяц назад учительница показала нам большой лист, на котором были нарисованы обложки всяких-всяких книг, и велела выбрать, кто какую книгу хочет купить. Лассе, Боссе и я выбрали себе каждый по две книжки. На моих были нарисованы принцы и принцессы.

Учительница ходила по классу и раздавала нам книги. Я еле-еле дождалась своей очереди, хотя мама говорила, что до рождества читать эти книги все равно не полагается.

Под конец мы спели все песни, какие знали, и учительница отпустила нас по домам.

Как только мы вышли из школы, Бритта вытащила свою книжку и понюхала ее. Мы тоже стали нюхать свои книги. Новые книги так хорошо пахнут, что уже по одному запаху можно понять, какие они интересные. Потом Бритта начала читать вслух одну сказку, хотя ее мама тоже говорила, что эти книги – подарок на рождество и до рождества читать их нельзя.

Но Бритта сказала, что прочтет только маленький кусочек. Нам стало так интересно, что мы попросили Бритту прочесть еще кусочек. Она прочла. Это не помогло, нам стало еще интереснее.

– Я хочу знать, заколдовали принца или нет! – заявил Лассе.

Бритте пришлось прочесть еще немножко. Так продолжалось до самого дома. Когда мы подошли к Бюллербю, Бритта дочитала нам последнюю страницу. Но она сказала, что на каникулах все равно прочтет эту сказку еще раз.

Дома мама и Агда готовили колбасу, и в кухне был беспорядок. Мы с Лассе и Боссе быстро поели и побежали в сад лепить снежный фонарь. Анна, Бритта и Улле пришли помогать нам.

На липе сидели воробьи, снегири и синицы. Мне показалось, что они хотят есть, поэтому я побежала к папе и спросила, нельзя ли нам выставить птицам снопы, не дожидаясь рождества. Папа сказал, что можно. Мы побежали на гумно и принесли оттуда пять снопов овса, которые были нарочно оставлены до рождества. Мы пристроили их в саду на яблоне, и у птиц начался пир. Наверно, они подумали, что праздник уже наступил!

А вечером мы с Бриттой и Анной сидели у дедушки и плели корзиночки для елки. Мальчишки тоже сидели у дедушки, но плести корзиночки не желали. Правда, потом они не утерпели и стали помогать нам. Мы сплели пятьдесят четыре корзиночки и разделили их поровну между тремя елками – по восемнадцать штук на каждую елку.

плка

Я не знаю, когда начинается рождество в других местах, но у нас в Бюллербю оно начинается в тот день, когда мы печем пряники. Нам с Лассе и Боссе дают по большому куску пряничного теста, и мы делаем себе пряники любой формы.

И вот, когда этот день наконец наступил, Лассе забыл о нем и уехал с папой в лес за дровами. Только в лесу он вспомнил о пряниках и стремглав

помчался домой. "Снег так и летел у него из-под ног", - говорил потом папа.

Мы с Боссе тем временем уже начали печь. И очень радовались, что Лассе нет дома. Потому что Лассе никогда не дает нам самую красивую формочку - поросенка. На этот раз, когда запыхавшийся Лассе примчался из леса, у нас уже было по десять поросят. Лассе тут же отобрал формочку и с жаром принялся за дело. Ему хотелось догнать нас.

А из остатков теста мы испекли общий призовой пряник. Мы каждый год пече такой пряник. После обеда мы насыпали в бутылку 322 горошины и отправились к соседям. Каждый должен был сказать, сколько в бутылке горошин. Тот, кто угадывал вернее всех, получал наш пряник. Лассе нес бутылку, Боссе - пряник, а я - записную книжку, в которую записывала все ответы. На этот раз пряник выиграл дедушка. Его ответ был самый точный. Он сказал, что в бутылке 320 горошин. А вот Анна сказала, что там три тысячи горошин. По-моему, это глупо, правда?

На следующий день мы поехали в лес за елками, разумеется, вместе с папами. Мы всегда так ездим. А мамам приходится оставаться дома и готовить еду.

Лассе, Боссе и я, Анна, Бритта и Улле ехали на больших санях, на которых обычно возят молоко на молочную ферму в Большую деревню. Папа шел рядом и правил лошадей, а дядя Нильс и дядя Эрик шли позади. Они болтали и смеялись. Мы в санях тоже болтали и смеялись.

В лесу было очень много снега. Чтобы выбрать самые красивые елки, нам пришлось стряхивать с веток снег. Мы срубили три большие елки и две малюсенькие - одну для дедушки и одну для Кристин.

Вечером накануне сочельника мне показалось, что мама с Агдой ни за что не управятся, хотя я им и помогала. На кухне у нас было грязно и некрасиво. Я даже заплакала, когда легла спать.

Утром я первым делом спустилась вниз. Кухня сверкала чистотой. Пол был застелен новыми половиками, на кочерге красовались зеленые и красные бумажные банты, кухонный стол был покрыт нарядной скатертью, и все медные кастрюли начищены до блеска. Я так обрадовалась, что бросилась обнимать маму. Лассе и Боссе прибежали следом за мной, и Лассе сказал, что у него во рту появился праздничный вкус, как только он увидел новые половики.

В этот день сразу после завтрака мы, по обыкновению, понесли Кристин корзину с гостинцами от наших мам. Погода стояла самая рождественская. Узкую тропку, что вела к дому Кристин, почти занесло снегом. Первым шел Лассе, он нес корзину, Боссе и Улле несли елочку, а мы с Бриттой и Анной ничего не несли. Кристин очень удивилась, когда мы пришли к ней. Вернее, она сделала вид, что удивилась. Ведь она знает, что мы каждый год приносим ей гостинцы. Лассе вытащил все, что было в корзине, и разложил на столе. А Кристин качала головой и приговаривала:

- Ах-ах-ах! Да что ж это такое! Да как много всего!

Мне казалось, что всего было не так уж много, но и не мало, в самый раз. Там был большой кусок окорока, колбаса, сыр, кофе, пряники, свечи, конфеты и еще всякая всячина. Мы прикрепили свечи к елке и немного потанцевали вокруг нее, упражняясь перед вечером. Кристин была очень довольна. Когда мы уходили, она стояла на крыльце и долго махала нам вслед.

Дома мы с Лассе и Боссе быстро украсили свою елку. А когда она была украшена и мы выскребли все-все остаточки из маминых кастрюль, нам осталось только ждать. Лассе сказал, что от таких вот ожиданий, когда только ждешь, ждешь и ждешь, люди седеют. Мы ждали, ждали и ждали, и я несколько раз подбегала к зеркалу посмотреть, не поседела ли я. Но мои волосы как были белобрысые, так и остались. А Боссе все время подходил к часам и стучал по ним: он думал, что они остановились.

Наконец стемнело и подошло время нести наши подарки Анне, Бритте и Улле. При свете это было бы не так интересно. Мы надели свои красные шапки, какие носят гномы, а Лассе взял еще и маску. У нас на рождество Лассе всегда наряжается гномом и раздаёт всем подарки. Когда я была маленькая, я верила, что гномы есть на самом деле, но теперь я знаю, что их нет.

В сенях у Анны и Бритты было темно, как в пещере. Мы постучали, а потом распахнули дверь и стали бросать в кухню свои подарки. Анна с Бриттой прибежали на шум и пригласили нас зайти отведать их пряников и конфет, которые они сами сварили из патоки. Мы так и сделали. И каждый из нас получил по подарку.

Потом Анна с Бриттой тоже надели маски, и мы все вместе побежали к Улле. Улле сидел на кухне и ждал рождества. Когда Быстрый увидел сразу пять гномов, он залился громким лаем. А Улле схватил свою маску, и мы пошли на улицу играть в гномов.

Наконец вечер все-таки наступил, и мы сели ужинать у нас на кухне. На столе горели свечи и стояло много всякой вкусной еды, но я ела только ветчину. И еще рождественскую кашу, потому что надеялась, что орешек достанется мне. Но мне он не достался. Как жалко! Ведь тот, кому в рождественской каше попался орешек, в этом году выйдет замуж.

У нас есть работник, его зовут Оскар. Он влюблен в нашу служанку Агду. Так вот, представьте себе, орешек распался в каше на две дольки, и эти дольки достались Агде и Оскару! Мы с Лассе и Боссе так смеялись, что Агда даже рассердилась. Она сказала, что это наверняка наши проделки. Но мы были не виноваты, что орешек раскололся.

Мы тут же придумали к каше стихотворение. То есть придумал его Лассе: Этот орешек на дольки распался Оскар на Агде жениться собрался.

По-моему, очень хорошее стихотворение. Но Агде оно не понравилось. Она так и осталась сердитой. Но когда мы помогли ей вытереть посуду, она перестала сердиться. А мы помогали ей, потому что нам не терпелось, чтобы поскорей начали раздавать подарки.

После ужина все расселись в гостиной и зажгли свечи на елке. На столе тоже горели свечи. Это было так красиво, что у меня по коже даже мурашки забегали. У меня всегда бегают мурашки, когда бывает очень красиво или очень интересно. Тем временем Лассе выскользнул из комнаты и вернулся переодетым в гнома. За спиной у него был большой мешок.

- Есть ли в этом доме послушные дети? - спросил он.

- Да, у нас есть двое очень хороших детей, - ответил Боссе. - А вот третий - задира и озорник. Его зовут Лассе. К счастью, его сейчас нет дома.

- Я слышал про этого Лассе, - сказал гном. - Это самый хороший мальчик в Швеции и вообще на всем свете. Он получит подарков больше всех.

Но он получил столько же подарков, сколько и мы. Все получили поровну.

А потом мы танцевали вокруг елки. К нам пришли все жители Бюллербю и танцевали вместе с нами. Даже дедушка пришел, хотя он уже не может танцевать. И каждый танец мы станцевали не меньше двадцати раз!

Катание на санках

Наш Бюллербю расположен высоко. Когда мы идем в Большую деревню, где находятся школа и лавка, мы спускаемся вниз с горки на горку. Но на обратном пути нам, разумеется, приходится подниматься вверх. Лассе говорит, что, когда он вырастет и станет инженером по хитроумным изобретениям, он придумает такой склон, который будет переворачиваться, чтобы по нему ходили только вниз. Зато с наших горок очень хорошо кататься на санках. В зимние каникулы мы и катаемся там на санках.

Когда мы прочли все подаренные нам книги и съели все пряники, Лассе вытащил из сарая большие сани, на которых возят дрова. И мы покатались вниз по склону. Мы все шестеро помещались на одних санях. Правил санями, конечно, Лассе.

- Берегись! Задавим! - кричали мы во все горло.

Можно было и не кричать, потому что к нам наверх редко кто поднимается. Но нам нравилось кричать, когда сани неслись с такой скоростью, что только ветер свистел в ушах. А вот тащить сани наверх нам совсем не нравилось, и потому Лассе опять начал хвастать своим склоном, который будет поворачиваться в нужную сторону.

- А ты изобрази его сейчас, - предложил Боссе.

Но Лассе сказал, что для этого необходимо очень много пороха, динамита, колес и гаек и что работа займет целых десять лет. Так долго ждать мы не могли.

Когда мы наконец втащили свои сани наверх и собирались снова съехать вниз, из сарая вышли все три папы. Наш папа сказал:

- Ну-ка, ребята, дайте нам прокатиться!

Он сел на сани, за ним сели дядя Эрик и дядя Нильс, и они покатались вниз. Мы терпеливо ждали. Но когда они поднялись наверх, им захотелось прокатиться еще разок. Совсем как дети!

Тогда мы притащили сани Анны и Бритты и покатались вслед за ними. Внизу мы увидели, что они лежат в сугробе и хохочут во все горло.

- Эрик, да ты, оказывается, и править-то не умеешь! - сказал наш папа.

Они, наверно, так и катались бы до самого вечера, Если бы тетя Грета не увела дядю Эрика колоть дрова.

- Давно уже я так не веселился! - смеясь и стряхивая с себя снег, сказал дядя Эрик.

Когда папы ушли, мы устроили состязание. Мы с Бриттой и Анной катались на их санях, а Лассе, Боссе и Улле - на наших. Мы играли, будто это корабли викингов, плывущие по морю. Лассе назвал свой корабль "Длинным Змеем", а мы - "Золотой Розой". Лассе сказал, что это название глупое и не подходит для викингского корабля. Но мы ответили, что оно красивое. Не хватало менять название только потому, что оно не понравилось Лассе!

Наши корабли мчались бок о бок. Мальчишки все время кричали:

"Золотая Роза" по морю несется, Смотрите, как она сейчас перевернется!

Но перевернулась не "Золотая Роза", а "Длинный Змей"! Он налетел прямо на сугроб. А "Золотая Роза" преспокойно докатилась до большой сосны у подножия холма, где был финиш.

- Так бывает со всеми, кто задирает нос! - сказала Бритта мальчишкам.

Боссе стукнулся головой о корень, и у него на лбу вскочила огромная шишка. Пришлось нам перестать кататься. К тому же стемнело, и мы проголодались. И мы разошлись по домам.

Новый год

Утром 31 декабря, когда я на кухне ела кашу, ко мне прибежали Бритта с Анной и сказали:

- Лизи, хочешь вместе с нами встречать Новый год?

- Конечно, хочу! - ответила я, ведь встречать Новый год очень весело. Но сперва нужно попросить маму, чтобы она разрешила мне не ложиться спать до двенадцати.

Мама, конечно, разрешила. Встречать Новый год мы собирались у меня в комнате, и мама обещала дать нам орехов, яблок и можжевелевого напитка.

Тут прибежали Лассе и Боссе, и я им сказала:

- А мы с Бриттой и Анной будем встречать Новый год!

Лассе ответил:

- Подумаешь, мы с Боссе и Улле тоже будем встречать Новый год, мы уже давно договорились.

Но, конечно, он это только что придумал.

Мы побежали к дедушке и пригласили его встречать с нами Новый год. К сожалению, дедушка отказался - он любит рано ложиться спать. Зато он дал нам много-много кусочков свинца и сказал:

- Вот возьмите, в новогодний вечер полагается плавить свинец.

Оказывается, если расплавленный свинец вылить в холодную воду, по тому, как он застынет, можно узнать, что тебя ждет в новом году. Если, например, застывший свинец будет похож на монетку, значит, ты разбогатеешь. Так нам сказал дедушка. Мальчишкам мы про свинец ничего не сказали.

Они встречали Новый год в комнате у Лассе и Боссе, а мы - у меня. Наши комнаты разделяет большой темный чердак. Не успели мы сесть за стол, как услышали на чердаке крадущиеся шаги. Через секунду оглушительно выстрелила хлопушка. Но мы не обратили на это никакого внимания. Мы сразу поняли, что мальчишки хотят выманить нас на чердак и напугать.

Однако за выстрелом ничего не последовало, и нам стало любопытно. Мы выглянули за дверь. На чердаке было пусто и темно. Тогда мы решили подкрасться к двери мальчиков и заглянуть в замочную скважину.

- Я никого не вижу, - сказала Бритта, она заглядывала первой. - По-моему, их там нет.

- Да они легли спать! - сказала Анна.

- Конечно, легли! - сказала я. - Мы одни встречаем Новый год. Давайте зайдем к ним и тоже выстрелим из хлопушки. Вот они испугаются!

Бах! - вдруг раздалось у нас за спиной. Мы ужасно испугались.

- Это мальчишки! Они спрятались на чердаке! - закричала Анна.

Я побежала за карманным фонариком, и мы стали светить во все углы. Мы обыскали весь чердак, но мальчишек нигде не было.

Бах! – опять выстрелила хлопушка. Выстрел был такой громкий, что вполне можно было поверить, что это выстрелило привидение.

– Ну, попадись мне этот Лассе! – сказала Бритта. – Я так надеру ему уши, что надолго запомнит!

– А ты его сначала найди! – сказал голос Лассе откуда-то сверху.

Лассе, Боссе и Улле стояли на балке под самой крышей. Мы были очень сердиты.

– Как поживаете? – спросил Лассе. – Небось заснули? Скажите спасибо, что мы вас разбудили!

– Сами вы, наверно, заснули, – ответили мы. – Нам не до сна. Вот мы сейчас расплавим свинец и узнаем, что с нами случится в новом году.

Этого мальчишки стерпеть, конечно, не могли. Они тут же прибежали в мою комнату и, когда увидели, как у нас красиво, решили встречать Новый год вместе с нами. Боссе ушел, чтобы перенести к нам их угощение.

Потом мы расплавили в ковшике свинец и выплеснули немного в таз с водой. Первым гадал Лассе. Когда свинец застыл, Лассе вынул его из воды и внимательно осмотрел. Наконец он сказал:

– Похоже, что я стану королем. Нет сомнения, это королевская корона!

– Ха-ха-ха! – засмеялась Анна. – Никакая это не корона! Это книга! Значит, ты и в новом году будешь ходить в школу.

Мой свинец выглядел очень странно.

– По-моему, это похоже на велосипед, – сказал Улле, и я страшно обрадовалась, ведь я давно мечтаю о велосипеде.

После гадания мы долго-долго играли в орехи и рассказывали сказки. Вдруг Боссе начал неудержимо зевать. Он сказал, что ляжет на мою постель и будет ждать Новый год лежа. Так он и сделал. А через две минуты он уже спал.

Мы спросили у Лассе, который час.

– Половина одиннадцатого, – ответил Лассе.

Новогодняя ночь мне показалась длиннее всех остальных ночей. Стрелки на часах ползли так медленно! Но в конце концов они все-таки доползли до двенадцати. Мы попытались разбудить Боссе, но он не проснулся. Мы погасили свет и долго глядели в темноту за окном. Нам хотелось увидеть Новый год. Но мы ничего не увидели. Тогда мы выпили остатки можжевелевого напитка и закричали:

– Да здравствует Новый год!

И решили всегда-всегда встречать Новый год, потому что это очень весело.

А потом мне страшно захотелось спать, но на моей кровати спал Боссе. Нам пришлось взять его за руки и за ноги и перетащить в комнату мальчиков. Представьте себе, он даже не проснулся! Лассе раздел его и натянул на него ночную рубашку. И привязал ему к волосам мой бантик.

– Пусть спит с бантиком. Утром он его увидит и вспомнит, как весело мы встречали Новый год, – сказал Лассе.

Праздник у тети Йенни

Мне очень понравилось встречать Новый год, но праздник у тети Йенни мне понравился еще больше. Особенно потому, что мы там ночевали. Я ужасно люблю ночевать в гостях. Но я расскажу вам все по порядку.

Тетя Йенни живет далеко от Бюллербю. Чтобы добраться до нее, надо долго-долго ехать на санях. В этот день мама разбудила всех очень рано и тут же стала напяливать на нас всякие кофты и платки. Я даже испугалась, что задохнусь, не доехав до тети Йенни. А когда мама вдобавок ко всему стала закутывать меня в большую шаль, я сказала, что лучше уж не поеду совсем, чем таким чучелом.

Мы ехали первыми. Папа сидел на месте кучера и правил. За нами ехал Улле, а за ним – Бритта и Анна. На сбруях громко звенели колокольчики. Нам стало так весело, что мы запели. Но мама испугалась, что мы наглотаемся холодного воздуха, и велела нам закрыть рты. Тогда мы стали перекрикиваться. Мы кричали Улле, а он передавал все Бритте и Анне.

– Если нас будут кормить селедочным салатом, я уеду домой! – закричал Лассе.

– Я тоже! – ответил ему Улле.

Потом Улле крикнул это Бритте и Анне. Потом он крикнул нам, что Бритта

и Анна тоже уедут домой, если нас станут угощать селедочным салатом.

Но домой никто не уехал, хотя селедочным салатом нас, конечно, угощали. Просто, кроме селедочного салата, там было столько еды, что салат можно было и не есть.

Вместе с тремя дочками тети Йенни на празднике было четырнадцать детей. Целый день мы играли в большом зале на втором этаже. Время от времени нас звали вниз и предлагали чего-нибудь съесть. Нам это даже надоело. Только мы разыграемся, как приходит тетя Йенни и спрашивает, почему мы ничего не едим. Ведь взрослые на праздниках только и делают, что едят.

Вечером, когда взрослые наконец наелись, они поднялись наверх, чтобы поиграть с нами. Мы играли в жмурки. Водил дядя Нильс. Ему завязали глаза большим клетчатым платком, и нам очень нравилось подбегать и дергать его за пиджак.

Потом мы играли в фанты. Моим фантом было маленькое золотое сердечко. Когда судили, моему фанту выпало три раза перекувырнуться через голову. Это очень просто. Я перекувырнулась, и мне вернули мой фант. А Улле должен был крикнуть в печку имя своей возлюбленной. Он подошел к печке и крикнул: "Лизи!" Лассе так и покотился со смеху, а я чуть не стореела от стыда. Улле с презрением посмотрел на нас и сказал:

- Дураки! Я назвал мою маму, ведь ее тоже зовут Лизи!

Нашему папе выпало покаркать вороной. Но самое смешное задание получила тетя Йенни. Она должна была залезть на стол и прокукарекать по-петушиному. Правда, тетя Йенни отказалась влезать на стол.

- Чепуха! - заявила она. - Ни один стол не выдержит такую толстуху!

Наверно, она была права, потому что весила больше ста килограммов.

Наконец нас отправили спать. В зале на полу нам постелили соломенные матрасы и дали каждому по одеялу. А когда мы легли, взрослые пришли взглянуть на нас.

- Смотрите, вот лежит несколько метров молодой Швеции! - сказал мой папа.

Взрослые думали, что мы сразу заснем. Но четырнадцать детей не могут лежать молча, поэтому сразу не заснул никто. Нанна, старшая дочка тети Йенни, рассказала нам об одном кладе, который какой-то рыцарь давным-давно зарыл поблизости от их дома. Лассе решил тут же идти искать этот клад. Но Нанна сказала, что его никто не может найти, потому что он заколдован. Не знаю, может быть, Лассе все-таки ходил искать клад, я заснула.

Домой мы отправились только к концу второго дня. Было уже почти темно. Мы больше ничего не кричали друг другу, потому что очень устали. Я лежала в санях на спине и смотрела на звезды. Их было много-много, и все они были страшно далеко. Я забралась поглубже под меховую полость и шепотом запела, так, чтобы меня не услышали Лассе и Боссе:

Где ты, звездочка, живешь?

Что ты ешь и что ты пьешь?

Мне очень хочется и в будущем году поехать на праздник к тете Йенни.

Прославленный фигурист из Бюллербю проваливается в прорубь

Если пересечь загон, где летом пасутся коровы Анны и Бритты, выйдешь прямо к небольшому озеру. Зимой мы там катаемся на коньках. В этом году лед на озере был особенно гладкий. Но мама запретила ходить на озеро, потому что там сделали прорубь, когда рубили лед для нашего погреба. Я сказала маме:

- Да ведь ее оградили можжевельником, мы его увидим и не станем подходить близко.

И мама нас отпустила.

Но на Лассе иногда находит дурь. Особенно, когда ему хочется, чтобы все обратили на него внимание. Так было и на этот раз. Лассе стал кататься у самой проруби.

- Смотрите на прославленного фигуриста из Бюллербю! - кричал он, подъезжая к самой проруби и сворачивая в последнюю секунду.

- Осторожней, Лассе! - предупредил его Улле.

Мы стали ругать Лассе, но это не помогло. Он катался вокруг проруби и выделывал всякие кренделя. Лассе умеет ездить даже задом наперед!

- Вот как мчится великий фигурист из Бюллербю! - крикнул он снова.

В самом деле Лассе мчался задом наперед, спиной к проруби. На этот раз он не успел свернуть и плюхнулся в воду. Мы, конечно, заорали. И Лассе тоже, даже еще громче, чем мы. Нам было очень страшно, что Лассе утонет. Но потом мы легли на лед цепочкой и ухватили друг друга за ноги. Ближе всех к проруби лежал Боссе, Улле держал его за ноги, а мы держали Улле. Боссе протянул Лассе руку, помог ему выбраться на лед, и мы со всех ног пустились домой.

- А если бы ты сейчас был усопленником, как бы ты пришел домой? - спросил Боссе.

- Дурак, не усопленником, а утопленником! - отгрызнулся Лассе.

Но конечно, он был очень благодарен Боссе за то, что Боссе помог ему выбраться из проруби. Иначе он ни за что не подарил бы ему всех своих оловянных солдатиков.

Мама ужасно рассердилась на Лассе. Она заставила его лечь в постель и выпить горячего молока. И не разрешила встать до самого вечера. "Пусть полежит и подумает о своих грехах", - сказала мама. Вот после того как Лассе полежал и подумал, он и подарил Боссе своих солдатиков.

А вечером, когда мы строили снежные крепости и бросались снежками, Лассе был уже с нами. У нас с Бриттой и Анной была одна крепость, а у мальчишек - другая. Но вообще-то мы не любим играть с мальчишками в снежки. У них снежки слишком твердые, и бросают они их слишком сильно. Они ринулись на нашу крепость, и Лассе орал во все горло:

- Смерть или победа! На вас идет Гроза Севера!

Бритта крикнула ему в ответ:

- Какая еще Гроза? А где же прославленный фигурист, который провалился в прорубь?

И Лассе замолчал.

Но крепость нашу они захватили, нас взяли в плен и приказали нам весь вечер лепить снежки, иначе нас ждет смерть.

- Зачем вам столько снежков? - спросила Анна.

- Запас на лето! Сама знаешь, летом снежков не достать, - ответил Лассе.

- До лета ты еще сто раз провалишься в прорубь! - сказала Анна.

Но вскоре мы с Бриттой и Анной замерзли и побежали в хлев греться. Там было тепло и уютно. Мы стали играть в чижа. Мальчишки тоже пришли в хлев. Коровы смотрели на нас во все глаза. Наверно, они не понимали, зачем люди играют в чижа. По очереди мы ударяли палкой по заостренному концу чурки, стараясь попасть чуркой в круг. Но гораздо чаще чиж попадал в стойла к коровам. Конечно, это не очень умная игра, но играть в нее весело.

А потом пришел папа и запретил нам шуметь. Он сказал, что одна корова вот-вот отелится. Эту корову звали Лотта. Мы стали смотреть на Лотту. Когда теленок родился, папа принял его на руки. Это был маленький хорошенький бычок. Счастливая Лотта начала его облизывать. Папа попросил нас придумать теленку имя.

- Гроза Севера! - тут же предложил Лассе, который признавал только старинные имена.

Я сказала, что глупо давать такое имя хорошенькому теленочку.

- А может, он вырастет в злющего быка! - сказал Лассе.

Улле предложил назвать нашего теленка Петером, и папа согласился, что такое имя теленку подходит гораздо больше.

- Тогда пусть его зовут Северный Петер, - попросил Лассе.

А потом было уже пора ложиться спать. Когда мы с Лассе и Боссе поднялись на чердак и я собиралась уйти в свою комнату, Лассе сказал:

- А мне все-таки здорово повезло, что я не утонул!

- Смотри не провались еще раз! - сказал Боссе.

Как Бритта была учительницей и как мы обманули настоящую учительницу первого апреля

Каникулы кончились, и мы снова пошли в школу. Вернее, не пошли, а поехали. На финских санках. У нас трое финских санок. Иногда мы составляем их вместе, и у нас получаются одни длинные санки с тремя сиденьями.

В школе было очень весело. Все перемены мы обменивались глянцевыми картинками. Конечно, только девочки, а не мальчишки. Мальчишки на переменах

только и делают, что бросаются снежками. Это зимой. А весной они играют в чиха. Когда им нечем заняться, они дерутся. И шумят на уроках. Шумят они в любое время года. Учительница говорит, что у них руки так и чешутся, чтобы напроказить. У нашего Лассе они наверняка чешутся сильнее, чем у всех.

Однажды он знаете что проделал! Боссе подарил ему резинового поросенка, которого можно было надувать. Когда из поросенка выходил воздух, поросенок громко пищал. Лассе принес поросенка в школу. Мы с Лассе учимся в разных классах, но сидят все классы в одном помещении, потому что в школе всего двадцать три ученика и всего одно помещение. И учительница тоже только одна.

У нашего класса было чтение. Это мой любимый предмет. Мы читали про короля Густава Васу. Подошла моя очередь читать.

- "Тогда король разразился слезами", - прочла я, и тут же раздался громкий печальный писк. Как будто заплакал сам Густав Ваза. Это в парте у Лассе пищал поросенок.

Дети засмеялись. Сперва нам показалось, что учительница тоже засмеется, но она не засмеялась, а поставила Лассе в угол. Вместе с поросенком.

Но не только Лассе шалит на уроках. Все мальчишки шалят. Однажды нашей учительнице нужно было уйти на совещание. Она велела нам самостоятельно считать и рисовать. А Бритту попросила сесть за ее стол и быть за учительницу. Это потому, что Бритта учится лучше всех.

Не успела учительница выйти за дверь, как мальчишки начали шуметь.

- Эй, учительница! Учительница! - кричали они Бритте и тянули вверх руки.

- Чего вам? - спросила Бритта.

- Нам нужно выйти! - закричали они хором.

А Стиг поднял руку и спросил:

- Скажите, пожалуйста, сколько котлет получается из одной коровы?

А Боссе спросил:

- Вы, наверно, слышали, что в нынешнем году будет урожай на картошку?

- Да, слышала, - ответила Бритта.

- Какой у вас тонкий слух! - сказал Боссе.

Потом поднял руку Лассе и спросил, можно ли показать "учительнице" свой рисунок. Он подошел к столу и показал лист бумаги, весь закрашенный черной краской.

- Это что такое? - спросила Бритта.

- А это пять негров в темной комнате, - ответил Лассе.

Бритте ни капельки не понравилось быть учительницей. Она очень обрадовалась, когда урок кончился. И учительнице она честно сказала, что мальчишки ее не слушались.

Учительница выбрала мальчишек и оставила их на час после уроков решать примеры. А на перемене Стиг обозвал Бритту ябедой и стукнул портфелем. Нет, быть учительницей очень трудно.

В тот день мы плелись домой еле-еле, чтобы Лассе, Боссе и Улле успели догнать нас. Ведь если бы они пришли на целый час позже, чем мы, наши мамы сразу догадались бы, в чем дело, и наказали бы их еще раз. А мы решили, что они уже достаточно наказаны.

Но однажды мы провинились целым классом. Это было первого апреля. Мы обманули нашу учительницу. Конечно, так делать не следует, но первого апреля за это никого не наказывают.

Обычно занятия у нас начинаются в восемь часов. А мы договорились, что первого апреля придем в школу в шесть. После уроков Лассе прокрался в класс и перевел стрелки классных часов на два часа вперед.

Первого апреля мы нарочно громко топали и шумели в сенях, чтобы разбудить учительницу. Лассе побегал к ней наверх и постучал в дверь. Учительница спросила сонным голосом:

- Кто там?

- Это Лассе! - ответил он. - А у нас будут сегодня занятия?

- Ой, дети, ведь я проспала! - воскликнула учительница. - Подождите минутку, я сейчас приду!

У учительницы наверху есть другие часы, но она так спешила, что даже не взглянула на них.

Учительница впустила нас в класс, когда часы на стене показывали двадцать минут девятого.

- Ничего не понимаю, - сказала она. - Должно быть, мой будильник

испортился.

Мы с трудом удерживались от смеха. Первый урок у нас был арифметика. В конце урока наверху у учительницы зазвенел будильник. Ведь по-настоящему было только семь часов, хотя часы в классе показывали девять.

- Что это? - удивилась учительница.

Мы закричали:

Первого апреля
Никому не верю!

- Ах, дети, дети! - сказала учительница и покачала головой.

Но так обманывать учителей можно только первого апреля!

Когда кончились все уроки, какие были у нас по расписанию, мы, конечно, собрались домой. Но учительница сказала:

Первого апреля
Расписанию не верю!

И оставила нас еще на один урок. Но это было не очень строгое наказание, потому что весь урок она читала нам разные смешные рассказы.

По дороге домой Улле спросил у Лассе:

- Где это ты так штаны разорвал? Смотри, какая дыра!

Лассе чуть не свернул себе шею, чтобы увидеть эту дыру, а Улле закричал:

Первого апреля
Никому не верю!

Улле страшно обрадовался, что ему удалось обмануть самого Лассе. Потом мы встретили злого сапожника, и Улле захотелось обмануть и его.

- Господин сапожник, смотрите, там под кустом сидит лиса! - закричал он.

Но сапожник даже не взглянул в ту сторону.

- Не вижу никого, кроме шести сопляков! - сказал он.

Тут уж захохотал Лассе.

А дома, после того как мы сделали уроки, Лассе побежал к Улле и сказал:

- Давай скорей! К Бритте и Анне пришел старьевщик. Он покупает камни.

- Какие камни? - спросил Улле, он совсем забыл про первое апреля.

- Обыкновенные, какие всюду валяются, - ответил Лассе.

Улле бросился собирать булыжники. Он собрал их столько, что с трудом доташил. На кухне у Бритты и Анны в самом деле сидел старьевщик, но скупал он только пустые бутылки и тряпье.

- Дяденька, вот я вам камней притащил, - сказал запыхавшийся Улле и показал на свой мешок.

- Каких еще камней? - удивился старьевщик.

- Обыкновенных, - ответил Улле. - Булыжников. Я их у нас в саду набрал.

- Ах вот оно что! - сказал старьевщик. - Ну, дружок, на этот раз ты дал маху.

Тогда Улле вспомнил про первое апреля. Он покраснел как рак, схватил свой мешок и потащил его прочь. А Лассе стоял за изгородью и орал во всю глотку:

Первого апреля
Никому не верю!

Яичный пир

Наступила пасха. Папа с мамой были приглашены в гости в Большую деревню, а нам разрешили устроить яичный пир и пригласить на него Бритту, Анну и Улле. Ведь у мамы куриная ферма, так что яиц у нас достаточно. Правда, Боссе считает, что почти все яйца несет его Альбертина, но он ошибается.

- Тебе, наверно, кажется, что твоя Альбертина строчит яйцами, как пулемет? - спросил у него Лассе.

Пировать мы собирались на кухне. По случаю праздника стол был накрыт синей скатертью, а мама разрешила нам взять красивые желтые тарелки. В вазе стояли березовые ветки. И все яйца были выкрашены в красный, желтый и зеленый цвет, потому что крашеные яйца гораздо вкуснее некрашеных. Мы даже написали на яйцах стихи. Например:

Это яйцо предназначено Анне.
Съешь его вместо оладий в сметане.

Придумал это стихотворение, конечно, Лассе, но Боссе оно не понравилось.

- При чем тут оладьи в сметане? - сказал он. - Нас и не собирались ими кормить.

- А откуда ты знаешь, вместо чего мы будем есть эти яйца? - возразил Лассе. - Но если хочешь, давай напишем иначе:

Это яйцо предназначено Анне
Съешь его вместо котлеты в сметане.

Боссе и это стихотворение не понравилось. Но больше мы ничего придумать не успели. Пришли Анна, Бритта и Улле, и мы сели пировать. Нам было очень весело. Мы соревновались, кто съест больше яиц. Я смогла съесть только три яйца, а вот Улле съел шесть.

- Альбертина - незаменимая курица, чтобы мы без нее делали? - сказал Боссе после пира.

Дома никого не было. Агда ушла куда-то с Оскаром. Мы погасили свет и стали в темноте играть в прятки. Сперва мы посчитались - эппель-пеппель-пирум-парум, - и водить выпало Боссе. Я спряталась очень хорошо: в гостиной на подоконнике за занавеской. Боссе несколько раз прошел мимо и ничего не заметил. Но оказалось, что Бритта спряталась еще лучше. У нас в сенях стоят папины резиновые сапоги и над ними висит плащ, который папа надевает по утрам, когда возит молоко в Большую деревню. Бритта влезла в эти сапоги и прикрылась плащом. Боссе долго-долго не мог ее найти. В конце концов мы даже зажгли свет и стали искать ее все вместе. Мы кричали: "Бритта, выходи!", но она молчала и не выходила. А заглянуть за плащ никому и в голову не пришло, он висел, как обычно.

- Наверно, она умерла и уже никогда не ответит, - сказал Улле.

Но тут из плаща раздался смех, и перед нами появилась живая Бритта в папиных сапогах.

Бритта предложила нам играть в "Кота в сапогах", ей, конечно, хотелось быть котом, но Анна сказала, что лучше пойти к дедушке и угостить его гоголем-моголем. Мы взяли стаканы, яйца и сахарный песок и побежали к дедушке. Он, как всегда, сидел в качалке перед печкой и очень нам обрадовался. Мы уселись на полу и стали взбивать гоголь-моголь.

Как мы с Анной ходили за покупками

Лавка, где мы покупаем сахар, кофе и вообще все, что нужно, находится в Большой деревне, рядом со школой. Мама часто просит меня зайти в лавку после уроков. Но однажды она попросила меня сходить за покупками во время весенних каникул.

День был солнечный, и я была не прочь прогуляться в Большую деревню. Я спросила у мамы:

- А что нужно купить?

Мама хотела составить список, но мы не нашли карандаша, и я сказала:

- Подумаешь, я могу и так все запомнить!

И мама начала перечислять, что я должна купить: палочку дрожжей, кусок самой лучшей телячьей колбасы, пакетик имбиря, банку анчоусов, сто граммов сладкого миндаля и бутылку уксуса.

- Дрожжи, колбаса, имбирь, анчоусы, миндаль и уксус - все, я запомнила! - сказала я маме.

В это время к нам прибежала Анна и спросила, не пойду ли я вместе с ней в лавку.

- Ха-ха-ха! А я как раз собиралась позвать тебя! - сказала я.

На Анне была новая красная шапка с кисточкой, а в руке – корзинка. Я тоже надела новую зеленую шапку с кисточкой и взяла в руки корзинку.

Анна должна была купить кусок мыла, пачку хрустящих хлебцев, полкилограмма кофе, килограмм рафинада, два метра резины для продержки и кусок самой лучшей телячьей колбасы, так же, как я. Списка у Анны тоже не было.

Перед уходом мы поднялись к дедушке узнать, не нужно ли и ему чего-нибудь в лавке. Дедушка попросил нас купить ему леденцов и баночку камфарной мази.

Когда мы вышли за калитку, на крыльцо выбежала тетя Лизи, мама Улле.

- Вы в лавку? – крикнула она нам.

- Да! – ответили мы.

- Мне тоже кое-что надо, – сказал она.

- Пожалуйста, мы все купим! – сказали мы.

Тетя Лизи попросила купить ей катушку белых ниток No 40 и ванильного сахара.

- И еще что-то мне было нужно, только никак не вспомню, – сказала она, наморщив лоб.

- Наверно, кусок самой лучшей телячьей колбасы, – сказала я.

- Верно! – обрадовалась тетя Лизи. – А как ты догадалась?

И мы с Анной отправились в лавку.

Все-таки мы боялись чего-нибудь забыть и потому по несколько раз перечислили друг другу все, что нас просили купить. Мы шли, взявшись за руки, и размахивали корзинками. Сверкало солнце, сладко, по-весеннему, пахли деревья. "И телячьей колбасы, самой лучшей!" – пели мы во все горло. Так у нас получилась песня про колбасу. Мы пели ее на разные лады, даже на мотив марша. А под конец мы придумали такую печальную мелодию, что чуть сами не заплакали.

- Какая грустная колбаса! – сказала Анна. – Хорошо, что мы уже пришли.

В лавке было очень много народу, и нам пришлось бы долго стоять в очереди, если б нас не выручил дядя Эмиль, наш лавочник. Ведь взрослые считают, что детям спешить некуда, и норовят пролезть вперед. Но дядя Эмиль нас хорошо знает, и ему было интересно, как поживают все обитатели Бюллербю, сколько яиц мы съели на пасху и скоро ли мы с Анной выйдем замуж.

- Еще не скоро, – сказали мы.

- А что уважаемые барышни желают купить?

Он всегда шутит с нами и очень нам нравится. У него маленькие рыжие усики и карандаш за ухом. И он всегда угощает нас леденцами из большой банки.

Сперва Анна перечисляла все, что просили купить ее мама и дедушка, а дядя Эмиль складывал покупки в корзину. Потом настал мой черед, и я сказала дяде Эмилю все, что было нужно моей маме и тете Лизи. Нам казалось, что мы ничего не забыли. На прощание дядя Эмиль угостил нас кислыми леденцами, и мы зашагали домой.

Когда мы дошли до развилки, где дорога сворачивает на Бюллербю, я спросили:

- Ты не помнишь, я купила дрожжи или нет?

Но Анна не помнила, купила ли я дрожжи, и мы стали ощупывать все пакеты в моей корзине. Дрожжей там не оказалось. Пришлось вернуться в лавку. Дядя Эмиль засмеялся, отпустил мне дрожжи и снова угостил нас кислыми леденцами. И мы ушли.

Когда мы подошли к развилке, Анна воскликнула:

- А камфарная мазь для дедушки!

Мы опять вернулись в лавку. Дядя Эмиль посмеялся над нами, дал нам камфарную мазь и снова угостил нас кислыми леденцами.

Когда мы в третий раз подошли к развилке, у Анны вдруг сделалось такое лицо, что мне стало ее жалко.

- Лизи, – прошептала она, – а рафинад?

Мы перешупали все пакеты в наших корзинах, но рафинада там не было.

Дядя Эмиль чуть не упал за прилавок, когда увидел нас. Он дал нам рафинаду и кислых леденцов.

- До свидания, – сказала Анна. – Больше мы уже не придем!

Когда вдали показалась развилка, я сказала Анне:

- Давай пробежим мимо этого места, иначе мы опять что-нибудь вспомним.

И мы пробежали мимо развилки.

- Это ты хорошо придумала, - сказала Анна.

Наконец-то мы были уже недалеко от дома. Мы шли, взявшись за руки, и размахивали корзинами. Но не очень сильно, чтобы ничего не потерять. Сверкало солнце. В лесу пахло по-весеннему сладко.

- Давай споем про колбасу, - предложила Анна.

Нам так нравилась эта песня, что Анна решила обязательно спеть ее в школе. Мы распевали во все горло, поднимаясь к Бюллербю: "И телячьей колбасы, самой, самой вкусной!"

Вдруг Анна остановилась.

- Лизи! - с ужасом закричала она. - Мы забыли купить колбасу!

Мы опустили корзину на обочину и долго-долго молчали. Наконец Анна сказала:

- Не понимаю, зачем люди придумали колбасу? Неужели нельзя есть вместо колбасы картошку?

- Зря мы пробежали мимо развилки, - вздохнула я.

Пришлось нам повернуть обратно. Больше мы не пели. Мы шли, и шли, и шли. Анна сказала, что песня про колбасу, пожалуй, не подходит для школы.

- Да, - согласилась я, - глупая песня. Она вообще никуда не годится.

Когда дядя Эмиль увидел нас, он схватился за голову и побежал за новой банкой леденцов. Но мы от них отказались, мы больше даже смотреть на них не могли.

- Три куска самой лучшей телячьей колбасы, - сказала я.

- Даже за самой лучшей телячьей колбасой не стоит столько ходить, - проворчала Анна.

И мы поплелись домой. На развилке Анна оглянулась и сказала:

- А вон едет мельник Юхан на своей Буланке.

Мельница Юхана находится еще дальше, за Бюллербю.

- Пожалуйста, подвезите нас! - попросили мы Юхана, когда он поравнялся с нами.

- Садитесь, - сказал Юхан.

Мы забрались в телегу позади Юхана и он довез нас до самого дома.

Я стала напевать песню про колбасу, но Анна сказала:

- Если ты сейчас же не замолчишь, я столкну тебя с телеги!

Когда я пришла домой, мама спросила:

- Почему вы ходили так долго?

- Столько колбасы быстро не купишь, - ответила я.

Мама выложила покупки на стол и похвалила меня:

- Вот молодчина, ничего не забыла!

В гостях у водяного

Проселочная дорога доходит только до Бюллербю. А дальше, к мельнице Юхана, ведет узкая лесная дорожка. Сам Юхан - маленький смешной старичок. Он живет совершенно один в старом домишке, затерянном в глухом лесу. Рядом с домом стоит мельница. Она стоит на Ивовом ручье. Этот ручей несколько не похож на наш. Наш - тихий и спокойный, а Ивовый - бурный и стремительный. Иначе на нем не поставили бы мельницу. Большое мельничное колесо не стало бы вертеться, если бы Ивовый ручей не обрушивался на него с такой силой.

Мало народу мелет зерно у Юхана, только мы, из Бюллербю, да еще кое-кто из-за леса. На мельнице всегда пустынно. Юхан - странный человек, он не любит взрослых, он любит только детей. С нами он всегда разговаривает, а со взрослыми молчит и лишь односложно отвечает на вопросы.

Однажды весной папа сказал, чтобы Лассе съездил на мельницу и смолол там два мешка ржи.

- Вот хорошо, - сказали мы, - мы все поедем с Лассе.

У нас есть старая воронья кобыла, ее зовут Шведка. Она уже очень давно живет у папы. Папа зовет ее Свахой. Потому что на ней он ездил свататься к маме. Папа не боится, когда мы ездим на Шведке. Он говорит, что она умнее всех детей из Бюллербю, взятых вместе.

Два мешка ржи да шестеро детей - груз не маленький. Шведка повернула голову и с укором посмотрела на нас. Но Лассе щелкнул вожжами и сказал:

- Ну, ну, Шведка, пошла! Нечего дурить!

И наша телега покатила по лесной дороге. Эта дорога такая неровная и каменистая, что мы все время падали друг на друга, когда колесо наезжало на

камень или проваливалось в рытвину. Но мы только смеялись.

Шум Ивового ручья разносится по всему лесу. Его слышно издали, когда самой мельницы еще не видно. На мельнице очень красиво. И таинственно. И немного страшно. А если стоишь возле мельничного колеса, приходится кричать, иначе не слышно.

Юхан ужасно обрадовался нашему приезду и повел нас на мельницу. Он все время посмеивался, и вид у него был хитрый-прехитрый. Мы отдали ему наши мешки, осмотрели мельницу, а потом уселись на траву и стали беседовать с Юханом. Наверно, он уже давно ни с кем не беседовал, потому что говорил больше, чем обычно.

Он рассказал нам, что у него на мельнице живет гном, который очень любит проказничать. Схватится, например, за жернов, и тот перестает крутиться. Или высыплет на пол мешок муки. Однажды, когда Юхан пришел на мельницу слишком рано, гном рассердился и ударил его. Юхан даже опомниться не успел, как у него перед глазами что-то сверкнуло и гном исчез. Но вообще-то гном добрый. Когда у него хорошее настроение, он по вечерам подметает на мельнице пол и все прибирает.

Чудное место эта мельница. На поляне перед домиком Юхана, например, часто танцуют эльфы. Юхан сидит у окна и из-за занавески смотрит на них. Если эльфы замечают Юхана, они сразу же прячутся. А однажды Юхан видел лесовичку. Она стояла за сосной, высунув нос, и хохотала на весь лес. Счастливый Юхан, он всегда видит что-нибудь интересное!

- А знаете, кто здесь был сегодня ночью? - спросил он таинственным шепотом.

Конечно, мы этого не знали, и Юхан сказал, что ночью на мельницу приходил водяной.

Анна стиснула мою руку, а я - ее.

Водяной сидел на камне возле плотины и играл на скрипке так трогательно, что Юхан даже прослезился. Юхан и камень нам показал, на котором сидел водяной. Но днем там водяного, конечно, не было.

- Он приходит только по ночам, - сказал Юхан.

- Каждую ночь? - спросил Боссе.

- Да, весной он любит по ночам сидеть здесь на камне и играть на скрипке, - ответил Юхан.

Шведке не терпелось вернуться домой, это было ясно по ее виду. Все стали прощаться с Юханом, а мы с Анной еще раз сбегали к камню, на котором сидел водяной.

Одна дорога ведет от мельницы в Бюллербю, а другая в деревню, которая лежит за лесом. Лассе захотелось съездить и посмотреть эту деревню. Он взмахнул вожжами, но Шведка даже ухом не повела. Она стояла как вкопанная. Только повернула голову и взглянула на Лассе, будто хотела удостовериться, в своем ли он уме. И пришлось нам ехать домой в Бюллербю. Тут уж Шведка весело бежала всю дорогу.

Неожиданно Лассе сказал:

- А я сегодня ночью пойду посмотреть водяного. Кто со мной?

Сперва мы решили, что он шутит, но он говорил серьезно. Тогда Боссе и Улле сказали, что они тоже пойдут с ним.

- А девочки могут не ходить, если не хотят, - сказал Лассе.

- Кто это тебе сказал, что мы не хотим? - спросила Бритта.

- Очень даже хотим, - сказала Анна.

- Пожалуйста, я не против, - разрешил Лассе. - Надо же и вам взглянуть на водяного, не больно-то много вы их видели.

- Столько же, сколько ты! - отрезала Бритта.

Лассе ей не ответил, но напустил на себя такой таинственный вид, будто он видел тысячу водяных.

Мы тут же обо всем договорились. Лассе сказал, что мы должны выйти из дому в полночь. Он считал, что разрешения лучше не спрашивать, он сам нас разбудит, у него есть будильник.

Ночью я проснулась оттого, что Лассе стоял у моей постели и дергал меня за волосы. Я мигом вскочила.

Как разбудить Анну и Бритту, Лассе придумал еще вечером. Он привязал к веревке камень и положил его к ним в комнату, а веревку протянул в мое окно. Теперь он подергал за веревку, камень запрыгал по полу, и девочки проснулись.

Ну, а разбудить Улле было нетрудно: Боссе перелез по липе к нему в комнату и растолкал его.

До сих пор не понимаю, как нам удалось незамеченными выбраться из дому. Я очень боялась, что папа с мамой проснутся от скрипа лестницы. Но они не проснулись.

Вы были когда-нибудь ночью в лесу? Знаете, как там страшно! Я бы ни за что не осмелилась пойти одна ночью в лес! Всю дорогу я крепко держала за руки Бритту и Анну. А когда мы услышали шум Ивового ручья, мне захотелось убежать домой.

К тому же Лассе сказал:

- Только к камню мы поползем поодиночке!

- Как поодиночке? - испугалась я. - Нет уж, спасибочки! Одна я туда не пойду, не нужен мне твой водяной.

- Вот дура! - возмутился Лассе. - Ты думаешь, к водяному можно явиться всем вместе, как на школьной экскурсии, и сказать, что мы всю жизнь мечтали его увидеть? Вы как хотите, а я иду один!

Улле и Боссе решили, что они пойдут вдвоем. А мы с Бриттой и Анной - втроем.

- Я поползу первый, - сказал Лассе. - Если водяного там нет, я вам крикну. Считайте до ста. А если не крикну, ползите за мной. Значит, водяной на месте.

И он уполз.

Мы лежали во мху и считали. Мне очень хотелось, чтобы водяного там не было, и чем ближе счет подходил к ста, тем громче стучало у меня сердце. Лассе не крикнул.

- Водяной на месте, ползем! - прошептал Боссе, и они с Улле поползли к камню по одной тропинке, а мы - по другой.

- Девочки, я сейчас умру! - прошептала Анна.

Нам с Бриттой было тоже очень страшно. Вот наконец и мельница. И плотина. И камень рядом с плотиной. И водяной на камне! Водяной был голый и на чем-то играл. Но из-за шума воды мы почти не слышали, как он играет. Виден он был тоже плохо. Но что это водяной, не было никакого сомнения.

- Ой! - прошептала Анна.

- Давайте послушаем, - прошептала Бритта.

- Это не скрипка, - прошептала я. - А песня знакомая.

- Правда, мы ее в школе разучивали! - воскликнула Бритта.

- Интересно, откуда водяной знает эту песню? - удивилась я.

Но тут не было ничего удивительного, потому что это был не водяной, а наш Лассе. Это он, голый, сидел на камне и играл на губной гармошке.

- Ну вот, теперь вы уже не сможете говорить, что никогда в жизни не видели водяного, - сказал он.

А Боссе сказал, что, когда вырастет, он поколотит Лассе.

Черстин - сестренка Улле

Когда Лассе и Боссе чересчур меня донимают, мне начинает казаться, что без братьев гораздо спокойнее. Никто тебя не дразнит, если ты играешь в куклы. Не дерется. И не говорит, что опять твоя очередь вытирать посуду.

Однажды Лассе сказал маме, что девчонки вообще никому не нужны. Ему бы хотелось, чтобы вместо меня у них с Боссе было девять братьев. Тогда бы их хватило как раз на футбольную команду. Но мама ответила ему:

- А я очень рада, что у меня хоть одна дочка. Одиннадцать сыновей, избави боже! Хватит с меня и двоих.

Наверно, Лассе понял, что сказал глупость.

Но иногда иметь братьев очень приятно. С кем бы мы по вечерам кидались подушками и рассказывали страшные истории? И кто бы заступался за меня в школе?

Как-то раз, например, я нечаянно толкнула одного мальчишку, и он меня стукнул. А Боссе стукнул его и сказал:

- Попробуй еще раз ее тронуть!

- А чего она сама толкается! - сразу занял мальчишка.

- Она тебя не видела, у нее на затылке глаз нет! - сказал Боссе.

Нет, иметь братьев не так уж плохо. Хотя сестры гораздо лучше, это каждому ясно.

А вот Улле говорит, что неважно, брат у тебя или сестра, важно, чтобы ты был не один. И по-моему, он прав. Он очень сердился на своих родителей и всегда говорил им:

- Не понимаю, почему у всех много детей, а у вас только один ребенок?

И вот наконец у Улле появилась сестренка. Он ужасно обрадовался, прибежал к нам и потащил нас смотреть его сестру. Мы, конечно, пошли.

- Вот она! - сказал Улле с таким видом, будто показывал нам чудо. - Правда, хорошенькая.

Но она не была хорошенькой. Она была красная и сморщенная. Мне она показалась даже страшной. Только ручки у нее были хорошенькие.

Но больше всех при виде ее был поражен Лассе. Он вытаращил глаза и раскрыл рот. Но промолчал.

- Да, она очень хорошенькая, - ответила за всех Бритта, и мы ушли.

А дома Лассе сказал:

- Бедный Улле! У него не сестра, а страшилище! Наша Лизи тоже не красотка, но она хоть на человека похожа. Улле будет стесняться такой сестры, когда она пойдет в школу.

Больше мы не ходили смотреть сестру Улле, но он каждый день говорил нам, какая она хорошенькая, и каждый раз Лассе многозначительно поджимал губы. Мы не видели ее до тех пор, пока нас всех не пригласили на крестины.

- Бедняжка! - сказал Лассе по дороге. - Такая уродина, как она будет жить!

Гостиная у Улле была украшена цветами. На камине стоял кувшин с зелеными ветками, стол был накрыт. Улле разоделся, словно на праздник. Мы все, впрочем, тоже. Пастор уже ждал. Вдруг дверь отворилась, и в комнату вошла тетя Лизи с дочкой на руках. Но эта девочка была похожа на куклу. У нее были большие синие глаза, розовые щечки и маленький ротик.

Лассе опять был поражен.

- Улле, у тебя еще одна сестра? - шепотом спросил он.

- Как это еще? - удивился Улле.

Он так и не понял, что Лассе думает, будто это совсем разные девочки. И Лассе замолчал.

Сестренку Улле называли Черстин.

А у меня ягненок!

У нас в деревне много овец, и каждый год у них бывают ягнята. Ягнята такие хорошенькие! Они гораздо забавнее котят, поросят и щенков. По-моему, они даже забавнее, чем Черстин, но при Улле я этого не говорю.

Когда овцы начинают ягниться, мы каждое утро бегаем в овчарню посмотреть, сколько ягнят прибавилось за ночь. Только приоткроешь дверь овчарни, как все овцы начинают блеять. И ягнята блеют, а голоски у них нежные-нежные. И почти каждая овца приносит по два ягненка.

Как-то в воскресенье утром я пришла в овчарню и увидела, что на соломе лежит мертвый ягненок. Я побежала к папе и рассказал ему об этом. Папа пошел выяснить, отчего умер ягненок. Оказалось, что у его мамы не было молока. Бедный ягненок умер от голода. Я села на пороге овчарни и заплакала. Вскоре пришла Анна, узнала о смерти ягненка и тоже заплакала.

- Я не хочу, чтобы ягнята умирали! - сказала я папе.

- А кто хочет? - сказал папа. - Но и этот ягненок тоже умрет.

Он показал мне ягненка, которого держал на руках. Это был брат умершего. Он тоже умирал от голода. Папа сказал, что ягненка придется зарезать, чтобы избавить его от страданий. Тут мы с Анной заплакали еще громче.

- Не хочу! - кричала я, катаясь по траве. - Не хочу, чтобы ягнята умирали!

Папа поднял меня на руки и сказал:

- Ну, полно, Лизи! Успокойся! Лучше попробуй выкормить этого ягненка через соску, как кормят грудных детей.

Я ужасно обрадовалась. Ведь я не знала, что ягнят можно кормить через соску. Правда, ягненок был очень слабенький, и папа боялся, что он все равно умрет. Но мы решили попробовать.

Мы с Анной побежали к тете Лизи и попросили у нее соску и бутылочку, из которых она кормила Черстин. Потом мы вернулись к папе.

- Давай дадим ягненку сливок, - предложила я ему.

Но папа сказал, что если я накормлю ягненка сливками, он погибнет наверняка. Новорожденные ягнята могут пить только молоко, и то разведенное водой. Папа помог нам развести молоко и опустил бутылку в теплую воду, чтобы молоко согрелось. А потом я сунула соску ягненку в рот. И, представьте себе, он сразу начал сосать! Видно, он был очень голодный.

- Ну вот, теперь ты приемная мама этого ягненка, - сказал мне папа. - Помни, его надо кормить и утром, чуть свет, и днем, и поздно вечером. Смотри, как бы тебе не надоело!

Анна тут же сказала, что если мне надоест, я могу позвать ее, и она с радостью покормит ягненка вместо меня. Но я ответила:

- И не думай! Мне никогда не надоест кормить ягненка!

Я назвала ягненка Понтием, и папа сказал, что он будет только мой. К счастью, это произошло до того, как проснулись Лассе и Боссе, а то бы мы обязательно поссорились из-за Понтия.

- Выходит, в воскресенье уже и поспать подольше нельзя? Ты спишь, а тем временем Лизи достается ягненок! - сказал Лассе. Он очень рассердился, что Понтий достался не ему.

В первые дни все дети прибежали смотреть, как я кормлю Понтия. Но вскоре им это надоело.

Просто удивительно, как много едят ягнята! Каждое утро перед школой я бежала в овчарню кормить Понтия. Он увидит меня и сразу подбегает, а сам тихонько блеет и виляет крохотным хвостиком. Я отличала его от других ягнят по черному пятнышку на носу. Днем, когда я была в школе, Понтия кормила Агда. А после школы и поздно вечером - опять я.

Однажды я попросила Анну покормить Понтия вместо меня, но она сказала:

- Завтра! Сегодня мне некогда!

А вот мне нисколько не надоест кормить Понтия. Я его очень люблю. Особенно за то, что он так радуется, когда видит меня. Я даже спросила у Лассе и Боссе, не думают ли они, что Понтий думает, что я его мама, и Лассе ответил:

- Конечно, думает, ведь ты очень похожа на овцу!

Через некоторое время папа сказал, что надо научить Понтия пить молока из ведерка. Ведь большому барану стыдно сосать соску.

В первый раз Понтий никак не мог понять, почему вместо соски я сую ему в нос какое-то ведерко. Он тыкался в меня носом, искал соску и жалобно блеял.

Боссе долго смотрел на Понтия.

- Ну, что же ты не пьешь, это же так просто! - сказал он ягненку. - Вот дурачок!

Я обиделась за Понтия.

- Сам ты дурачок! Лучше помалкивай, если ничего не смыслишь в ягнятах! - сказала я.

А Понтий продолжал нюхать ведерко и жалобно блеять.

Все-таки я придумала, как научить Понтия пить молоко, потому что смыслю в ягнятах гораздо больше, чем Боссе. Я обмакнула руку в молоко и дала Понтию облизать мои пальцы. Потом снова обмакнула и снова дала облизать. Так я делала, пока молоко не кончилось. Правда, и на землю немного пролилось.

Несколько дней Понтий облизывал мои пальцы. Но однажды ему так хотелось есть, что он не стал дожидаться, пока я обмакну в молоко руку, а сунул в ведро мордочку и начал пить. И выпил все без остатка. Теперь Понтий обходится без меня. И мне жалко, что я уже не очень нужна ему.

Когда стало теплее, овец выпустили в загон. И Понтий вместе с другими ягнятами научился есть траву. Но молоко ягнята тоже еще пили. Поэтому я каждый день ходила к загону с ведерком молока. Подойду к изгороди и кричу: "Понтий! Понтий!" На другом конце загона слышится блеяние, и Понтий со всех ног бежит ко мне, виляя крохотным хвостиком.

Понтий идет в школу

Лассе очень любит дразнить меня.

- А все-таки собака лучше, чем ягненок! - сказал он однажды.

Улле, конечно, тут же с ним согласился: ведь у него собака, а не ягненок.

- Понятно, собака лучше! - сказал он.
- Это еще почему? - обиделась я.
- Потому что собаку можно всюду брать с собой, - сказал Улле. - Собака всегда ходит за человеком.

- А твой Понтий не выходит из загона, - сказал Лассе.

- И все равно ягненочек лучше! - сказала Анна, чтобы поддержать меня.

Это мы говорили, когда шли из школы домой.

Наутро я, как обычно, пошла к загону кормить Понтия. Он прибежал ко мне такой беленький и хорошенький, что я подумала, что не променяла бы его даже на тысячу собак. А еще я подумала: "Как жалко, что он бегаёт только по загону, где никто не видит, какой он хорошенький".

Быстрый часто провожает Улле до самой школы. Это правда: собака всюду следует за человеком. Однажды учительница даже впустила Быстрого в класс и разрешила ему лечь возле парты Улле.

Пока Понтий пил молоко, я все думала, почему так несправедливо устроено, что собаки бегают, где хотят, а ягнята - только по загону. И я решила взять Понтия в школу, чтобы утереть Лассе нос.

Ребята ждали меня возле калитки.

- Скорей, Лизи, а то опоздаем! - крикнула Бритта.

Я повернулась к Понтию и сказала:

- Слышишь, Понтий? Скорей, а то опоздаем!

Никогда бы не подумала, что дети могут так изумиться, как изумились и Лассе, и Боссе, и Улле, и Бритта, и Анна, когда они увидели Понтия.

- Ку... ку... куда это он? - спросил Лассе.

- В школу! - ответила я. - Может, вы теперь перестанете говорить, что только собаки всюду ходят с человеком!

- Лизи, а ты, случайно, не заболела? - спросил Лассе.

- А папа и мама знают об этом? - спросил Боссе.

Я немного смутилась, потому что не подумала о папе и маме. Но тут Анна захлопала в ладоши и сказала, что если Быстрому разрешили сидеть на уроках, то уж Понтию и подавно разрешат. Как раз то, что я думала. Лассе засмеялся.

- Ладно, пусть идет, - сказал он. - Учительница, конечно, в обморок упадет!

И мы побежали в школу, а Понтий - за нами. Иногда он ненадолго останавливался, как будто удивлялся: что все это значит? Но я звала его: "Понтий! Понтий!", он послушно отвечал "Бе-е!" и догонял меня.

В школу в этот день мы, разумеется опоздали. Звонок уже прозвенел, и все ребята давно ушли в класс.

На ступеньках крыльца Понтий споткнулся, и мне пришлось взять его на руки.

- А может, он еще слишком мал для школы? - неуверенно спросил Лассе.

Когда сам Лассе в первый раз пришел в школу, он так вертелся за партой, что учительница сказала, что он еще мал для школы, и велела ему прийти через год. "Видно, он еще не наигрался", - сказала она. Лассе этого до сих пор не забыл. Вот почему он сказал, что Понтию еще рано ходить в школу.

Бритта приоткрыла дверь класса.

- Простите, пожалуйста, мы немного опоздали, - сказала она.

Улле сразу начал хихикать. Мы молча ждали, когда нам разрешат войти, а Улле все хихикал, словно его щекотали.

- Что это тебе сегодня так весело? - спросила его учительница.

Понтий стоял у меня за спиной, и его никто не видел. Вдруг он высунул голову вперед и сказал: "Бе-е!" Дети как подпрыгнут! Да и учительница тоже.

- Боже мой! - воскликнула она. - Никак, вы привели с собой ягненка?

- Это Лизи... - сказал Боссе и замолчал: он испугался, что учительница на меня рассердится.

Я тоже этого испугалась.

- Мы в прошлый раз читали про домашних животных, - сказала я тихо, - и я...

- Что ты? - спросила учительница.

- Я решила, что надо показать живого ягненка... - сказала я первое, что пришло в голову.

Учительница рассмеялась, и все дети тоже. Особенно Улле. У него в животе даже что-то громко забулькало.

Понтия подвели к учительскому столу, и все ребята подходили и гладили

его. А потом мы читали вслух про овец, и я рассказывала, как выкормила Понтия через соску. Он всем очень понравился. Мы спели ему песню про барашка. Но, по-моему, Понтий устал от нашего шума и заскучал по своему загону. Правда, вел он себя очень хорошо: до конца урока он спокойно стоял возле моей парты. То есть почти спокойно. Иногда он тихонько блеял, и тогда Улле начинал смеяться. Он опускал голову на парту и смеялся так заразительно, что вслед за ним начинали смеяться все дети.

В хорошую погоду мы на большой перемене завтракаем на школьном крыльце. Так было и в этот день. У меня была с собой бутылка молока, и я половину отдала Понтию. Анна тоже отдала ему полбутылки молока. Он хотел полакомиться еще и морковкой, что взошла на грядках у учительницы, но я прогнала его прочь и велела вести себя прилично.

Когда уроки кончились и мы стали собираться домой, Лассе сказал:

- Завтра мы будем проходить крупный рогатый скот. Вот будет здорово, если я приведу нашего быка!

Улле от смеха начал икать.

- Боксь только, ему будет тесновато между партами.

Но учительница сказала, чтобы мы больше не приводили в школу никаких животных. Даже если мы проходим их по естествознанию. Это уж слишком.

- Да, особенно, когда мы начнем проходить про крокодилов, - сказала Анна.

Улле даже завыл от смеха и с трудом выговорил:

- Ой, тогда я приведу крокодила!

По дороге домой Понтий устал, и мы по очереди несли его на руках вверх по склону. Когда его выпустили в загон, он громко заблеял и галопом помчался к другим овцам.

- Нет, конечно, он еще слишком мал для школы, - сказал Лассе.

Что мы делаем по дороге домой

Нам всегда очень весело, когда мы идем из школы домой. Мы разговариваем про школу, рассказываем сказки, мечтаем, кем мы станем, когда вырастем, лазим по деревьям, отдыхаем на обочине и всякое такое.

Мама говорит, что ей непонятно, почему мы из школы идем гораздо дальше, чем в школу. Я и сама этого не понимаю. Но уж так получается.

Однажды, когда мы пришли чересчур поздно, мама попросила:

- Лизи, расскажи мне, что вы сегодня делали по дороге.

И я рассказала все по порядку.

Сперва мы зашли в лавку и купили дедушке леденцов. Он очень любит леденцы, и мы часто их для него покупаем. В лавку бегала Бритта, а мы ее ждали. Нам ужасно хотелось взять себе по одной штучке, но Бритта спрятала кулек в портфель и сказала:

- Если каждый возмет по штучке, дедушке достанется пустой кулек.

- Правильно, - сказал Лассе. - Пошли скорей, а то мало ли что может случиться!

И мы пошли домой. А Боссе, он ведь такой сластена, сказал:

- Если бы у меня была хоть одна корона, я бы на всю корону купил леденцов!

- Откуда у тебя может быть корона! - засмеялась Анна.

- А разве я не могу случайно найти одну корону? - спросил Боссе.

- Случайно - не можешь, - ответила Бритта. - Кроны валяются на земле, а ты смотришь только на небо!

Тогда Боссе стал смотреть себе под ноги. Не успели мы пройти несколько шагов, как он нашел корону.

Вот чудо, правда?

Наверно, это гномы услышали, о чем мы говорим, и подкинули Боссе корону. Она лежала на развилке дорог. Боссе смотрел на корону, как будто не верил своим глазам. Потом он схватил ее и побежал обратно в лавку за леденцами. А мы его ждали на развилке.

- Я и не знал, что находить деньги так просто! - сказал он, угостив нас леденцами. - Вы только подумайте, сколько денег мы проморгали!

Теперь мы все стали смотреть себе под ноги. Лассе сказал:

- Эх, бы у меня корона!

Он думал, что гном и ему подкинет корону. Но он ничего не нашел. Тогда

он сказал:

- Ну, хоть полкроны!

Но он не нашел и полкроны.

- Ну, хоть десять эре! - сказал он, так ему хотелось тоже найти монетку.

Но он не нашел и десяти эре. Лассе рассердился.

- Вот увидите, одно эре я все-таки найду! - сказал он.

Но никто не нашел больше ни эре.

Мы шли и сосали леденцы. Но Боссе показалось, что мы едим их слишком быстро, и он предложил состязаться, кто дольше прососет леденец. Тогда леденцы стали исчезать не так быстро. Мы шли и состязались. У каждого на языке лежало по леденцу, и мы медленно-медленно сосали их. Через некоторое время мы остановились, высунули языки и начали сравнивать остатки леденцов. Это было перед домом сапожника. Он увидел нас в окно и закричал, что если среди нас есть хотя бы один нормальный, пусть отнесет Агде ее туфли, которые он только что починил. Мы тут же спрятали языки. Нам не хотелось, чтобы на наше состязание глазели посторонние. (Выиграла это состязание Бритта.) Лассе взял у сапожника туфли и положил их в свою сумку.

Потом Улле придумал другое состязание: кто сможет дольше не дышать. И мы опять стали состязаться. Но на всякий случай отошли подальше от дома сапожника. Ведь ему и это могло показаться ненормальным.

Мы все не дышали очень долго. Хотя, конечно, не только из-за этого мы пришли так поздно. Лассе сказал, что теперь выиграл он, но Улле с ним не согласился.

- Нет, выиграл Боссе, он посинел гораздо больше, чем ты! - сказал Улле и предложил состязаться, кто дальше плюнет. - Только без девчонок, они все равно не умеют далеко плевать, - сказал он.

Мы с Анной и Бриттой обиделись, потому что мы умеем плевать не хуже их. Бритта сказала, что если они будут состязаться без нас, пусть не приходят завтра к ней на день рождения. Тогда они нас приняли. На этот раз выиграл, конечно, Лассе. Зато Анна плюнула гораздо дальше, чем Боссе и Улле.

Мы как раз дошли до луга, который принадлежит сапожнику. Луг был залит водой и напоминал озеро, а плоский камень, что лежал на лугу, был похож на островок.

- Я иду на камень! - заявил Лассе.

Нам всем тоже захотелось на камень. Лассе вынул две жерди из изгороди сапожника и положил их концами на камень. Получились мостки. И мы по очереди перебрались по ним на камень. Первым, конечно, Лассе.

Светило солнце, и нам было очень хорошо на большом теплом камне.

- Вот если бы у нас было что поесть! - сказала Анна.

Но поесть было нечего. Леденцы уже кончились. Лассе открыл свою сумку. Там лежали туфли и бутерброд с сыром, который он не доел в школе.

И мы стали играть, будто камень - это корабль, потерявший управление, а мы - матросы, которых ждет голодная смерть. Лассе разделил свой бутерброд на шесть одинаковых кусочков и роздал нам.

- Дети мои! - сказал он. - Это единственное, что отделяет нас от смерти. Но берите пример со своего капитана, он не теряет мужества!

Капитаном, конечно, был сам Лассе. Еще он сказал:

- Хуже всего, что у нас нет воды. Мы умрем не от голода, а от жажды. Нас всех ждет страшная смерть!

Боссе засмеялся.

- А это разве не вода? - спросил он.

Но Лассе ответил, что Боссе дурак. Ведь наш корабль плывет по соленому океану, и капитан собственноручно пристрелит любого, кто вздумает пить морскую воду. Потому что от соленой воды люди сходят с ума. Он лег на камень и сделал вид, что бредит от голода и жажды. Боссе сказал:

- По-моему, он все-таки хлебнул соленой водички, - видите, свихнулся.

А Лассе стал на колени, сложил руки и заорал во всю глотку:

- Спасите! На помощь!

Даже эхо откликнулось на его крик.

И кто же, как вы думаете, бросился спасать Лассе?

Конечно, сапожник! Он решил, что Лассе и в самом деле нуждается в помощи, но когда понял, что мы просто играем, ужасно разозлился.

- Как туда забрались, так и выбирайтесь! - закричал он, но все-таки

вошел в воду и по одному перетащил нас на дорогу.

Правда, сапожник был в резиновых сапогах и страшно ругал нас, но, по-моему, он поступил очень благородно, когда бросился нам на помощь. Ведь он не знал, что нас не нужно спасать.

Мы поспешили убратсья подобру-поздорову, а сапожник кричал нам вслед, что ему осточертели дети из Бюллербю и чтобы в другой раз мы не смели прикасаться к его изгороди.

И мы пошли дальше. Случайно я поглядела на сумку Лассе и увидела, что она пустая.

- А где же туфли? - спросила я.

Лассе растерялся. Он сказал, что туфли, наверно, остались на камне. Он выложил их, когда доставал бутерброд.

Мы все вместе вернулись к камню и увидели завернутые в газету туфли. Но жерди сапожник уже унес. Лассе предложил нам разуться и идти прямо по воде. Мы так и сделали. Вода была не очень холодная, и мы стали играть: камень - это корабль, севший на мель, а мы - пираты, которые хотят снять с этого корабля сокровище, то есть туфли. Но и корабль и сокровище охраняли другие пираты. Мы бегали вокруг корабля и стреляли в них. Потом Лассе дал команду, и мы полезли на корабль с ножами в зубах. Ножами служили ручки. Когда мы все стояли на камне, Лассе заорал, размахивая туфлями над головой:

- Ура! Добыча наша! Смерть первому, кто осмелится подойти к нам!

Первым к нам подошел сапожник. Кто же, кроме него, мог подойти к нам в этом месте? Бедный сапожник! Мне стало по-настоящему жаль его, когда он увидел нас и понял, что спасал нас напрасно. Сперва он онемел, а потом как заорет:

- Убирайтесь отсюда! Убирайтесь, пока я вас не убил!

Мы спрыгнули с камня и зашлепали по воде к дороге. Там мы подхватили свои чулки с башмаками и бросились наутек. А туфли Агды так и остались лежать на камне. Сапожник долго кричал нам вслед, что и в Бюллербю достаточно места, где можно шуметь.

Больше мы нигде не задерживались. Только один раз. Боссе показал нам гнездо. Мы по очереди влезали на дерево и рассматривали гнездо, в котором лежали четыре голубоватых маленьких яйца. У Боссе есть такие яйца в его коллекции.

Когда я закончила свой рассказ, мама сказала:

- Вот теперь я понимаю, почему вы приходите из школы так поздно.

А Лассе пошел к Агде и сказал ей, что завтра она получит свои туфли, которые сапожник только что починил. Они хранятся в надежном месте. Пусть не беспокоится, за ночь они никуда не денутся. Они лежат на обломках корабля. Их охраняют пираты. И злющий сапожник.

Как мы вырывали Улле зуб

Однажды учительница спросила Улле:

- Почему ты все время держишь палец во рту?

Улле смутился.

- У меня зуб качается.

- Ты его выдерни, когда придешь домой, - сказала учительница. - Сейчас мы будем заниматься арифметикой, а завтра Улле покажет нам вместо зуба дырку.

Улле испугался. Он боится вырывать зубы, как бы сильно они ни качались. Я тоже боюсь, но все-таки меньше, чем Улле.

- Чепуха! Вырвать молочный зуб ни капельки не больно, - говорит мой папа.

Может быть, и не больно, но страшно. Мы получаем по десять эре за каждый зуб, который папа нам вырывает. Конечно, он вырывает только молочные зубы, но их вполне достаточно. По-моему, у человека всегда есть зубы, которые качаются. А вот Боссе совсем не боится вырывать зубы. Он привязывает к зубу шелковинку - раз, два, три! - и зуба как не бывало. Поэтому я считаю, что ему не следует платить по десять эре за зуб. Но папа все равно платит - за храбрость.

По дороге домой Улле дал нам потрогать свой зуб. Зуб очень сильно качался.

- Хочешь, я тебе его выбью и ты даже не заметишь? - предложил Боссе.

- Не хочу! - ответил Улле.

Он шел мрачный и ни с кем не разговаривал.

- Подумаешь, так раскиснуть из-за какого-то молочного зуба! - сказала я.

Когда зуб нужно вырвать другому, а не тебе, всегда не страшно.

- Я знаю, что нужно сделать! - сказал Лассе. - Дома мы привяжем к зубу нитку, а другой ее конец привяжем к изгороди. Потом я раскалю железный прут и суну тебе в нос. Ты отпрыгнешь, и зуб вылетит.

- Так я и согласился, - мрачно сказал Улле.

Ему это предложение совсем не понравилось. Но все-таки дома он привязал к зубу шелковую нитку и стал за нее дергать, чтобы зуб закачался еще сильнее. Ведь все равно он должен был его вырвать и завтра показать всем дырку. Если он этого не сделает, учительница поймет, что он струсил. А этого Улле боялся еще больше.

Анне захотелось утешить Улле, и она сказала:

- Вот увидишь, завтра учительница и не вспомнит про твой зуб!

Но все мы прекрасно знали, что учительница никогда ничего не забывает.

- У нее железная память, - часто говорит Лассе.

Вечером мы, по обыкновению, играли на дороге в лапту. Изо рта Улле болталась длинная черная нитка. Так смешно: бежит, а за ним нитка тянется. Когда Улле забывал про зуб, он начинал весело смеяться, потом вдруг мрачнел, испуганно дергал за нитку и вздыхал.

- Смотри, уже семь часов, а твой зуб все еще на месте, - сказал Лассе. - Давай раскалим прут!

Боссе заглянул Улле в рот и сказал:

- Да он у тебя еле держится!

Улле вздрогнул - еле не еле, а все равно страшно.

- Ну что вы ко мне пристали? - рассердился он. - Это мой зуб, а не ваш!

- Конечно, твой. Вот и скажи, когда ты его выдернешь, - вмешалась Бритта.

Улле подергал за нитку и ответил:

- Может быть, завтра утром! - и побежал, бедняга, домой.

Лассе сказал:

- Мне его жалко. Но я знаю, как ему помочь. Когда он уснет, я влезу к нему и выдерну ему этот зуб!

- Ничего у тебя не выйдет! - сказали мы.

- Еще как выйдет! Зубной врач Ларс Эрикссон удаляет зубы под наркозом, - ответил он с важным видом.

Тогда мы сказали, что полезем вместе с ним и посмотрим, как он будет удалять зуб под наркозом.

Мы побежали в комнату к Лассе и Боссе и стали ждать. Нам было слышно все, что делает Улле. Наконец Лассе крикнул:

- Улле, почему ты не ложишься?

- Ложись сам, если хочешь! - ответил Улле.

- А я уже лежу! - крикнул Лассе, и мы засмеялись, потому что он лежал на полу.

- Улле, ты спишь? - крикнул Боссе через несколько минут.

- Какой там спишь, вы же мне не даете! - ответил Улле.

Значит, он уже в постели!

- Улле, погаси свет! - крикнул Лассе.

- Сам погаси свет! - крикнул Улле.

Лассе так и сделал. Теперь мы ждали в темноте. Вскоре Улле тоже погасил свет.

- Кажется, я сама сейчас усну! - сказала Анна и зевнула.

Вдруг мы услышали, как Улле лезет по липе. Анна, Бритта и я спрятались в шкаф, а Лассе и Боссе легли, не раздеваясь, в постели и натянули одеяла до самого подбородка.

- Боссе, ты спишь? - Улле просунул голову в окно. - Слушай, я, может, завтра заболел и не пойду в школу. Вы меня не ждите.

- С чего это ты вдруг заболел? - спросил Лассе. - Ложись вовремя спать, и тебя никакая хворь не возьмет!

- У меня живот болит, - сказал Улле и полез обратно.

Я уверена, что живот у него заболел от страха.

Мы ждали долго-долго и чуть не уснули сами.

- Ну, теперь-то он уже наверняка спит, - сказал Лассе и полез по липе.
- Улле, ты спишь? - спросил он шепотом.
- Сплю, - ответил Улле.

Мы подождали еще немного. В конце концов Лассе заявил, что если Улле так и не уснул, значит, он по-настоящему болен и надо бежать за доктором. Мы тихонько полезли вслед за Лассе. У него был с собой фонарик. Он зажег его, и мы увидели, что Улле спит, а изо рта у него висит нитка. Мне стало так жутко, точно это мне собирались выдернуть зуб.

Лассе взялся за нитку и сказал:

Раз, два, три -
Курок возводи!
Четыре, пять -
Пора стрелять!

При слове "стрелять" Лассе дернул нитку, и мы увидели, что на ней болтается зуб. Улле даже не проснулся. Он только пробормотал во сне:

- Ой, как у меня болит живот!

Боссе хотел разбудить его, но не смог. Лассе сказал, что так даже лучше: пусть Улле думает, будто зуб ему вырвало привидение. А нитку с зубом он привязал к лампе.

Утром Улле был здоровехонек. Он стоял возле своей калитки и, как обычно, ждал нас. И улыбался во весь рот, чтобы мы сразу увидели у него во рту дырку.

- Это ты сделал? - спросил он у Лассе.

И мы рассказали Улле, как Лассе ночью вырвал ему зуб. Улле ужасно смеялся, когда узнал, что он во сне разговаривал. Всю дорогу он весело подпрыгивал и поддавал ногой камешки, которые попадались ему на пути.

- Оказывается, вырывать зубы совсем не больно! - сказал он.

- Конечно, если под наркозом! - сказал Лассе.

И мы решили теперь всегда вырывать друг другу зубы во сне. Разумеется, только молочные.

В школе Улле подошел к учительнице и сказал:

- Смотрите, я вырвал зуб!

- И вовсе не ты, а я! - проворчал Лассе, но учительница этого не слышала.

А мы и сами не знаем, что мы делаем

У нас с Анной есть одно местечко за прачечной, где распускаются самые первые фиалки. И еще у нас есть местечко, где цветет первый гусиный лук. А подснежников всюду столько, что даже в глазах рябит. Мы собираем букеты из подснежников, гусиного лука и фиалок. Стоит поднести такой букет к носу - и сразу станет ясно, что наступила весна, даже если у тебя закрыты глаза и ты ничего не видишь.

У нас с Анной много любимых местечек, где весной особенно хорошо. Одно из них в глубоком овраге. Мы даже притащили туда два деревянных ящика. На дне оврага журчит ручей, но там, где мы играем, почти сухо. Кругом растет густая черемуха, и нам кажется, будто мы сидим в зеленом зале.

А вот Бритта этого не понимает. Однажды, когда мы с Анной сидели в овраге, к нам пришла Бритта. Она просунула голову в кусты и спросила нас:

- Что вы тут делаете?

Мы с Анной переглянулись.

- А мы и сами не знаем, что мы делаем, - сказала я.

Потому, что мы действительно этого не знали. Бритта сказала, что раз люди не знают, что они делают, значит, они не делают ничего и будет лучше, если они найдут себе какое-нибудь занятие. Но мы с Анной все равно остались в овраге.

Вокруг нас рос златоцвет. И я вдруг сказала Анне, что меня зовут принцесса Златоцветка.

- А меня зовут принцесса Первоцветка, - сказала Анна.

- Это мой Зеленый дворец! <197>сказала я.

- Нет, это мой дворец! - возразила Анна.

Мы чуть не поссорились из-за дворца, но потом придумали, что принцессы

Златоцветка и Первоцветка – близнецы и живут вместе в одном дворце.

- Ах, мой Зеленый дворец! Ах, мой журчащий ручей! – сказала Анна таким голосом, каким она всегда говорит, когда мы с ней в кого-нибудь играем.

Я тоже сказала:

- Ах, мой Зеленый дворец! Ах, мой журчащий ручей!

Потом я воткнула себе в волосы ветку черемухи. Анна тоже воткнула себе в волосы ветку черемухи.

- Ах, мои белые-белые цветы! – сказала я и ждала, что Анна повторит мои слова.

Но она их не повторила, она сказала:

- Ах, мои белые-белые... кролики!

- Какие кролики? – удивилась я.

- Заколдованные, – ответила Анна.

Она сказала, что у нее в Зеленом дворце в золотой клетке живут два заколдованных белых кролика.

- Ха-ха-ха! – засмеялась я. – Нет у тебя никакой клетки!

В ту же минуту я увидела лягушку и сказала:

- Ах, моя маленькая заколдованная лягушка!

И быстро схватила ее. Ведь каждый знает, что большинство лягушек – это заколдованные принцы. Во всяком случае, так говорится в сказках. Анна, конечно, знала об этом, и ей стало завидно, что у меня есть лягушка, а у нее – нет.

- Дай мне ее подержать! – попросила она.

- Держи своих белых кроликов! – ответила я.

Но Анна так пристала ко мне, что я уступила и отдала ей лягушку.

А что, если это и вправду заколдованный принц? – сказала Анна.

- По-моему, ты одурела от черемухи, – сказала я и задумалась.

Наверно, я тоже одурела от черемухи, потому что я думала так: "Кто знает, а может, это и правда заколдованный принц? Может, в прежние времена его приняли за простую лягушку и ни одна принцесса не догадалась поцеловать его. О нем забыли, и он остался лягушкой. И с тех пор живет в этом овраге".

Я сказала об этом Анне, и представьте себе, оказалось, что она думала о том же!

- Ну ладно! – сказала я. – Раз так, придется поцеловать его, чтобы разрушить чары.

- Фу, гадость! – скривилась Анна.

Но я сказала, что если бы в прежние времена все принцессы были такие же дуры, как она, то и теперь бы в наших канавах водились заколдованные принцы.

- Но ведь мы не настоящие принцессы, – попыталась оправдаться Анна.

- Подумаешь, все равно надо попробовать, – сказала я.

- Чур, ты первая! – воскликнула Анна и протянула мне заколдованного принца.

Я взяла лягушку и посмотрела на нее. При мысли, что мне надо ее поцеловать, меня слегка затоснило. Но тут мне кое-что пришло в голову.

- Послушай Анна, – сказала я. – Если это действительно заколдованный принц, не забудь, что поймала его я.

- Ну и что? – спросила Анна.

- А то, что принц женится на принцессе и получит в приданое полкоролевства!

Анна рассердилась:

- Раз ты хочешь, чтобы я тоже целовала эту лягушку, значит, она общая! Пусть принц сам выбирает, кто из нас ему больше нравится.

И мы решили, что принц сам выберет принцессу.

Я сказала:

Раз, два, три –

Курок возводи!

Четыре, пять –

Пора стрелять! –

а потом зажмурилась и поцеловала лягушку.

- Наверно, этот принц очень сильно заколдован, – сказала Анна, когда лягушка осталась лягушкой. – Наверно, мне даже не стоит ее целовать.

- Это нечестно! – возмутилась я. – Пожалуйста, принцесса Первоцветка,

ваша очередь!

Анна взяла лягушку и быстро-быстро поцеловала. Но она так спешила, что выронила ее, и лягушка ускакала прочь.

- Растяпа! - сказала я. - Упустила заколдованного принца!

- Знаешь что, все-таки нужно быть настоящей принцессой, чтобы расколдовать такого урода! - сказала Анна.

И тут в кустах раздался хохот. Там стояли Лассе, Боссе, Улле и Бритта. Они все видели и слышали.

- Эти девочки и сами не знают, что они делают! - сказала Бритта.

А Лассе закатил глаза и воскликнул:

- Ах, мой журчащий дворец! Ах, мой белый ручей!

- Ах, мои зеленые-зеленые кролики! - подхватил Боссе.

- И лягушке досталось королевство и полпринцессы в придачу! - пропищал Улле и от смеха повалился на траву.

Тогда Анна взяла пустую банку, зачерпнула воды и плеснула в Улле.

- С ума сошла! - завопил Улле. - Что ты делаешь!

- А я и сама не знаю, что я делаю! - ответила Анна.

Шкатулка Мудрецов

Улле так дорожил своим зубом, который ему выдернул Лассе, точно это был золотой зуб, а не молочный. Он носил его в спичечном коробке и все время на него любовался.

Потом начал качаться зуб у Боссе. Раньше он сразу же вырвал бы его, но теперь потребовал, чтобы Лассе и ему вырвал зуб во сне. Перед сном он привязал к зубу длинную нитку, а конец этой нитки Лассе привязал к двери. Утром Агда пришла будить мальчиков, отворила дверь и выдернула Боссе зуб. Боссе тут же проснулся, его даже будить не пришлось.

- А мы и не знали, как надо вырывать зубы! - сказал он по дороге в школу.

Он тоже положил зуб в коробок, и они с Улле без конца сравнивали свои зубы и хвалились ими.

Лассе стало завидно, и тогда он вспомнил, что у него где-то спрятан коренной зуб, который ему в прошлом году вырвал зубной врач.

Вечером Лассе перерыл весь комод и нашел множество ценных вещей, которые считал пропавшими навсегда. В сигарной коробке лежали несколько каштанов, стреляные гильзы от охотничьего ружья, сломанная свистулька, пять сломанных оловянных солдатиков, сломанное вечное перо, сломанные часы, сломанный карманный фонарик и его коренной зуб! Зуб тоже был сломан, иначе бы Лассе его не выдернули.

Лассе посмотрел на свои сокровища и сказал, что он все их починит, когда у него будет время. Кроме зуба, конечно. Зуб он положил отдельно в спичечный коробок.

Весь вечер Лассе, Боссе и Улле гремели своими спичечными коробками и так заважничали, что даже не захотели играть с нами в лапту. Мы с Анной и Бриттой прыгали в классики и не обращали на них никакого внимания.

- Они мне уже надоели со своими зубами, - сказала Бритта. - Подумаешь сокровище, как будто у нас нет зубов!

Мальчишки подошли к нам. Они успели посекретничать в комнате у Лассе и Боссе и выглядели как заговорщики.

- Только девчонкам не говорите, что у нас есть! - предложил Лассе.

- Этого еще не хватало! - возмущился Боссе.

- Ни за что в жизни! - сказал Улле.

Мы чуть не лопнули от любопытства, но сделали вид, что нам это ни капельки не интересно.

- Анна, твоя очередь, - сказала я, и мы продолжили прыгать в классики.

Лассе, Боссе и Улле сидели на обочине и посматривали в нашу сторону.

- Ты ее надежно спрятал? - спросил Боссе.

- Можешь не сомневаться, - ответил Лассе. - Шкатулку Мудрецов спрячут только в надежное место.

- Само собой, а то девчонки найдут, и тогда все пропало, - сказал Улле.

Лассе изобразил на лице ужас.

- Ты меня не пугай! - сказал он Улле. <197_Если девчонки доберутся...

- Лизи, твоя очередь! - крикнула Бритта.

Мы прыгали и притворялись, будто ничего не слышим. Мальчишки посидели-посидели и ушли. Анна показала на них пальцем и засмеялась:

- Вон идут три мудреца, ха-ха-ха!

Мы с Бриттой тоже засмеялись. Лассе обернулся и сказал:

- Смейтесь, смейтесь! Но я бы на вашем месте плакал, а не смеялся!

Тогда мы решили отыскать Шкатулку Мудрецов, хотя и понимали, что это всего-навсего очередная выдумка Лассе.

Мальчишки пошли на луг кататься на Шведке, а мы побежали в комнату к Лассе и Боссе искать таинственную шкатулку. Мы все перерыли, но не так-то просто найти Шкатулку Мудрецов, если даже не знаешь, как она выглядит. Мы обшарили комод и полки в шкафу, заглядывали под кровати и в печку, обыскали весь чердак, но ничего не нашли.

В самый разгар поисков мы услышали, что наверх поднимаются мальчишки, и быстро спрятались за старые пальто, которые висели на чердаке.

- Давайте достанем ее, - предложил Боссе.

- Сперва надо проверить, где девочки, - сказал Лассе. - Небось у Лизи играют со своими дурацкими куклами.

- Нет, - сказал Улле. - Если бы они были у Лизи, мы бы их слышали. Они, наверно, ушли к Бритте с Анной. Доставай шкатулку!

Мы не смели шелохнуться. Я ужасно боялась чихнуть или рассмеяться. Лассе шел прямо на меня. Но вдруг он остановился, присел на корточки и вытащил что-то из-под половицы, а вот что именно, я разглядеть не успела. Анна толкнула меня в бок, а я толкнула ее.

- Мудрецы, клянись, что никогда не выдадите наш тайник! - торжественно сказал Лассе.

- А как клясться? - спросил Боссе.

Он соображает гораздо медленнее, чем мы с Лассе. Но Улле сказал:

- Клянемся, что никогда не выдадим наш тайник!

- Клянись, что никогда не отдадите неверным Шкатулку Мудрецов! - сказал Лассе.

Неверными были, конечно, мы - Бритта, Анна и я. Я снова толкнула Анну в бок. Боссе и Улле поклялись никогда не отдавать неверным Шкатулку Мудрецов.

- Ибо если неверные прикоснутся к шкатулке, она потеряет свою чудодейственную силу! - сказал Лассе.

Мне страсть как хотелось увидеть эту шкатулку, но мальчишки заслоняли ее со всех сторон. Наконец Лассе спрятал ее обратно в тайник, и они с грохотом скатились с лестницы.

Как только дверь на чердак захлопнулась, мы принялись за дело. Найти половицу было просто. Мы приподняли ее и увидели Шкатулку Мудрецов. Эта была старая сигарная коробка, в которой Лассе хранил свои сокровища. На крышке большими буквами было написано "ШКАТУЛКА МУДРЕЦОВ" и нарисован череп со скрещенными костями.

- Открывай скорей, Бритта! - попросила Анна. - Давайте посмотрим, что в ней лежит!

Бритта открыла шкатулку. Мы с Анной вытянули шеи, чтобы лучше видеть, но увидели только три белых зуба. Два маленьких и один побольше.

- По-моему, мальчишки сошли с ума, - сказала Бритта.

А я предложила их проучить и придумала, как это сделать.

У нас на чердаке стоит старый комод, в котором Агда хранит свои вещи. Мама не разрешает нам даже прикасаться к этому комоду. Но добрая Агда сама часто показывает мне все, что там лежит.

В прошлом году в Большую деревню приезжал зубной врач. Он сделал Агде новую вставную челюсть. "У красивой женщины должны быть красивые зубы!" - сказал врач. Но старую челюсть Агда не выбросила. Она хотела носить ее по будням, особенно в плохую погоду, а новую решила оставить на воскресные дни. Однако скоро ей надоели старые зубы. Ведь она была влюблена в Оскара, и ей хотелось быть красивой даже в будни.

Теперь старая челюсть Агды хранилась в верхнем ящике комода, и я знала, где она лежит.

- Давайте спрячем в Шкатулку Мудрецов старую челюсть Агды! - предложила я. - Наверно, в целой челюсти больше чудодейственной силы, чем в каких-то молочных зубах!

Анна и Бритта даже запрыгали от радости. Бритта сказала, что это гораздо лучше, чем просто стащить шкатулку. Пусть не думают, что мы верим

любой их глупости!

Мы положили вставную челюсть в Шкатулку Мудрецов и спрятали шкатулку обратно в тайник. А потом пошли посмотреть, что делают мальчики. Они играли в чижа. Мы уселись рядом и стали смотреть, как они играют.

- Какие же вы мудрецы, если играете в простого чижа? - сказала Бритта. Они промолчали. Руки у Лассе были заняты битой.

- По-моему, этого чижа следует спрятать в Шкатулку Мудрецов! - сказала я.

Они опять промолчали. Только Лассе тяжело вздохнул.

По его вздоху мы поняли, что сегодня неверные кажутся ему еще глупее, чем обычно.

- А что это за шкатулка? - спросила Анна и толкнула Лассе в бок.

Лассе ответил, что с девочками о таких вещах не говорят. Шкатулка Мудрецов обладает тайной силой и может творить чудеса.

- Она хранится в надежном месте, - сказал он и добавил, что мы никогда-никогда не узнаем, в каком. Только тайное братство, которому принадлежит шкатулка, знает это место. Шкатулка лишится своей силы, если ее увидят посторонние.

- А тайное братство - это ты, Боссе и Улле? - спросила Бритта.

Лассе замолчал, вид у него был неприступный. Мы громко засмеялись.

- Что, завидно, что не знаете, где лежит наша короб... наша Шкатулка Мудрецов? - спросил Боссе.

- А мы знаем, она у вас в шкафу! - ответила Бритта.

- Вот и неправда! - засмеялся Боссе.

- Ну, значит, она на чердаке под половицей, - сказала Анна.

- Ничего подобного! - сказали Лассе, Боссе и Улле в один голос, но очень встревожились и даже бросили играть в чижа.

- Боссе, пойдем посмотрим твою коллекцию! - предложил Лассе.

Словно мы такие дуручки и сразу поверим, что ему и вправду захотелось посмотреть птичьи яйца, которые собрал Боссе! Конечно, мы догадались, что он хочет проверить, где шкатулка. Но ведь Боссе не такой сообразительный, как мы. Он сказал:

- Вот еще, да вы ее сто раз видели!.. (Лассе так взглянул на него, что Боссе мгновенно все понял.) Ладно уж, идем, покажу, если тебе очень хочется, - буркнул он.

И они медленно пошли к дому, чтобы мы чего-нибудь не заподозрили. Когда они скрылись из виду, мы побежали к тете Лизи и сказали, что нам очень нужно взять одну вещь в комнате Улле. Она, конечно, разрешила.

Из комнаты Улле мы по липе перелезли к Лассе и Боссе, вышли на наш чердак и опять спрятались за пальто. И тут же на лестнице послышались голоса мальчишек.

- Как вы думаете, почему Анна говорила про чердак? Неужели они что-то пронюхали? - спросил Боссе.

- Чепуха! - ответил Лассе. - Ничего они не пронюхали. Просто она брякнула первое, что пришло в голову. Но шкатулку мы все-таки перепрячем.

Он поднял половицу. Нам видны были только их спины.

- Открой, я хочу посмотреть на свой зуб! - сказал Улле.

- И я тоже! - сказал Боссе.

- Мудрецы, помните, неверные не должны видеть содержимое шкатулки! - сказал Лассе. - На него можно смотреть только нам!

Наступила тишина. Мы поняли, что Лассе открывает шкатулку. А потом раздался вопль - это они увидели челюсть Агды. Тогда мы со смехом выскочили из своего укрытия, и я сказала:

- Ну вот, теперь вам на целый год хватит волшебной силы!

Лассе швырнул челюсть на пол и сказал, что девочки всегда все портят.

- Милый Лассе, пусть ваша шкатулка покажет нам хоть маленькое-премаленькое чудо! - попросила Анна.

- Смотри, ты у меня допросишься! - пригрозил Лассе.

Но в конце концов мальчишки выбросили свои зубы, и мы все вместе побежали играть в лапту.

Лассе ловит зубров

Я часто завидую Бритте и Анне по двум причинам.

Первая - это дедушка. У них есть дедушка, а у меня нет. Правда, он говорит, что раз нас всего шестеро, он может быть дедушкой нам всем. Но Анна возражает:

- А все-таки это не по-настоящему! По-настоящему ты дедушка только Бритте и мне!

А вторая причина - озеро. Кроме дедушки, у Бритты и Анны есть еще собственное озеро. Оно находится за их коровьим загоном. Летом мы всегда в нем купаемся.

Однажды, когда мы поссорились, Анна сказала, чтобы я не смела купаться в их озере. Но ее мама сказала, что я могу купаться сколько захочу. Это разрешено законом. Так что теперь Анна не может запретить мне купаться в их озере, даже если мы поссоримся. Но ссоримся мы редко.

Противоположный берег озера не годится для купания - он очень высокий. Правда, Лассе говорит, что он не такой уж высокий и что Скалистые горы в Америке гораздо выше. Мы иногда играем, будто тот берег - это Скалистые горы.

Лассе говорит, что, наверно, это какой-нибудь великан накидал там столько скал и утесов. Давным-давно, когда еще не было ни людей, ни Бюллербю. Хорошо, что нас тогда не было, а то уж и не знаю, где бы мы тогда жили. Лассе говорит, что не будь Бюллербю, мы жили бы в пещере в Скалистых горах, там как раз есть одна подходящая пещера.

Когда мы приплываем на тот берег, мы всегда высаживаемся в одном и том же месте и привязываем лодку к одной и той же сосне, а потом начинаем карабкаться вверх. Это очень трудно. Если не знаешь дороги, ни за что не вскарабкаешься.

Сперва надо лезть по расселине, которая называется Коварная Царапина. Она такая узкая, что пока по ней лезешь обязательно оцарапаешься. Но другого пути нет. Потом надо ползти по скале, которая нависает над озером. Эта скала называется Носоломка. Лассе говорит, что однажды Боссе свалился с нее и сломал себе нос. А Боссе говорит, что это неправда. То есть он, конечно, упал и чуть не сломал себе руку, но носа он никогда не ломал. Это все выдумки Лассе. Однако скала все-таки называется Носоломкой.

После Носоломки идет самое опасное место - Рука Мертвеца. Того, кто оттуда свалится, домой придется везти по частям на тачке. Так говорит Лассе. А за Рукой Мертвеца начинается скалистая терраса, на которой находится наша пещера. Мы называем ее Пещерой Грома.

Мама, наверно, никогда в жизни не видела ни Коварной Царапины, ни Носоломки, ни Руки Мертвеца, а то бы она ни за что не позволила нам лазить по Скалистым горам.

Как-то в воскресенье, еще до летних каникул, мы отправились в Скалистые горы. Мы взяли с собой корзину с едой и сказали всем родителям, что уходим на целый день.

Лассе привязал лодку к сосне, и мы стали карабкаться вверх. По дороге мы спорили, что приятнее: лазить по горам или по деревьям? В конце концов решили, что по горам все-таки приятнее. По пути мы открыли новую расселину и назвали ее Поджатое Брюхо. Когда по ней лезешь, надо поджимать живот. Вообще-то мы уже много раз лазили по этой расселине, но тогда мы еще не знали, что она называется Поджатое Брюхо.

В Пещере Грома мы решили первым делом позавтракать. Так всегда - дома есть не хочется, а только куда-нибудь уйдешь, и сразу оказывается, что ты голодный.

У нас были с собой блинчики с вареньем. Очень много, наверно, сто штук. А кроме блинчиков - молоко, бутерброды и печенье. И еще мясной рулет, который принес Улле. Шесть кусков мясного рулета, каждому по куску. Но после блинчиков с вареньем никто не захотел есть холодный мясной рулет. К тому же у нас были крендельки, которые напекла мама Бритты и Анны. Боссе ужасно любит эти крендельки, и он попросил, чтобы последний кренделек отдали ему.

Улле сидел обиженный из-за того, что мы не захотели есть его рулет, Бритте стало его жалко, и она сказала:

- Ладно, Боссе, если ты съешь весь рулет, кренделек - твой!

И Боссе снова принялся за еду, хотя был уже сыт. Первый кусок он слопал быстро. Второй - не так быстро. Третий - совсем медленно. Чтобы подбодрить его, Бритта дала ему понюхать кренделек. Боссе вздохнул и взял четвертый кусок. Он сказал.

- Уже чечвертый!
- Дурак, не чечвертый, а четвертый! - поправил его Лассе.
- Если бы так объелся, ты бы тоже забыл, как правильно, - сказал Боссе.
А Анна прыгала вокруг Боссе на одной ноге и кричала:

Раз, два, три -
Курок возводи!
Четыре, пять -
Пора стрелять!

- Сейчас у меня лопнет живот! - сказал вдруг Боссе и отказался проглотить еще хотя бы кусочек рулета.

- Все равно кренделек твой! - сказала Бритта.

Но Боссе заявил, что больше никогда в жизни не будет есть ни крендельков, ни мясных рулетов.

Потом мы пошли в пещеру. Лассе сказал, что, наверно, в каменный век тут жили люди. Представляю себе, как холодно им было зимой. Ведь между камнями большие щели и в них обязательно задувает снег.

Бритта предложила играть в людей каменного века. Лассе это понравилось. Он сказал, что они с Боссе и Улле пойдут ловить зубров, а мы с Анной и Бриттой останемся в пещере и будем следить, чтобы не погас огонь. Мальчишки всегда выбирают себе что поинтереснее.

Бритта сказала, что мы наломаем веток, подметим пещеру и украсим ее цветами.

- Делайте, что хотите, - сказал Лассе. - Пошли, ребята, нам надо ловить зубров!

Но Боссе объелся мясным рулетом, и ему было не до охоты. Он мог только лежать.

- Тогда оставайся дома, - сказал Лассе. - Если хочешь, можешь бить женщин и детей.

- Пусть только попробует! - пригрозила Бритта.

Но Боссе был не в силах шевельнуться, он лежал, пока Лассе и Улле охотились, а мы подметали пещеру.

Возвращаясь с охоты, Лассе и Улле громко выли. Это для того, чтобы мы заранее узнали, что охота прошла удачно. Мы много раз слышали, как воеет Лассе, но такого жуткого воя никто из нас еще не слышал. Лассе сказал, что это первобытный вой, именно так выли первобытные люди, когда охотились на зубров.

- Охотиться на зубров очень опасно! - сказал Лассе и похвастался, что он убил много зубров.

Но мы не видели ни одного.

Начался дождь, и мы спрятались в пещеру. Небо так потемнело, что казалось, будто погода испортилась на весь день. Но неожиданно из-за туч выглянуло солнце. Мы выбежали из пещеры и остановились в изумлении - таким красивым было озеро после дождя. Посреди озера лежал остров, а рядом с ним - большой камень, возле которого мы любим купаться.

- Поехали на остров купаться! - предложил Лассе.

Два дня назад он спросил у мамы, можно ли нам уже купаться, но мама ответила, что надо еще немного подождать.

- По-моему, мы уже достаточно подождали, - сказал Лассе.

Мы спустились к лодке и поплыли на остров.

Возле камня мы стали раздеваться наперегонки. Первым в воду удалось прыгнуть Боссе, мясной рулет у него в животе уже немного переварился.

Вода оказалась ледяная, и мы тут же выскочили на берег. И нос к носу столкнулись с бодливым бараном, которого зовут Ульрик. Ульрик поджидал нас, нагнув голову с большими изогнутыми рогами. Ульрика нельзя пускать в загон вместе с овцами. Он перепрыгивает через изгородь и бросается на любого, кто попадется ему на пути. Поэтому весной его отвозят на остров и он живет здесь в полном одиночестве. Перевозить его очень трудно. Наш папа, дядя Эрик и дядя Нильс, втроем, связывают барану ноги и относят его в лодку.

Мне всегда жаль Ульрика, когда его связывают и тащат в лодку на глазах у его жен и детей. Ведь это очень обидно. Наверно, он потому такой злой. Да и жить одному на острове тоже скучно.

- Мамочки, я совсем забыла про Ульрика! - воскликнула Анна.

Мы все забыли, что Ульрика уже перевезли на остров, и теперь страшно испугались.

В этот день Ульрик был еще злее, чем обычно. Он наклонил голову и кинулся на нас. Мы бросились врассыпную. Ему удалось боднуть Улле, так что тот кубарем покатился по берегу. Правда, Улле тут же вскочил на ноги. Боссе, Бритта и Анна забрались на высокий камень. Мы с Улле влезли на дерево, а Лассе спрятался за кустом.

Я крикнула Лассе:

- Ты говорил, что любишь охотиться на зубров! Чем Ульрик не зубр? Покажи-ка нам, как ты на них охотишься!

Анна и Бритта поддержали меня:

- Давай, Лассе! Убей этого зубра!

Но Лассе даже не ответил нам, он боялся, что Ульрик его увидит.

Сперва Ульрик стоял под деревом, где сидели мы с Улле, и бодал ствол, так что кора летела во все стороны. Не добравшись до нас, он отошел к камню, на котором сидели Боссе, Бритта и Анна. Он стоял внизу и с ненавистью смотрел на них.

- Смотри, смотри, все равно не достанешь! - сказала ему Бритта.

Ульрик не уходил, и в конце концов мы задумались: как же нам выбраться с острова? Казалось, Ульрику никогда не надоест нас караулить.

- Жалко, что у нас нет с собой мясного рулета, - сказал Боссе, и мы все почувствовали, что опять хотим есть.

- Эй ты, за кустом, заснул там, что ли? - крикнул Улле.

Лассе высунул голову и огляделся. Он решил пробраться к камню, на котором сидели Боссе, Бритта и Анна. Но этого делать не следовало. Увидев Лассе, Ульрик радостно подпрыгнул и кинулся на него. Лассе бросился наутек, а мы заорали во все горло. Нам было очень страшно. Лассе мчался среди можжевельника, а Ульрик преследовал его по пятам.

- Быстрей, Лассе! Быстрей! Спасайся! - кричала Анна.

- Я не могу быстрей! - отвечал Лассе.

Ульрик сбил Лассе с ног. Тут мы все издали такой первобытный вой, что Ульрик в страхе остановился. Лассе вскочил и побежал дальше. Ульрик снова припустил за ним, а мы завывали еще громче. Но Ульрик больше нас не боялся.

На острове есть старый сеновал. У него прохудилась крыша, и теперь им не пользуются. Двери сеновала были распахнуты. Лассе влетел внутрь, Ульрик за ним. Я заревела:

- Ой, Ульрик забодает Лассе насмерть!

Но вскоре мы увидели, как целый и невредимый Лассе вылезает через дырку на крышу. Он спрыгнул вниз и быстро запер двери сеновала. Ульрик остался внутри. Лассе раскланялся и сказал:

- Пожалуйста, зубр пойман!

А я подумала: "Хоть бы мой Понтий не вырос таким злющим, как этот Ульрик!"

Мы собрались ехать домой. Лассе велел нам сесть в лодку и быть наготове, а сам пошел к сеновалу выпускать Ульрика. Он должен был успеть открыть двери, вернуться на берег и сесть в лодку, прежде чем Ульрик сообразит, что он свободен.

- Хоть Ульрик и зол, как сто чертей, он непременно сдохнет от голода, если оставить его взаперти, - сказал Лассе.

Мы так и сделали. Мы всегда делаем все, что скажет Лассе.

Когда мы плыли по озеру, Ульрик стоял на берегу и смотрел на нас с таким видом, будто очень жалел, что мы уплываем.

- Ну как, умею я ловить зубров или нет? - спросил Лассе. - Могу еще одного поймать, если надо.

Но нам больше не хотелось охотиться на зубров. Мы очень устали и проголодались.

- Надо спросить, может, у нашей мамы тоже найдется мясной рулет, - сказал Боссе.

Чем мы занимаемся в ненастье

Однажды я проснулась в плохом настроении. День был очень противный. Хлестал дождь, дул ветер, играть на улице было нельзя. А еще я поссорилась с Бриттой и Анной. Накануне мы прыгали в классики, и Бритта с Анной сказали,

что я наступила на черту, а я на нее не наступала.

- Раз вы такие нечестные, я не желаю с вами играть! - сказала я.

- Пожалуйста, не играй, - сказала Бритта.

- Тебя никто и не просит, - сказала Анна.

И я ушла домой. А Бритта с Анной еще долго-долго играли в классики. Я стояла у окна и смотрела на них из-за занавески, чтобы они меня не заметили. И думала, что больше ни за что не буду с ними играть.

Дождь все лил и лил, мне было скучно, и я не знала, куда себя деть. Лассе и Боссе были простужены и уже три дня лежали в постели. Я пошла поболтать с ними, но они читали, и им было не до меня. Вообще-то мне хотелось пойти к Бритте и Анне, но я снова вспомнила, какие они нечестные и что я решила никогда в жизни к ним не ходить. Я спустилась к маме на кухню и сказала:

- Как скучно!

- Неужели? - удивилась мама. - А ты займись чем-нибудь.

- А чем? - спросила я.

- Испеки, например, пирог, - сказала мама.

- Я не умею.

Но мама надела на меня белый фартук, повязала мне волосы белой косынкой и стала учить меня печь пирог. Она говорила, а я делала.

Когда мама достала пирог из духовки и выложила его на чистое полотенце, я даже удивилась. Оказывается, я умею печь очень красивые пироги! Мама сказала, что надо угостить пирогом Лассе и Боссе. Я так и сделала. Они ужасно обрадовались и сперва не поверили, что я сама испекла этот пирог.

Я подумала, что хотя Бритта с Анной нечестные, их уже можно простить и пригласить ко мне есть пирог. Я написала письмо, положила его в сигарную коробку и свистнула, чтобы предупредить девочек, что я отправляю им письмо. В письме было написано: "Я сама испекла пирог. Приходите его есть!"

Через две минуты Бритта и Анна прибежали ко мне. Они тоже долго не верили, что я сама испекла пирог, но я сказала:

- Это же очень легко. Каждый человек может испечь такой пирог!

Тогда Бритте с Анной тоже захотелось испечь пирог, и они убежали домой. А мне опять стало скучно, и я снова пришла к маме.

- Мама, мне скучно! - сказала я. - Придумай, что мне еще сделать.

- Я бы на твоём месте выкрасила стол, который стоит на веранде, - сказала мама.

Как будто я умею красить столы!

Но мама развела в банке зеленую краску, дала мне старый комбинезон и показала, как надо красить. В конце концов стол у меня получился просто замечательный.

Тогда я побежала в комнату Лассе и Боссе и рассказала им, что выкрасила стол. Они вскочили с постелей и побежали смотреть. Конечно, им тоже захотелось что-нибудь выкрасить, и они сказали маме, что уже поправились. Мама дала Боссе красить старый поднос, а Лассе - табуретку. Лассе сказал, что выкрасит еще и скамью на кухне, но мама не разрешила.

Лассе начал искать, что бы еще покрасить, и мазнул Боссе кистью по носу. Боссе хотел мазнуть Лассе, но тот отскочил. Боссе побежал за ним с кистью и закапал весь пол. На шум прибежала мама. Боссе чуть не плакал от обиды. Чтобы его утешить, мама сама мазнула Лассе, а потом отняла у них краску с кистями и сказала, что им ничего нельзя поручить.

Тут Бритта с Анной принесли свой пирог. Он был тоже очень хороший, но мой все-таки чуть-чуть лучше. Мы пошли на чердак, и Боссе полез по липе, чтобы позвать Улле.

На чердаке было тепло и уютно. Дождь барабанил по крыше и журчал в водостоках. Пирог оказался очень вкусный. Но больше всего я радовалась, что мы помирились с Бриттой и Анной.

- Может, ты и правда не наступала на черту, - сказала Анна.

- А может, я все-таки немножко на нее наступила, - сказала я.

Почти под самой крышей наш чердак пересекают две балки. На них можно забраться, хотя это и трудно. Там и стояли мальчишки, когда пугали нас в новогодний вечер. Лассе предложил всем залезть туда. Мы так и сделали. Мы даже прыгали с одной балки на другую. Это было очень страшно, но весело. Вдруг к нам на чердак поднялся папа. Мы притаились на балке, и он нас не заметил.

- Нет, здесь детей нету! - крикнул он вниз маме. - Они, наверно, перелезли к Улле.

И папа спустился вниз.

Мы очень смеялись. Вдруг Лассе говорит:

- Смотрите, что это за бумага тут за стропилом? На ней что-то написано!

Мы спрыгнули с балки и подошли к окну. Лассе протянул нам бумагу, и мы прочли:

"На острове спрятан клад. Я полагал там настоящие жемчужины. Ищите в середине острова. Живший тут в прежние времена".

- Ой, как интересно! - воскликнула Анна. - А сколько ошибок!

- Это не ошибки, - сказал Лассе. - Так писали в прежние времена.

- Подумать только, настоящие жемчужины! - сказала я. - Их непременно надо найти. Тогда мы станем миллионерами!

А Бритта ничего не сказала.

- Давайте завтра отправимся на остров! - предложил Лассе.

- Решено! - в один голос сказали Боссе и Улле.

Остров в Бюллербю был только один - маленький островок, на котором весной пасся баран Ульрик.

Дождливый день оказался не таким уж и скучным. Тем более, дождь уже кончился, и мы побежали к дедушке читать газету.

Анна стала рассказывать дедушке про клад и про настоящие жемчужины, но Бритта перебила ее:

- Вот дурочки! Неужели вы не понимаете, что это очередная проделка мальчишек?

- Откуда ты знаешь? - удивились мы.

- Очень просто. Если бы эту записку действительно написал человек, который когда-то жил в Бюллербю, он бы так не подписался. Ведь для него те времена были настоящие, а не "прежние".

А мы с Анной об этом и не подумали! Но Бритта сказала, что надо притвориться, будто мы ничего не заметили, поехать искать клад и там мальчишкам отомстить.

Мы ищем клад

Наутро мы взяли лодку и поплыли на остров. Греб Лассе. Мальчишки говорили только о кладе.

- Если мы его найдем, - сказал Лассе, - мы отдадим жемчуг девчонкам. Он им больше подходит.

- Ладно уж, - согласился Боссе. - Правда, его можно продать и получить за него кучу денег, но мне все равно, пусть он будет девчонкам.

- Конечно, - сказал Улле. - Я не против!

- Что-то вы сегодня больно добрые! - удивились мы.

- Только ищите его сами, а мы с Боссе и Улле будем купаться, - сказал Лассе, когда мы приплыли на остров.

И они улеглись на камень, чтобы позагорать.

- Не забудьте, что искать надо в середине острова! - напомнил Лассе. - А если найдете, позовите нас. Мы хотим посмотреть, как вы будете открывать жестяную банку.

- Откуда ты знаешь, что жемчужины лежат в жестяной банке? - спросила Бритта. 197>_В записке об этом ничего не сказано.

Лассе немного смутился и ответил:

- Клады всегда зарывают в жестяных банках.

И мальчики стали купаться, а мы отправились на поиски.

- Я им еще припомню эту жестяную банку! - сказала Бритта.

Посреди острова есть каменная россыпь. Сверху на ней лежали несколько новых камней. Мы сразу догадались, зачем их туда положили. Под ними была спрятана ржавая жестяная банка. Мы открыли ее. В ней была записка:

"Ха-ха-ха! Девчонки - дуры, верят любой чепухе! Живший тут в прежние времена."

Вы помните, что на этом острове пасся баран Ульрик, который чуть не забодал нас? После него на острове осталось множество твердых черных орешков. Мы взяли несколько орешков, положили их в банку и написали новую записку:

"Вот вам настоящие жемчужины! Берегите их, потому что их оставил живший

тут в прежние времена!"

Потом мы спрятали банку под камни, вернулись к мальчишкам и сказали, что никак не можем найти клад.

- Теперь вы его поищите, а мы искупаемся!- сказала Бритта.

Сперва они не хотели искать без нас, но потом все-таки пошли. Наверно, решили перепрятать банку, чтобы ее было легче найти. Мы поползли вслед за ними, как настоящие индейцы.

Мальчишки подошли к россыпи, и Лассе вытащил из-под камней банку.

- Вот дурахи! Ведь она на виду лежит, - сказал он и помахал банкой.

- Там что-то гремит! - сказал Боссе.

Лассе открыл крышку и прочел вслух нашу записку. Потом он зашвырнул жестянку подальше и воскликнул:

- За это им надо отомстить!

Тогда мы с хохотом выскочили из кустов и, перебивая друг друга, стали рассказывать, что сразу догадались, что это проделки Лассе. Но Лассе сказал, что они тоже сразу догадались, что мы догадались, что это его проделки. Конечно, он врал, но мы на всякий случай сказали, что мы догадались, что они догадались, что мы догадались, что это проделки Лассе. И тогда мальчишки сказали...

Не знаю, сколько раз мы произнесли слово "догадались", но у меня закружилась голова, и больше я уже ничего не слышала.

Потом мы купались возле нашего камня и брызгали друг в друга водой.

После купания Лассе предложил играть в разбойников. Мы устроили разбойничье логово на старом сеновале, где Лассе спасался от Ульрика. Предводителем был, разумеется, Лассе. Он сказал, что он Робин Гуд. Боссе был его помощником, его звали Ринальдо Ринальди. Лассе сказал, что мы должны грабить богатых и отдавать награбленное бедным. Мы задумались, но оказалось, что мы не знаем ни одного богатого. Бедных мы тоже не знали, разве что Кристин.

По приказанию Лассе мы по очереди влезали на сосну, которая росла рядом с сеновалом, и следили, чтобы к острову не подошел вражеский флот. Чтобы влезть на сосну, сперва надо было забраться на дырявую крышу сеновала. Сосна была такая высоченная, что мы с Бриттой и Анной не решались залезть на самую верхушку. А Лассе, Боссе и Улле ничего не боялись.

Но даже с самой вершины сосны не было видно никакого вражеского флота.

Когда подошло время обеда, Лассе приказал нам с Анной переплыть на материк и награбить еды.

- Помните, грабить можно только богатых! - сказал он на прощание, и мы поплыли.

Но мы так и не знали, кого же нам грабить. Поэтому я пошла к маме и попросила разрешения награбить в кладовке разной еды, так как мы с Лассе и Боссе к обеду не вернемся. Мама, конечно, разрешила. Я взяла, ветчины, колбасы и вареной картошки. И много бутербродов с сыром. А мама дала мне горячих плюшек и большую бутылку молока.

Я побежала к Анне. Она тоже набрала полную корзину еды.

Когда мы вернулись в разбойничье логово и выложили свою добычу, Лассе похвалил нас.

- Прекрасно! - сказал он. - Надеюсь, вам пришлось грабить с опасностью для жизни?

Мы с Анной не были уверены, что нашей жизни угрожала опасность, но на всякий случай сказали, что небольшая опасность нам, конечно, угрожала.

- Прекрасно! - повторил Лассе.

Мы разложили еду на плоском камне и ели, лежа на животах. В разгар пира Боссе сказал:

- Эй, Робин Гуд! Ты же говорил, что мы должны все отдавать бедным, а сам только набиваешь себе брюхо!

- А я и есть бедный! - ответил Лассе, беря еще кусок ветчины.

Бутылка с молоком ходила по кругу, и каждый пил сколько хотел.

День выдался на славу. Мы много купались, лазили по деревьям и воевали, разделившись на две шайки. Мы с Анной и Бриттой были в одной шайке, а мальчишки - в другой. Наша шайка заняла сеновал и охраняла его от мальчишек. Бритта стояла на страже в дверях. Анна выглядывала в окно. А мой наблюдательный пост был на дырявой крыше. Но мне было трудно долго сидеть на крыше, я спустилась вниз и заняла пост рядом с Анной. Мальчишки, конечно,

воспользовались этим, залезли по задней стене сеновала на крышу и оттуда прыгнули вниз. Они взяли нас в плен и хотели расстрелять, но не успели. Лассе крикнул:

- Вражеский флот подходит к берегу!

Это был Оскар, которого мама послала за нами на остров. Он сказал, что уже девять часов, и спросил, неужели мы такие глупые, что сами не знаем, когда нужно возвращаться домой.

- Неужели вам даже есть не захотелось? - сердито спросил он.

И мы почувствовали, что нам действительно хочется есть. Папа и мама уже давно поужинали, но нас в кухне ждали молоко, бутерброды и яйца.

Иванов день

А теперь я расскажу вам, как мы праздновали день Ивана Купалы, первый летний праздник. На лугу был установлен высокий купальский шест. Его наряжали сообща все жители Бюллербю. Сперва мы поехали на телеге далеко в лес и нарезали там много-много веток. Даже Черстин ездила с нами. Улле дал ей в руки веточку, и она размахивала ею, а Улле пел старинную песню.

В золотой коляске
По дороге тряской
Едет крошка Черстин.
Держит кнутик золотой,
Всем кивает головой
Наша крошка Черстин.

Вообще-то пели мы все, каждый свое. Агда пела такую песню.

Настало лето,
Сверкает солнце
И пахнут цветы на лугу!

А Лассе пел так:

Настало лето,
Сверкает солнце
И пахнет навоз на лугу!

И он был прав. На лугу в самом деле пахло навозом, но ведь петь об этом не обязательно.

Потом мы с Бриттой, Анной и Агдой наломали сирени, что растет за нашим дровяным сараем, и отнесли ее на луг. Там уже был приготовлен шест. Мы обвили его ветками и повесили на него два больших венка сирени.

Шест установили на лугу, и вечером все танцевали вокруг него. Дядя Эрик замечательно играет на гармошке. Он играл разные танцы, а мы танцевали. Все, кроме дедушки и Черстин. Дедушка сидел на стуле и слушал музыку. Сперва он держал Черстин на коленях, но она дергала его за бороду, и потому дядя Нильс посадил ее к себе на плечи и стал танцевать вместе с ней. А дедушка не мог танцевать, но мне показалось, что он не очень оторчился из-за этого. Он только сказал:

- О-хо-хо! А ведь когда-то и я танцевал вокруг купальского шеста!

А после танцев мы играли в горелки и разные другие игры. Нам очень нравится играть вместе с папами и мамами, но они играют с нами только в Иванов день.

В этот вечер нам разрешили лечь спать попозже. Агда сказала, что перед сном надо девять раз перелезть через изгородь и положить себе под подушку девять разных цветков, и тогда тебе приснится жених.

Нам с Бриттой и Анной очень захотелось увидеть во сне женихов, хотя мы и так уже знали, кто за кого выйдет замуж. Я должна была выйти замуж за Улле, а Бритта с Анной за Лассе и Боссе.

- Ты хочешь лазить через изгородь? - спросил Лассе у Бритты. - Лазай себе на здоровье, но предупреждаю, я на тебе не женюсь, даже если ты увидишь меня во сне. Я не верю в приметы!

- Надеюсь, что я им не приснюсь! - сказал Боссе.

- Я тоже, - сказал Улле.

Вот дураки, не хотят жениться на нас!

Агда предупредила, что лазить через изгородь надо молча, нельзя ни смеяться, ни разговаривать.

- Тогда Лизи лучше сразу лечь спать! - сказал Лассе.

- Это еще почему? - возмутилась я.

- Потому что дольше двух минут ты молчала, только когда болела свинкой. А за две минуты девять раз через изгородь не перелезть.

Мы махнули на мальчишек рукой и полезли через изгородь.

Сразу за изгородью начинается густой лес. Ночью в лесу всегда таинственно, даже если эта ночь совсем светлая. И тихо, потому что птицы уже спят. И сладко пахнет деревьями и цветами. Мы в первый же раз, как перелезли, собрали по девять разных цветочков.

Вы, наверно, замечали, что смеяться больше всего хочется, когда нельзя. Нам стало смешно, как только мы влезли на изгородь. А мальчишки еще и нарочно смешили нас.

- Анна, смотри, вляпаешься в навоз! - сказал Боссе.

- Откуда тут... - начала Анна и вспомнила, что говорить тоже нельзя.

Мы тихонько захихикали, а мальчишки засмеялись во все горло.

- Ха-ха-ха! Нам можно смеяться, а вам нельзя! - сказал Лассе. - А то ваше гадание не будет считаться!

Мы захихикали сильнее. Мальчишки бегали вокруг и щекотали нас, что рассмешить еще пуще.

- Убе-либу-бели-мук! - крикнул Лассе.

Тут уж мы не выдержали, хотя это было ни капли не смешно. Я сунула в рот носовой платок, но смех вырвался из меня тонким писком. И самое удивительное, что нам расхотелось смеяться, как только мы в последний раз перелезли через изгородь. Мы очень рассердились на мальчишек, что они испортили нам гадание.

Однако цветы под подушку я все-таки положила. Там были лютик, незабудка, подмаренник, колокольчик, ромашка, камнеломка, солнцезвет и еще два цветочка, названия которых я не знаю. Но никакой жених мне не приснился. Наверно, потому что мальчишки нас рассмешили.

А замуж за Улле я все равно выйду!

Мы с Анной решаем стать нянями... Но это еще не точно

Однажды пастор из Большой деревни устроил праздник в честь своего дня рождения и пригласил на него всех жителей Бюллербю. Кроме детей, конечно. Только взрослых. И дедушку. Тетя Лизи очень расстроилась. Она думала, что не сможет поехать из-за Черстин. Ведь Черстин всего полтора года, и ее еще нельзя оставлять одну. Но мы с Анной сказали, что охотно понянчим Черстин, потому что решили стать нянями, и чем раньше мы начнем упражняться, тем лучше.

- А вам обязательно упражняться на моей сестре? - недовольно спросил Улле.

Он и сам был бы не прочь понянчиться с Черстин, но ему в тот день предстояло доить коров и кормить кур и свиней.

Тетя Лизи, конечно, обрадовалась, а мы еще больше. Я ущипнула Анну за руку и сказала:

- Как хорошо, правда?

А Анна ущипнула меня и сказала:

- Скорей бы они уехали!

Но взрослые копаются очень долго, когда надо ехать в гости. Все, кроме дедушки. Дедушка был готов уже в шесть утра, хотя они собирались выехать не раньше десяти. Дедушка надел свой черный костюм и красивую рубашку. И как только дядя Эрик запряг лошадь, дедушка сел в коляску, хотя тетя Грета еще надевала свое самое нарядное платье.

- Дедушка, ты любишь ездить в гости? - спросила Анна.

Дедушка ответил, что любит, но мне показалось, что не очень, так как он вздохнул и добавил:

- О-хо-хо! Что-то уж очень часто приходится ездить в гости!

Тогда дядя Эрик сказал, что последний раз дедушка ездил в гости пять лет тому назад, ему грех жаловаться.

Наконец папа, дядя Эрик и дядя Нильс тронули лошадей и взрослые уехали. Тетя Лизи сказала, что чем дольше мы будем гулять с Черстин, тем лучше она будет себя вести. В полдень мы накормим ее обедом, который надо всего лишь разогреть, а потом уложим спать.

- Ой, как интересно! - воскликнула Анна.

- Да, - сказала я. - Я решила, что стану няней, когда вырасту, это уже точно!

- Я тоже, - сказала Анна. - Ведь ухаживать за детьми очень просто. Если говорить с ними спокойно и ласково, они будут тебя слушаться. Я читала в газете.

- Само собой разумеется, что с детьми надо говорить спокойно и ласково, - согласилась я.

- Я читала, что есть люди, которые кричат на детей. Но тогда дети становятся непослушными, - сказала Анна.

- Кто же станет кричать на такую крошку? - сказала я и пощекотала Черстин за пятку.

Черстин сидела на одеяле, разостланном на траве, и смеялась. Она очень хорошенькая. У нее выпуклый лобик и голубые глазки. И уже восемь зубов - четыре сверху и четыре снизу. Они похожи на рисовые зернышки. Говорить Черстин еще не умеет. Она говорит только "Эй! Эй!". Но, может быть, каждый раз это означает что-нибудь другое, мы не знаем.

У Черстин есть коляска, на которой ее катают. Анна предложила:

- Давай ее покаатаем!

Я согласилась.

- Идем, моя деточка, идем, моя Черстин, - сказала Анна и стала сажать Черстин в коляску. - Черстин поедет гулять!

Анна говорила очень спокойно и ласково, как и следует разговаривать с маленькими детьми.

- Садись, вот так тебе будет хорошо!

Но Черстин не захотела садиться. Ей хотелось стоять, она прыгала и говорила: "Эй! Эй!" Мы испугались, что она упадет.

- По-моему, ее надо привязать, - сказала я.

Мы взяли толстую веревку и привязали Черстин к коляске. Когда Черстин обнаружила, что не может встать, она заревела на всю округу. Из хлева примчался Улле.

- Что вы делаете? Зачем вы ее бьете? - закричал он.

- Ты с ума сошел! Никто ее не бьет! - сказала я. - Если хочешь знать, мы разговариваем с ней спокойно и ласково.

- Смотрите у меня! - пригрозил Улле. - Пусть делает что хочет, тогда она не будет плакать.

Конечно, Улле лучше знал, как надо обращаться с Черстин. Все-таки это была его сестренка. Поэтому мы разрешили ей стоять. Я тащила коляску, а Анна бежала рядом и поддерживала Черстин, чтобы она не упала. Так мы доехали до канавы. Черстин увидела канаву и вылезла из коляски.

- Подожди, давай посмотрим, что она хочет, - сказала Анна.

И мы стали смотреть. Почему-то считается, будто маленькие дети не умеет быстро бегать. Это ошибка. Маленький ребенок, если захочет, может бежать быстрее зайца. По крайней мере, наша Черстин. Мы и глазом не успели моргнуть, как она оказалась возле канавы. Там она споткнулась и упала головой в воду. И хотя Улле сказал нам, чтобы мы разрешали Черстин делать все, что угодно, даже лежать в канаве, мы ее оттуда вытащили. Она была вся мокрая, громко плакала и сердито смотрела на нас, точно мы были виноваты, что она свалилась в канаву. Но мы по-прежнему разговаривали с ней спокойно и ласково, посадили ее в коляску и повезли домой переодеваться. Она громко плакала. Улле ужасно рассердился, когда увидел мокрую Черстин.

- Что вы с ней сделали?! - заорал он. - Вы хотели ее утопить?

Тогда Анна сказала, что он должен быть терпеливым и разговаривать с нами спокойно и ласково, потому мы тоже еще дети, хотя и большие.

А Черстин подошла к Улле, обхватила его ноги и рыдала так безутешно, будто мы с Анной и вправду хотели ее утопить.

Улле помог нам найти для Черстин чистое платье и снова убежал в хлев.

- Посадите есначала на горшок, а потом переоденьте, - сказал он перед уходом.

Хотела бы я знать, попробовал ли он сам хоть раз посадить Черстин на

горшок. Было бы интересно посмотреть, как это у него получится. Мы с Анной старались изо всех сил, но у нас ничего не получилось. Черстин сделалась негнушащаяся, как палка, и орала во все горло.

- Вот глупый ребенок! - воскликнула я, но тут же вспомнила, что так нельзя разговаривать с маленькими детьми.

Поскольку нам не удалось посадить Черстин на горшок, мы начали ее переодевать. Я держала ее на руках, а Анна натягивала на нее сухое белье. Черстин извивалась, как угорь, и громко плакала. На это у нас ушло полчаса. После переодевания мы с Анной сели отдохнуть. Пока мы отдыхали, Черстин перестала плакать, залезла под кухонный стол и пустила там лужу. Потом она вылезла оттуда и сдернула со стола клеенку с чашками. Чашки, конечно, разбились.

- Противная девчонка! - сказала Анна как можно спокойней и ласковей.

Она вытерла лужу и собрала осколки, а я сняла с Черстин мокрые штанишки. Пока я искала чистые штанишки, Черстин убежала на улицу. Мы догнали ее возле хлева. Улле высунул голову и закричал:

- Вы что спятили? Почему вы позволяете ей ходить без штанов?

- А мы и не позволяем! - ответила Анна. - Если хочешь знать, она у нас разрешения не спрашивала.

Мы втащили Черстин в дом и надели на нее сухие штанишки, несмотря на то, что она все время извивалась и орала.

- Пожалуйста... будь... пайнкой... - говорила Анна почти спокойно и ласково.

Мы надели на Черстин самое нарядное платьице, потому что другого не нашли. Оно было очень хорошенькое, со складочками и оборочками.

- Смотри не запачкай платьице! - сказала я Черстин, хотя она явно не понимала, что ей говорят.

Она тут же подбежала к печке и выпачкалась в золе. Мы отряхнули золу, но платьице стало уже не таким белым. Черстин очень смеялась, пока мы ее чистили. Она думала, что мы с ней играем.

- Двенадцать часов! - вдруг сказала Анна. - Пора ее кормить.

Мы разогрели шпинат, который стоял в кастрюльке на плите, потом я посадила Черстин на колени, и Анна начала ее кормить. Черстин сама широко-широко раскрывала рот. Анна сказала:

- А все-таки она очень хорошая девочка!

В ответ на это Черстин так толкнула ложку, что шпинат полетел мне прямо в глаза. Анна от смеха чуть не выронила тарелку. Я даже немного обиделась на нее. Черстин тоже смеялась, хотя она, конечно, не понимала над чем смеется Анна. Она-то считала, что так и надо, чтобы шпинат попадал людям в глаза.

Когда Черстин наелась, она стиснула зубы и стала отталкивать ложку. Остатки шпината вылились ей на платьице. Потом она пила компот. Теперь нарядное платьице Черстин было не узнать - из белого оно стало пестрым.

- Как хорошо, что после обеда она будет спать! - сказала Анна.

- Да, очень, - вздохнула я.

С большим трудом мы снова раздели Черстин и натянули на нее ночную рубашечку. На это ушли наши последние силы.

- Если кому и нужно сейчас поспать, так это нам, - сказала я Анне.

Мы уложили Черстин в кроватку, которая стояла в комнате рядом с кухней, и вышли, притворив за собой дверь. Черстин начала плакать. Сперва мы делали вид, что ничего не слышим, но она плакала все громче и громче. Наконец Анна просунула голову в дверь и крикнула:

- Сейчас же замолчи, противная девчонка!

Всем известно, что с детьми надо говорить спокойно и ласково, но иногда это не получается. Хотя, конечно, газеты правы - дети становятся несносными, если на них кричат. Во всяком случае, наша Черстин. Она просто зашлась от визга. Мы побежали к ней. Она обрадовалась и стала прыгать в кроватке.

Мы снова уложили ее и попытались завернуть в одеяло. Черстин мигом его скинула. Когда она скинула одеяло в десятый раз, мы перестали ее заворачивать, а сказали спокойно и ласково:

- Надо спать, Черстин! - и вышли из комнаты.

Черстин завопила благим матом.

- Пусть себе кричит, - сказала Анна. - Я больше не пойду к ней.

Мы сели за кухонный стол и попытались разговаривать. Но у нас ничего не получилось, потому что Черстин кричала все громче и громче. От ее крика нас

прошибал холодный пот. Иногда она на несколько секунд замолкала, словно собиралась с силами.

- Может, у нее что-нибудь болит? - испугалась я.

- Наверно, у нее болит живот! - сказала Анна. - Вдруг это аппендицит?

Мы опять побежали к Черстин. Она стояла в кровати, и глаза у нее были полна слез. Увидев нас, она запрыгала и засмеялась.

- Ничего у нее не болит! - сердито сказала Анна. - Ни живот, ни голова! Идем!

Мы закрыли дверь, уселись за стол, и от крика Черстин нас снова начал прошибать холодный пот. Но неожиданно в комнате Черстин воцарилась тишина.

- Ой, как хорошо! - сказала я. - Наконец-то она уснула.

Мы вытащили лото и стали играть

- Детей нужно всегда держать в постели, хоть будешь знать, где они, - сказала Анна.

В ту же минуту мы услышали какие-то подозрительные звуки.

- Ну, это уж слишком! - воскликнула я. - Неужели она еще не спит?

Мы подкрались к двери и заглянули в замочную скважину. Кроватьку мы увидели, но Черстин в ней не было. Мы влетели в комнату.

Угадайте, где мы нашли Черстин? Она сидела в камине, который был недавно вычищен и побелен. Но после того как в него забралась Черстин, он был уже не белый, а черный. В руках у нее была банка с гуталином. Черстин вымазалась гуталином с головы до ног. Волосы, лицо, руки и ноги у нее были черные, как у негра. Наверно, дядя Нильс забыл перед отъездом закрыть банку.

- А что пишут в газетах, бить детей можно? - спросила я.

- Не помню, - ответила Анна. - Мне уже наплевать, как надо обращаться с детьми.

Черстин вылезла из камина, подошла к нам и хотела погладить Анну. Анна заорала во все горло:

- Не смей меня трогать, негодница!

Но Черстин не желала слушаться. Она стала хватать Анну руками. И хотя Анна пыталась увернуться, лицо у нее оказалось все-таки оказалось в гуталине. Я засмеялась так же, как смеялась Анна, когда мне в глаза попал шпинат.

- Тетя Лизи подумает, что мы променяли Черстин на негретенка, - сказала я, вдоволь насмеявшись.

Мы не знали, как лучше смыть гуталин с Черстин, и решили спросить у Бритты. Так как Анна все равно уже была грязная, она осталась с Черстин, а я побежала к Бритте, которая была простужена и лежала в постели. Когда я рассказала Бритте, что случилось, она сказала:

- Ду и дяди!

Она хотела сказать "Ну и няни!", но из-за насморка у нее получилось "Ду и дяди!". Потом Бритта отвернулась к стене и сказала, что она больна и не обязана знать, как смывают гуталин.

Тем временем Улле пришел из хлева и страшно разозлился, когда увидел черную Черстин.

- Вы что, с ума сошли? - закричал он. - Зачем вы ее выкрасили в черный цвет?

Мы пытались ему объяснить, что мы ее не красили, он нас и слушать не хотел. Он сказал, что нужно издать закон, который запрещал бы таким, как мы, ухаживать за детьми. И еще он сказал, чтобы впредь мы упражнялись на каком-нибудь другом ребенке.

Но все-таки мы втроем согрели котел воды и вынесли его на лужайку. Потом мы вывели туда Черстин. От ее ножек на полу остались маленькие черные следы. Мы посадили Черстин в лохань и намылили ее с головы до ног. И мыло, конечно, попало ей в глаза. Тут же Черстин завизжала так, что даже Лассе и Боссе прибежали узнать, не режем ли мы поросенка.

- Нет, - сказал Улле. - Это Лизи с Анной упражняются на нашей Черстин.

Добела Черстин так и не отмылась. Когда мы ее вытерли, она была все серенькая. Но ей было весело. Серая Черстин бегала по лужайке, кричала "Эй! Эй!" и смеялась так, что были видны все ее зубки-рисинки. А Улле с умилением смотрел на нее.

Мы решили, что со временем гуталин сотрется с Черстин и она снова станет розовой. Но Лассе сказал, что это будет только к зиме.

После купания Улле сам уложил Черстин спать. Представьте себе, она даже

не пискнула, а засунула палец в рот и тут же уснула.

- Учитесь, как надо обращаться с детьми! - гордо сказал Улле и ушел кормить поросят.

А мы с Анной сели на крылечко отдохнуть.

- Бедная тетя Лизи, ведь она каждый день так мучается, - сказала я.

- А по-моему, в газетах пишут неправду, - сказала Анна. - Маленьким детям безразлично, как с ними разговаривают. Они все равно делают что хотят. Мы помолчали.

- Анна, а ты станешь няней, когда вырастешь? - спросила я.

- Может быть, - ответила Анна, подумав, потом посмотрела на крышу сеновала и добавила: - Но это еще не точно.

Вишневое акционерное общество

У нас Бюллербю много вишневых деревьев. И у нас в саду, и у Бритты с Анной. А вот у Улле их нет, по крайней таких, о которых стоило бы говорить. Зато у него есть одна груша, она поспевает уже в августе, и еще две сливы с очень вкусными желтыми плодами.

А у дедушки под окном растет огромная черешня. Наверно, это самая большая черешня в мире. Мы зовем ее Дедушкина Черешня. Ветви Дедушкиной Черешни свисают до самой земли. Каждый год она усыпана крупными сочными ягодами. Дедушка разрешает нам есть черешню сколько влезет. Он только просит не рвать ягоды с самых нижних веток. Это ягоды Черстин. Дедушка хочет, чтобы Черстин могла сама рвать себе черешню. Черстин так и делает, но Улле все равно приходится следить, чтобы она не проглотила косточку.

Мы никогда не трогаем ягод Черстин. Ведь нам ничего не стоит влезть на дерево. Там столько удобных веток, на которых можно сидеть и обедаться черешней, пока у тебя не заболит живот. Каждый год, когда поспевают черешня, у нас у всех немного болят животы. Но к тому времени, когда поспевают сливы, они уже проходят.

У Лассе, Боссе и у меня есть по собственному вишневому дереву.

Мама сушит вишню на зиму. Она насыпает ее на противни и ставит их в духовку. Вишня высыхает и сморщивается. Такую вишню можно хранить всю зиму и делать из нее компот.

В этом году у нас был невиданный урожай вишни. Наши деревья были сплошь усыпаны ягодами. Мы никак не могли съесть их, хотя Бритта, Анна и Улле честно помогали нам. Лассе тоже решил посушить вишню. Он насыпал полный противень, задвинул его в духовку, а сам убежал купаться. Конечно, его вишня сторела.

Вечером мы сидели у дедушки и читали ему газету. Там было написано, что в Стокгольме банка вишни стоит две кроны. Лассе ужасно сокрушался, что его дерево растет не в Стокгольме.

- Я бы стал на перекрестке и торговал вишней, - сказала он. - И сделался бы такой же богатый, как король.

Мы попробовали подсчитать, сколько денег мы могли бы получить, если б наши деревья росли в Стокгольме. Получилось жутко много.

- А если бы наше озеро было в Сахаре, я могла бы продавать там пресную воду. Вот бы я разбогатела! - засмеялась Бритта.

Наверно, Лассе всю ночь думал о вишне, потому что утром он объявил, что намерен открыть продажу вишни на шоссе за Большой деревней. Там с утра до вечера ездят автомобили.

- Кто знает, может, туда занесет каких-нибудь стокгольмцев, - сказал он.

Нам с Боссе тоже захотелось продавать вишню, и тогда мы втроем создали Вишневое акционерное общество. Мы приняли в него также Бритту, Анну и Улле, хотя у них не было своих деревьев. За это они обещали помочь нам собрать нашу вишню.

На другой день мы проснулись в пять часов и побежали в сад. К восьми мы наполнили три большие корзины. Потом мы хорошенько наелись каши, чтобы у нас надолго хватило сил, и отправились в Большую деревню. Там мы зашли в лавку к дяде Эмилю и купили много-много бумажных пакетов. Деньги на пакеты мы взяли у Боссе из копилки.

- Зачем вам столько пакетов? - поинтересовался дядя Эмиль.

- Мы будем продавать на шоссе вишню, - ответил Лассе. Наши корзины

стояли на крыльце, их охранял Улле.

- Страсть как люблю вишню! - сказал дядя Эмиль. - Продайте и мне немного.

Лассе принес одну корзину, и дядя Эмиль отмерил себе две банки. Он заплатил нам по кроне за банку и сказал, что столько стоит вишня в наших краях. Мы тут же вернули Боссе деньги, которые взяли у него из копилки, и у нас даже еще осталось.

Как всегда, дядя Эмиль угостил нас леденцами. Когда Улле через стеклянную дверь увидел леденцы, он бросил свой пост и влетел в лавку, точно за ним гнались собаки. Дядя Эмиль угостил и его, и Улле так же быстро убежал обратно.

Шоссе проходит совсем близко от Большой деревни. Осенью и зимой по нему ездят почти одни грузовики. Зато летом там полно всяких машин, потому что дорога очень красивая.

- Как же они увидят, что дорога красивая, если гонят как сумасшедшие! - сказал Лассе, когда мимо промчалась первая машина.

Мы принесли с собой плакат, на котором крупными буквами написали "ВИШНЯ". И каждый раз, когда появлялась машина, мы высоко поднимали его. Но ни одна машина не остановилась. Лассе сказал, что, наверно, этим людям показалось, будто тут написано не "ВИШНЯ", а "ВЫ ШЛЯПЫ", они обиделись и проехали мимо.

Вскоре Лассе рассердился не на шутку.

- Сейчас я их проучу! - сказал он и, когда вдали показалась очередная машина, выскочил с нашим плакатом на самую середину шоссе. Его чуть не задавило, но машина все-таки остановилась.

Из нее вылез злющий дядька, схватил Лассе за руку и сказал, что его следует высечь.

- Смотри не вздумай проделать это еще раз! - пригрозил он.

Лассе обещал не высказывать больше на дорогу, и тогда злой дяденька подобрел и купил у нас банку вишни.

На шоссе было ужасно пыльно. Хорошо, что мы догадались прикрыть корзины бумагой. Но прикрыть себя нам было нечем. Каждая машина поднимала густое облако пыли, и вся пыль садилась на нас. Это было очень противно.

- Фу, как пыльно! - сказала я.

Лассе спросил, почему я сказала "Фу, как пыльно!", а не "Фу, как светит солнце!" или "Фу, как щебечут птицы!"? Кто постановил считать пыль противной, а солнце - приятным? И мы решили отныне считать пыль приятной. Когда нас опять окутало пылью, так что мы едва различали друг друга, Лассе сказал:

- Какая приятная пыль!

И Бритта сказала:

- Да, здесь очень хорошо пылит!

И Боссе сказал:

- А по-моему, здесь еще маловато пыли!

Но он ошибся. Вдали показался большой грузовик, за которым тянулась целая туча пыли. Она окутала нас со всех сторон. Анна подняла руки и воскликнула:

- Волшебная пыль!.. - Тут она закашлялась и умолкла.

Когда пыль улеглась, мы оказались такими грязными, что даже не узнали друг друга. Бритта высморкалась и показала нам платок. Он был черный. Мы тоже стали сморкаться, и платки у всех были одинаково черные. Только Улле не мог высморкаться, потому что у него не было носового платка, но Боссе дал ему свой. Правда, Бритта сказала, что это не считается, потому что платок у Боссе был черный и до того, как они стали в него сморкаться.

- Ну тебя! - сказал Боссе. - На тебя не угодишь!

И хотя на шоссе так хорошо пылило, нам все-таки было обидно, что машины не останавливаются. Наконец Лассе сообразил, что просто мы выбрали неудачное место. Здесь машины несутся на самой большой скорости, и им трудно остановиться.

- Давайте станем на повороте, где они едут потише, - сказал Лассе.

Мы так и сделали. Мы даже выбрали место, где дорога делает сразу два поворота, один за другим. И еще мы решили взяться за руки и поднять руки вверх, чтобы нас скорей заметили.

- Вот увидите, это поможет! - сказал Лассе.

Так и было. Теперь почти все машины останавливались возле нас. В первой сидели папа, мама и четверо детей. И все дети кричали, что им очень хочется вишни. Их папа купил три банки, а мама сказала:

- Как вы удачно придумали! Нам так хотелось пить.

Им понравилась моя вишня, не очень крупная, но почти черная и сладкая-пресладкая. Их папа сказал, что они едут далеко, в чужую страну. Мне показалось удивительным, что моя вишня поедет в чужую страну, а я сама останусь в Бюллербю. Но Лассе сказал:

- Выдумала, в чужую страну! Да они ее съедят через несколько километров!

Но я сказала, что моя вишня все равно попадет за границу, хотя бы у них в животах.

Торговля у нас шла полным ходом. Один дяденька купил почти целую корзину! Это была вишня Боссе. Дяденька сказал, что из этой вишни его жена приготовит вишневый компот, который он очень любит.

- Ах, как удивительно! - передразнил меня Боссе. - Из моей вишни приготовят вишневый компот, а из меня никто не приготовит вишневого компота!

Наконец мы распродали все ягоды. В сигарной коробке, которую мы взяли, чтобы складывать деньги, лежало тридцать крон. Это была Шкатулка Мудрецов, теперь она оправдала свое название. Мы разделили деньги поровну, каждый получил по пять крон.

- Ну, раз у вас больше не осталось вишни, можете есть ее у нас сколько захотите, - сказала Бритта.

- А я дам вам слив, когда они поспеют, - сказал Улле.

Все было по справедливости.

В Большой деревне мы зашли в кондитерскую и закусили пирожными с лимонадом. Ведь теперь у нас были деньги. Мое пирожное было украшено зелеными марципановыми листочками.

Когда мы вернулись домой, мама всплеснула руками и сказала, что в жизни не видела такого грязного акционерного общества. Она велела нам как следует вымыться. Тут за нами прибежала Анна.

- Идемте к нам, у нас баня истоплена! - позвала она.

У них есть настоящая финская баня, в которой можно париться. Она стоит на берегу озера. Мы взяли чистое белье и побежали в баню. Мы смыли с себя всю волшебную пыль, и вода у всех была одинаково грязная. Потом мы полезли на пол'ок париться и, пока парились, решили, что, когда подойдет срок, создадим еще и Сливовое акционерное общество.

На полк'е была такая жарница, что у нас чуть кожа не полопалась. Мы выбежали из бани и плюхнулись в озеро. Это было так здорово! Мы долго брызгались, плавали и ныряли, теперь даже в волосах ни у кого не осталось ни одной изумительной пылинки.

День выдался жаркий-прежаркий. Мы уселись на берегу, и Лассе сказал:

- Фу, как светит солнце!

- Фу, как щебечут птицы! - сказал Улле и засмеялся.

Мы с Анной доставляем людям радость

Однажды учительница сказала нам, что мы должны стараться доставлять людям радость.

- Никогда не делайте того, что может кого-нибудь огорчить, - сказала она.

Вечером того же дня нам с Анной пришло в голову, что надо не откладывая начать доставлять людям радость. Но мы не знали, кого выбрать первым. В конце концов мы решили начать с Агды и побежали на кухню. Агда мыла пол.

- Не ходите по мокрому полу! - сказала она.

- Агда! - обратилась я к ней. - Мы хотим доставить тебе радость. Скажи, что нам для тебя сделать?

- Уйти из кухни! - сказала Агда. - Большой радости вы не сможете мне доставить.

Мы, конечно, ушли. Но кому же приятно доставлять людям радость таким образом? Учительница наверняка имела в виду что-нибудь другое.

Мама собирала в саду яблоки, я подошла к ней.

- Mamochka, что сделать, чтобы доставить тебе радость? - спросила я.

- А ты уже и так доставила мне радость, - ответила мама.

- Нет, так не считается. Я хочу что-нибудь сделать!

- Не надо ничего делать, - сказала мама. - Будь доброй и хорошей девочкой. Этого довольно.

Я вернулась к Анне и сказала ей, что учительница, наверно, не знает, как трудно найти человека, которому можно доставить радость.

- Давай попробуем доставить радость дедушке, - предложила Анна.

И мы побежали к дедушке.

- Мои подружки пожаловали! - сказал дедушка. - Вот так радость!

Нам стало досадно.

- Нет, дедушка, - сказала Анна. - Ты рано радуешься. Сперва мы должны что-нибудь для тебя сделать. Учительница велела нам доставлять людям радость, но мы не знаем, как это делается.

- Ну, если хотите, почитайте мне газету, - предложил дедушка.

Так ведь мы и без того каждый день читаем дедушке газету! Нет, это не годилось. Анна сказала:

- Дедушка, а может, тебе будет приятно погулять с нами? Ты же все время сидишь дома!

Дедушка не очень обрадовался, но гулять с нами все-таки пошел. Мы обошли весь Бюллербю и рассказывали ему обо всем, что попадалось нам на глаза. Он шел в серединке, а мы держали его за руки. Поднялся ветер, стал накрапывать дождь, но мы не обращали на это внимания, потому что решили во что бы то ни стало доставить дедушке радость.

Наконец дедушка сказал:

- Может, мы уже нагулялись? Мне бы хотелось пойти и лечь в постель.

Мы ответили дедушке домой, и он сразу же лег, хотя было еще совсем рано. Анна подоткнула вокруг него одеяло. Дедушка выглядел очень усталым. Анна спросила:

- Ну, дедушка, что тебя сегодня обрадовало больше всего?

- Да, пожалуй, самое приятное было вернуться домой и лечь в постель, - ответил дедушка.

После ужина мы с Анной сели учить уроки, и нам было уже некогда доставлять людям радость. К тому же мы не были уверены, что доставляем ее именно так, как нужно.

На другой день мы спросили у учительницы, что надо сделать, чтобы доставить человеку радость. Она сказала, что иногда для этого достаточно сущего пустяка. Можно, например, спеть песенку одинокому и больному человеку или подарить букет цветов тому, кто никогда в жизни их не получал, или дружески поболтать с очень застенчивым человеком.

И мы решили попытаться еще раз. За обедом я услышала, как Агда сказала маме, что Кристин лежит больная. Я побежала к Анне.

- Нам повезло! - сказала я. - Заболела Кристин, бежим, споем ей.

Кристин, конечно, обрадовалась, когда мы пришли, но, по-моему, она удивилась, что мы не принесли ей никаких гостинцев. "Наверно, она обрадуется, когда мы ей споем", - подумала я.

- Кристин, мы хотим тебе спеть! - сказали мы.

- Спеть? - изумилась Кристин. Это еще зачем?

- Чтобы доставить тебе радость, - объяснила Анна.

И мы запели громко-прегромко. Мы спели несколько песен. По виду Кристин нельзя было сказать, что она очень радуется. Мы спели еще три песни. Кристин не радовалась. Мы с Анной уже осипли, но твердо решили не уходить, пока не доставим Кристин настоящую радость. Однако Кристин слезла с кровати и сказала:

- Вы, детки, пойте, а я пойду посижу на крылечке.

Тогда мы с Анной догадались, что продолжать пение бесполезно, и распрощались с Кристин.

- Давай лучше подарим кому-нибудь цветы, - предложила Анна.

Мы думали-гадали, кому бы подарить цветы, как вдруг возле хлева увидели Оскара. Он возил на тачке навоз. Мы подбежали к нему, и я спросила:

- Оскар, тебе дарили когда-нибудь цветы?

- Так я же еще живой! - засмеялся Оскар.

Вот бедняга, он думал, что человеку дарят цветы только на похоронах! Анна ужасно обрадовалась: наконец-то мы нашли человека, которому никогда в жизни не дарили цветов. Мы побежали и нарвали букет вереска. Он получился очень красивый, и мы отправились с ним в хлев.

- Оскар, вот мы дарим тебе цветы! - сказали мы и протянули ему букет. Сперва он подумал, что мы над ним смеемся, и ни за что не хотел брать букет, но мы его упростили.

А когда мы с Анной, позже вечером, искали убежавшего кролика, мы увидели свой букет воткнутым в навозную кучу.

- Наверно, учительница что-то перепутала насчет цветов, - сказала Анна. И мы решили больше никогда не доставлять людям радость.

Когда мы прибежали домой, мы увидели у нас в кухне человека, который сидел на скамье с очень смущенным видом. Это был Свенссон из Большой деревни. Он пришел, чтобы купить у нас поросенка. Лассе и Боссе уже побежали за папой. Свенссон сидел на кухне и ждал папу. Анна отвела меня в уголок и прошептала:

- Смотри, какой он застенчивый! Давай попробуем еще разок?

И мы решили попробовать. Обычно мы болтаем без умолку, но когда потребовалось завести разговор, чтобы доставить Свенссону радость, мы не могли придумать, с чего начать. Наконец я решилась.

- Правда, сегодня хорошая погода? - спросила я.

Свенссон не отвечал. Наверно, он был очень застенчив. Я повторила:

- Сегодня хорошая погода, правда?

- Угу, - буркнул Свенссон и снова замолк.

Через минуту я опять сказала:

- А какая хорошая погода была вчера!

И взглянула на Анну, чтобы она помогла мне. Анна сказала:

- Может, и завтра будет хорошая погода!

- Угу, - опять буркнул Свенссон.

Тут на дворе появился папа, и Свенссон поднялся. Уходя, он улыбнулся и спросил:

- А какая погода была позавчера?

- Может, мы все-таки доставили ему хоть маленькую радость? - неуверенно спросила Анна.

Но вскоре нам с Анной все же удалось доставить человеку настоящую радость. Учительница сказала, что Марта из нашего класса тяжело заболела и ей придется долго пролежать в постели. Перед сном я лежала и думала о Марте. И решила подарить ей Беллу, свою самую красивую куклу. Потому что я знала, что у Марты нет никаких игрушек.

Утром я сказала об этом Анне. И тогда она принесла свои самые интересные сказки. После уроков мы вместе побежали к Марте. Она лежала в постели и была очень бледная. Марта ужасно обрадовалась, когда мы положили ей на кровать Беллу и сказки! Она обняла их и засмеялась. А потом крикнула своей маме, чтобы она пришла посмотреть на подарки.

По дороге домой я сказала Анне:

- Ну вот, мы и доставили человеку радость, когда даже не думали об этом!

Анна очень удивилась.

- Ой, а ведь и правда! - воскликнула она. - Хорошо, что мы не стали ей петь. Мне кажется, что люди гораздо больше радуются, когда им дарят кукол или книги.

- Да, во всяком случае дети, - согласилась я.

На Лесном озере

Далеко в лесу есть озеро, оно так и называется - Лесное. В Лесном озере нельзя купаться, потому что в нем много тины. Зато там можно ловить раков. А раков там видимо-невидимо! Лассе утверждает, что в Швеции нет другого озера, в котором было бы столько же раков.

Анна иногда говорит мне:

- Бедненькая ты, Лизи! У тебя нет своего озера, а у меня есть!

Но я отвечаю:

- И у меня тоже есть озеро. Лесное!

- Ха-ха-ха! - смеется Анна. - Но ведь оно не только твое! Оно принадлежит всем в Бюллербю. Значит, оно такое же мое, как твое. Ха-ха-ха! Значит, у меня целых два озера!

Тогда я обижаюсь на Анну, и в этот день мы с ней больше не играем. Но на следующий день мы договариваемся, что безразлично, кому принадлежат озера

- все равно мы все купаемся в озере Бритты и Анны и все ловим раков в Лесном. Никто, кроме нас, жителей Бюллербю, не смеет ловить там раков, и, по-моему, это очень правильно.

Раков начинают ловить только в августе. Мы всегда с нетерпением ждем этого дня, потому что мы все, кроме Черстин, конечно, отправляемся вместе с папами ловить раков. С вечера мы ставим на озере ловушки, потом строим в лесу шалаши, ночуем там, а на заре осматриваем ловушки. Ночевка в лесу - это-то и есть самое интересное! Лесное озеро далеко от Бюллербю, и нет смысла возвращаться домой на несколько часов. Так говорит наш папа. Нам повезло, что Лесное далеко от Бюллербю. Иначе мама заставляла бы нас возвращаться домой и спать в кроватях.

- Я боюсь, что дети простудятся, - говорит мама каждый год.

- Чепуха! - отвечает папа.

В этом году папа тоже сказал "Чепуха!", и мы отправились в путь.

Чтобы добраться до озера, нужно целых пять километров идти лесом по узкой, извилистой тропинке. У нас всегда бывает много вещей: ловушки для раков, рюкзаки, одеяла и всякая еда. Но мы не жалуемся, даже когда устаем, а то папа скажет, что нытикам нечего ходить за раками и ночевать в лесу.

На озере мы первым делом побежали осматривать свои прошлогодние шалаши. Но нашли только засохшие ветки можжевельника да старую хвою. Шалаш, в котором спим мы с Бриттой и Анной, устраивается под большой разлапистой елью. Ветви ее свисают до самой земли. Папа с дядей Эриком рубят можжевельник, и мы обкладываем им ель. Только для входа оставляем маленькое отверстие. А спим мы на земле, на еловых лапах.

Когда наш шалаш был готов, мы пошли посмотреть, как устроились мальчики. Они ночуют в расщелине, которую сверху прикрывают ветками. Спят они тоже на еловых лапах.

- Хорошо бы, девчонки хоть здесь оставили нас в покое, - сказал нам Лассе.

Боссе и Улле, как попугаи, повторили его слова.

- Пожалуйста, - сказала Бритта. - Наш-то шалаш в сто раз лучше вашего!

Лассе, Боссе и Улле захохотали и сказали, что им нас жаль, потому что мы даже представления не имеем, как выглядят настоящие шалаши. Мы не успели придумать в ответ ничего обидного - дядя Нильс позвал нас налаживать ловушки.

Ловушки для раков делают из сетки, и каждый год их приходится немного чинить, чтобы раки не выползали.

Мы сидели на берегу и бечевкой завязывали дырки на ловушках. Нам было очень весело. Солнце клонилось к закату, и на озере было необычайно красиво. И тихо. Конечно, когда мы молчали.

- Красивое озеро! - сказал наш папа.

Дядя Эрик вычерпывал воду из двух лодок, которые у нас всегда стоят на озере. А папа с дядей Нильсом клали в ловушки приманку. Как только все было готово, мы сели в лодки и поплыли вдоль берега ставить ловушки. У нас особые места, где мы их ставим каждый год.

А когда совсем стемнело, папа развел на скале костер, и мы уселись вокруг него ужинать. Свет от костра падал на воду, и нам казалось, что озеро так и пылает. В лесу было темно и тихо. Лассе сказал:

- А я слышу, как между деревьями ходят тролли!

Мы с Анной испугались, но Анна сказала:

- Глупости, никаких троллей нет!

И все-таки мы стали прислушиваться, потому что нам тоже очень хотелось услышать, как в лесу бродят тролли. Однако мы ничего не услышали и сказали Лассе, что он все выдумал.

- Вы их не слышите, потому что у них мохнатые лапы и они ступают очень тихо, - сказал Лассе. - Вон они стоят за деревьями и смотрят на нас.

- Не-а! Никого там нет! - сказала я, но на всякий случай придвинулась поближе к Анне.

- Нет, есть! - сказал Лассе. - В лесу полно троллей, и все они смотрят на нас. А подойти не смеют, потому что боятся огня.

Тогда папа сказал, чтобы Лассе перестал пугать маленьких девочек своими выдумками. Папа подбросил в костер веток, и костер весело запылал. Я не верю, что тролли есть на самом деле, но все-таки я залезла к папе на колени. А Анна залезла на колени к своему папе. И дядя Эрик стал нам свистеть. Он

замечательно свистит. Если захочет, он может свистеть, как любая птица.

А я сидела и думала, что если в лесу действительно живут тролли, вот они, наверно, удивляются, зачем это мы ночью сидим вокруг костра и слушаем, как свистит дядя Эрик.

Потом папа, дядя Эрик и дядя Нильс рассказывали всякие смешные истории, и мы очень смеялись. А Лассе, Боссе и Улле взяли карманные фонарики и спустились к воде искать раков. Они нашли двадцать три штуки и сложили их в бидон. Лассе сказал мальчикам:

- Если девчонки не будут вредничать, мы пригласим их завтра на раковый пир.

- Сначала посмотрим, как они будут себя вести, - сказал Боссе.

- Да, уж придется им постараться, - сказал Улле.

Когда костер почти догорел, дядя Эрик сказал, что пора спать. Наши папы не строят себе шалаша, они просто заворачиваются в одеяла и ложатся на землю вокруг костра. Мы с Бриттой и Анной залезли под нашу ель и тоже завернулись в одеяла. Сперва мы немножко поболтали, но ночью в лесу разговаривать неприятно: все время чудится, будто в темноте кто-то притаился и подслушивает.

Бритта с Анной заснули раньше меня. А я еще долго-долго лежала и слушала, как шумит лес. Он шумел очень тихо. И так же тихо плескались о берег волны. И странно, я вдруг перестала понимать, весело мне или грустно. Я все лежала и думала, весело мне или грустно, но так и не поняла. Наверно, человек становится чуть-чуть ненормальным, когда ночует в лесу.

Папа разбудил нас в четыре часа. От холода у меня зуб на зуб не попадал, но солнце светило уже вовсю. Мы вылезли из шалаша и затеяли возню, чтобы немного согреться.

Над озером лежал легкий туман, но вскоре он рассеялся. Мы с папой, Лассе и Боссе сели в одну лодку, а дядя Эрик, дядя Нильс, Улле, Бритта и Анна - в другую и поплыли вынимать ловушки.

Мне жаль тех людей, которые никогда не плавали по озеру в четыре часа утра и не вынимали ловушек с раками.

Почти все ловушки были полны. Лассе и Боссе запросто хватают раков руками, а я боюсь. Боссе вынул одного рака и долго смотрел на него, а потом взял и отпустил обратно в озеро.

- Ты что, спятил? - закричал на него Лассе. - Хочешь всех раков выпустить?

- У этого были такие грустные глаза, - сказал Боссе.

- Дурак! - возмутился Лассе. - Теперь он разболтает про нас по всему озеру, и мы в этом году не поймем больше ни одной штучки. Зачем ты отпустил его?

- У него были очень грустные глаза, - повторил Боссе.

В это время к нам подплыла вторая лодка, и мы спросили у Бритты, Анны и Улле, много ли у них раков.

- Полная лодка! - крикнул Улле.

Потом мы вернулись к нашей стоянке и вытряхнули всех раков в две бельевые корзины. Корзины были с крышками. Собрав свои вещи, мы отправились домой. На траве лежала роса, а на деревьях кое-где висела паутина. Она сверкала, как бриллианты. Мне хотелось и есть, и спать, и у меня промокли ноги, и мне было очень хорошо. Что может быть лучше, чем идти друг за другом по узкой тропинке и нести домой две корзины раков? Дядя Эрик свистел, а мы пели.

Вдруг Лассе закричал:

- А я вижу дым! Это в Бюллербю топят печи! И тут мы все увидели, как над лесом поднимаются три столбика дыма. Действительно, это в Бюллербю топили печи. Значит, наши мамы уже проснулись! А вскоре мы увидели и все три дома. В окнах пылало солнце, и наша деревня была удивительно красива.

- Бедные люди, которым негде жить! - сказала я Анне.

- Бедные люди, которые живут не в Бюллербю! - сказала Анна.

Дедушка уже проснулся и сидел на лужайке под вязом. Он услышал, что мы вернулись, и крикнул:

- Ну как, есть нынче раки в Лесном?

Дядя Эрик ответил, что раков столько, что дедушка, наверно, никогда столько и не видывал. Но дедушка сказал:

- О-хо-хо! Я в былые дни вылавливал там чертовски много раков!

Мы уселись на траву возле дедушки и рассказали ему, как нам было весело. А Лассе открыл бидон, где лежали раки, которых поймали мальчики, чтобы дедушка послушал, как раки барахтаются. Они, когда барахтаются, издают особый звук - "клир-клир". Этот звук не спутаешь ни с каким другим. Дедушка засмеялся и сказал:

- Да, это раки, ошибки тут быть не может!

Тогда Лассе спросил:

- Дедушка, а можно, мы сегодня устроим у тебя в комнате раковый пир?

- О-хо-хо! Конечно, можно! - ответил дедушка.

Дедушкин день рождения

В воскресенье нашему дедушке исполнилось восемьдесят лет. В этот день все в Бюллербю встали очень рано. В восемь часов мы поднялись к дедушке - папа, мама, Лассе, Боссе и я, Оскар и Агда, дядя Нильс и тетя Лизи, Улле и даже Черстин и, разумеется, Анна, Бритта и их мама и папа. Тетя Грета несла поднос, на котором стояла чашка кофе и разное угощение. И все принесли дедушке цветы.

Дедушка уже сидел в качалке, как всегда красивый и добрый. Мы, дети, спели ему песню, а дядя Эрик произнес речь. В конце речи он сказал:

- Такого отца, как у меня, нет ни у кого!

И тогда дедушка заплакал, и слезы капали ему на бороду. Я тоже чуть не заплакала.

Весь день дедушке приносили письма, цветы и телеграммы.

- О-хо-хо! - говорил дедушка. - Вы только подумайте, люди еще помнят такого старика!

Я уж и не знаю, сколько раз он в этот день сказал "О-хо-хо!". Он сидел в качалке и время от времени произносил:

- Восемьдесят лет, подумать только, какой я старый! О-хо-хо!

Когда он повторил это в пятый раз, Анна подбежала к нему, взяла его за руку и сказала:

- Дедушка, обещай, что ты никогда не умрешь!

На это дедушка ничего не ответил, он только погладил Анну по щеке и сказал:

- Дружочек ты мой!

Когда кончились все письма и телеграммы, мы прочли дедушке газету. И представьте себе, в газете тоже было написано о нашем дедушке!

"В воскресенье 18 октября исполняется восемьдесят лет землевладельцу из Бюллербю Андерсу Юхану Андерссону".

Мы прочли это дедушке, он закивал головой и сказал:

- Ишь ты, даже в газету попал, о-хо-хо!

А мне не понравилось, как они написали про дедушку, сразу даже не поймешь, о ком это. Надо было написать просто: "Дедушке из Бюллербю в воскресенье исполняется восемьдесят лет!"

Мы прочли дедушке всю газету, но он то и дело просил нас еще разок прочесть ему о землевладельце из Бюллербю.

А вообще-то газета была скучная, и в ней писали, что скоро должна начаться война, и все только про войну.

Нам даже стало страшно за Бюллербю, ведь мы собирались жить тут всю жизнь.

Мы с Бриттой и Анной уже придумали, как мы будем жить, когда вырастем. Лассе женится на Бритте, и они будут жить в нашем доме, Боссе женится на Анне, и они будут жить в Аннином доме, а Улле женится на мне, и мы будем жить у него. Тогда мы все сможем остаться в Бюллербю!

Тут же у дедушки мы рассказали мальчикам о нашем плане. Но Лассе сказал:

- Очень надо! Будто я не найду жены покрасивее, чем Бритта!

А Боссе сказал, что, когда он вырастет, он уедет в Америку, станет вождем индейского племени и женится на индианке, которую будут звать Смеющаяся Вода или как-нибудь в этом роде.

- Вот будет потеха, когда ты будешь кричать ей: "Смеющаяся Вода, свари кофе!" или "Смеющаяся Вода, скоро картошка сварится?", - засмеялся Лассе.

Но Боссе ответил, что он не любит картошку и они ее есть не будут.

А Улле сказал, что он хочет остаться в Бюллербю и жить вместе с

Черстин.

- Конечно, если жениться обязательно, можно жениться и на Лизи. Только я ничего не обещаю!

Вот, дураки, правда? Ведь все равно будет по-нашему! Я-то точно знаю, что выйду замуж за Улле, хотя он совсем не красивый. Но, может, к тому времени он еще похорошеет.

Дедушка услышал наш разговор и засмеялся:

- О-хо-хо! Хорошо, что вы еще дети! И не спешите, взрослыми стать вы всегда успеете!

Когда дедушка утомился, мы пожелали ему доброй ночи и разошлись по домам. Было уже совсем темно, и мы с Лассе и Боссе проводили Улле до самого крыльца, чтобы ему не пришлось идти одному в такую темень.

Ну вот, больше я уже не могу рассказывать вам про нашу жизнь. Пора спать. Потому что завтра утром мы все пойдем копать картошку. Для этого нас даже на три дня освободили от школы.

Копать картошку очень весело. Мы надеваем самую старую одежду и резиновые сапоги. Иногда на поле бывает так холодно, что у нас сводит пальцы.

Только что Бритта и Анна прислали мне письмо в сигарной коробке. Вот что там написано:

"Лизи, мы придумали одну замечательную вещь! Завтра на поле мы разыграем мальчишек. Ха-ха-ха, вот они разозлятся, а мы посмеемся!"

Интересно, что же они придумали? Но это я узнаю только завтра.